ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

8(3) 2022

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru
сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 8. № 3. 2022

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2408-932X

Volume 8. № 3. 2022

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

***

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН (Москва), Россия – ***председатель редакционной коллегии***

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянцев С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет имени Ж. Верна (Амьен), директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва), Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Вранье государственного Нишского университета, Республика Сербия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: Elena N. Motovnikova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: Igor V. Lyashenko, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

Executive Secretary: Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

***

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia – ***Chairman***

Irina Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

Siniša Atlagić, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

Nikolai N. Veresov, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

Lorenzo Vinciguerra, Professor of Philosophy and Aesthetics at Picardy University named after Jules Verne (Amiens), director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia

Sunčica M. Denić (Mikhailović), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

Mikhail S. Zhirov, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Faculty of Music, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения факультета музыкального творчества Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения Факультета социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и документоведения, историко-филологический факультет педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Vesa Oittinen, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Faculty of Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Vitaly V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Historical and Philological Faculty, Pedagogical Institute; Belgorod National Research University, Russia

Vladimir N. Porus, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

Alexander A. Khamidov, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

Zhu Tszyangan, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Tatiana G. Shchedrina, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Annett Jubara, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»
Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

© Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022
© Belgorod National Research University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ		RESEARCHES	
Финогентов В. Н. Некоторые типы обоснования тезиса о бесконечности (неисчерпаемости) универсума	**5**	**Finogentov V. N.** Some types of substantiation of the thesis about the infinity (inexhaustibility) of the universe	**5**
Ополев П. В., Петров А.В. Потенциал телеологического подхода к решению проблемы антропокультурной сложности	**17**	**Opolev P. V., Petrov A. V.** The potential of a teleological approach to solving the problem of anthropocultural complexity	**17**
Черновицкая Ю. В. Техногенная цивилизация и новые формы неравенства	**30**	**Chernovitskaya Yu. V.** Technogenic civilization and new forms of inequality	**30**
Шаронова С. А. Сетевая методология смарт-образования	**47**	**Sharonova S. A.** Network methodology of smart education	**47**
Седанкина Т. Е. Священная книга (Коран) как речевое событие: герменевтические подходы	**58**	**Sedankina T. E.** The holy book (Koran) as a speech event: hermeneutical approaches	**58**
Чжу Цзянган, Лу Яо. "Война и мир" Л.Н. Толстого: истолкования Н.Н. Страхова, актуальные контексты	**77**	**Zhu Jiangang, Lu Yao** “War and Peace” in the interpretation of N. N. Strakhov: current contexts	**77**
Смолева Е. О. Психическое самочувствие населения в контексте пандемии COVID-19 (на примере Вологодской области)	**91**	**Smoleva E. O.** Mental well-being of population in the COVID-19 pandemic (on the example of the Vologda region)	**91**
Данчай-оол А. А., Адыгбай Ч. О. Развитие религиозных верований тувинцев в условиях глобализации	**106**	**Danchay-ool A., Adygbay Ch.** Development of religious beliefs of Tuvans in the conditions of globalization	**106**
Портнова Т. В. Проблемы использования дизайнерских решений при оформлении культурного пространства больших и малых городов	**116**	**Portnova T. V.** Problems of using design solutions in the design of cultural space of large and small cities	**116**
АРХИВ		**ARCHIVE**	
Сайманов С. С. Вклад И.Г. Котенева в развитие архивного дела в Каракалпакстане	**129**	**Saymanov S. S.** Ivan Kotenev’s contribution to the development of archives in Karakalpakstan	**129**

РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ		**MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS**	
Стоянович В. Человеческое понимание (к геременевтике нормы)	**137**	**Stojanovich V.** Human understanding (toward a hermeneutic of the norm)	**137**
Ивашина Р. А. Понятие насилия в социально-политической философии Аристотеля	**152**	**Ivashina R. A.** The concept of violence in Aristotle's social and political philosophy	**152**
Рудавина Т. А. Христианские аксиологические основания современных внутрисемейных отношений в условиях глобализации	**158**	**Rudavina T. A.** Christian axiological foundations of modern intra-family relationships in the context of globalization	**158**
Ермолович В. В. Богословская традиция борьбы староверов-поморцев с инновациями в христианстве и ересью: опыт Белгородской старообрядческой общины	**168**	**Ermolovich V. V.** The Theological tradition of the struggle of Old Believers against innovations in Christianity and heresy: experience of Belgorod Old Believers community	**168**
Бай Цзе Исследование стратегий перевода модных интернет-словечек на русский язык в 2021 году с точки зрения межкультурной коммуникации	**175**	**Bai Jie** Research on Russian translation strategies of 2021 Network buzzwords from the perspective of cross-cultural communication	**175**

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 125 **DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-1**

Финогентов В. Н.

Некоторые типы обоснования тезиса о бесконечности (неисчерпаемости) универсума

Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина,
ул. Генерала Родина, д. 69, г. Орёл, 302019, Российская Федерация; *v_fin@mail.ru*

Аннотация. В статье обсуждается проблема возможности (невозможности) обоснования тезиса о бесконечности (неисчерпаемости) универсума. Прежде всего, уточняется содержание ключевых понятий формулировки проблемы: универсум, неисчерпаемость универсума, обоснование. Далее демонстрируется невозможность специально-научного (эмпирического и теоретического) обоснования тезиса бесконечности (неисчерпаемости) универсума. Критически анализируется позиция авторов, полагающих, что обсуждаемый тезис имеет сугубо аксиоматический, постулативный характер. В статье утверждается, что рассматриваемый тезис может быть достаточно убедительно обоснован. Показывается, в частности, что возможны теологическое, антропологическое и логическое обоснования данного тезиса. Теологическое обоснование апеллирует к аргументу, согласно которому всемогущему Богу более подобает сотворение именно бесконечного мира. Антропологическое обоснование ссылается на объективную реальность феноменов, без которых невозможно ни возникновение, ни развитие человека (человечества). Речь идет о случайности, инновационных процессах, свободе и творчестве. Демонстрируется, что эти феномены неотъемлемо присущи только неисчерпаемому универсуму. Логическое обоснование опирается на невозможность парменидовых переходов определенного типа: невозможность перехода от бытия универсума к его небытию и перехода от небытия универсума к его бытию. Показано, что признание невозможности таких переходов, по сути, тождественно признанию бесконечности (неисчерпаемости) универсума. В статье анализируются также достоинства и недостатки указанных обоснований.

Ключевые слова: универсум; бесконечность; алгоритмизированная бесконечность; неисчерпаемость; эмпирическое обоснование; теоретическое обоснование; теологическое обоснование; антропологическое обоснование; логическое обоснование

Для цитирования: Финогентов В. Н. Некоторые типы обоснования тезиса о бесконечности (неисчерпаемости) универсума // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 4-16. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-1

V. N. Finogentov

Some types of substantiation of the thesis about the infinity (inexhaustibility) of the universe

Parakhin Orel State Agrarian University, 69 General Rodin St., Orel, 302019, Russian Federation; *v_fin@mail.ru*

Annotation. The article discusses the problem of the possibility (impossibility) of substantiating the thesis of the infinity (inexhaustibility) of the universe. First of all, it clarifies the content of the key concepts of the article: the universe, the inexhaustibility of the universe, justification. Further, the impossibility of a specially scientific (empirical and theoretical) substantiation of the thesis of the infinity (inexhaustibility) of the universe is demonstrated. The position of the authors who believe that the thesis under discussion has a purely axiomatic, postulative character is critically analyzed. The article argues that the thesis under consideration can be sufficiently convincingly substantiated. In particular, it is shown that theological, anthropological and logical justifications of this thesis are possible. The theological justification appeals to the argument that it is more appropriate for almighty God to create an infinite world. The anthropological justification refers to the objective reality of phenomena, without which neither the emergence nor the development of man (humanity) is possible. We are talking about randomness, innovative processes, freedom and creativity. It is demonstrated that these phenomena are inherent only in the inexhaustible universe. The logical justification is based on the impossibility of Parmenides transitions of a certain type: the impossibility of the transition from the existence of the universe to its non-existence and the transition from the non-existence of the universe to its being. It is shown that the recognition of the impossibility of such transitions is, in fact, identical to the recognition of the infinity (inexhaustibility) of the universe. The article also analyzes the advantages and disadvantages of these justifications.

Keywords: universe; infinity; algorithmized infinity; inexhaustibility; empirical justification; theoretical justification; theological justification; anthropological justification; logical justification

For citation: Finogentov V. N. (2022), “Some types of substantiation of the thesis about the infinity (inexhaustibility) of the universe”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 4-16, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-1

Предварительные замечания

Предваряя разговор об обосновании тезиса о бесконечности (неисчерпаемости) универсума, необходимо сделать несколько принципиально важных для данной статьи терминологических уточнений.

Итак, универсум будет пониматься ниже как всеобъемлющий субъект бытия. Иначе говоря, универсум – это все, что в том или ином смысле существует. В качестве синонима этого слова я буду иногда использовать слово «мир». Очевидно, что универсум не следует отождествлять со Вселенной. Вселенная является предметом изучения такой специальной науки, как космология, в то время как универсум – это предмет изучения такой философской дисциплины, как онтология. В связи с этим можно сказать, что Вселенная – это научно изученная (разумеется, в определенной степени) на данном этапе развития человечества часть неисчерпаемого универсума. Поэтому ниже я буду употреблять понятия

«универсум» или «Вселенная» в зависимости от того, какой контекст (философский или специально-научный) доминирует в соответствующей части статьи.

Неисчерпаемость универсума может быть интерпретирована как его многообразная бесконечность: его пространственная бесконечность и временная бесконечность, его бесконечность вширь и бесконечность вглубь, его структурная бесконечность и номологическая бесконечность и т. д. Ниже для определенности и удобства я чаще буду говорить о пространственной бесконечности универсума. Неисчерпаемому универсуму свойственна, можно сказать, ошеломляющая онтология. Так, например, все его определенности и закономерности имеют сугубо локальный характер. У него отсутствуют какие бы то ни было формы глобального единства. Он является генетически и структурно неоднородным и т. д. (см. об этом подробнее: Финогентов, 2020: 26-69). Добавлю, что признание неисчерпаемости универсума означает также, что на любой стадии своего развития человечество более или менее глубоко знает лишь его конечную часть. Соответственно, многообразно бесконечная часть такого универсума всегда останется человечеству неизвестной. Неисчерпаемому универсуму логически противостоит исчерпаемый универсум, который характеризуется двумя основными особенностями: 1) в его фундаменте лежит уровень простейших (бесструктурных) сущностей; 2) число этих сущностей конечно.

Наконец, обоснование будет пониматься ниже достаточно широко: как процедура приведения аргументов различного рода (эмпирических, теоретических, философских, теологических и т. д.), подтверждающих правомерность, предпочтительность или даже истинность некоего обсуждаемого положения. В современной философии хорошо известно, что процедура обоснования содержит в себе очень много сложностей, связанных в частности с тем, что аргументы, обосновывающие обсуждаемый тезис, в свою очередь нуждаются в обосновании (см. об этом подробнее: Альберт, 2003: 38-42). Давно уже ясно также, что абсолютно надежное обоснование в специальных науках и в философии – это недостижимый идеал. Тем не менее, обоснование, несомненно, по-прежнему остается фундаментальной задачей и специально-научного, и философского познания, поскольку отсутствие обоснования соответствующего тезиса превращает его в выражение субъективного и произвольного мнения.

О невозможности эмпирического и теоретического обоснования тезиса о бесконечности (неисчерпаемости) универсума

Приступая к обсуждению проблемы обоснования утверждения о бесконечности (неисчерпаемости) универсума, прежде всего надо сказать, что прямолинейно-эмпирическое обоснование этого утверждения невозможно. Иначе говоря, невозможно обосновать утверждение бесконечности (неисчерпаемости) универсума с помощью соответствующих научных наблюдений и измерений. Конечно, каждый шаг на пути прогресса средств научного наблюдения и измерения убедительно демонстрирует, что Вселенная является более обширной, чем считали ранее. Так, если в догалилеевскую эпоху человечество, как ему представлялось, жило в совсем небольшой по размерам Вселенной, то современные данные о наблюдаемой части Вселенной оценивают ее размеры более чем в 93 миллиарда световых лет. Однако понятно, что даже самые совершенные научные наблюдения и измерения никогда не подтвердят бесконечности Вселенной и, тем более, бесконечности (неисчерпаемости) универсума.

Здесь будет уместна аргументация, так сказать, кантианского толка. Как известно, И. Кант совершенно справедливо подчеркивал, что знания, полученные на основе опыта, могут быть «лишь сравнительной степени общности». Поэтому, утверждал он, такие знания в принципе не могут быть всеобщими (Кант, 1994: 33 и

др.). Не менее справедливым мне представляется аналогичный по сути тезис: знания, полученные на основе опыта, в частности, на основе научных наблюдений и экспериментов, всегда локальны в пространственном и временном смысле. Иначе говоря, эти знания могут более или менее адекватно описывать некоторую – всегда конечную – область действительности. Но такие знания в принципе не могут дать сколько-нибудь адекватного описания бесконечного универсума. Только что сказанное можно выразить и иначе. А именно: наблюдения и измерения, относящиеся к бесконечной области действительности, в принципе не осуществимы операционально.

Более отчетливо осознать сказанное о невозможности прямолинейно-эмпирического обоснования утверждения бесконечности универсума может помочь понятие практической бесконечности универсума. Представим себе, что универсум имеет конечные, но чудовищно большие пространственные размеры. Например, представим, что его линейные размеры порядка десяти в сотой степени световых лет. (Любознательный читатель может сравнить эти колоссальные размеры с размерами ныне наблюдаемой части Вселенной, которые, как уже сказано, составляют величину порядка десяти в одиннадцатой степени световых лет.) Тогда для современного человечества такой (в принципе, пространственно конечный) универсум будет практически бесконечным, поскольку ни одно научное наблюдение (измерение) в обозримой перспективе не сможет продемонстрировать его пространственную конечность. Но все-таки даже в таком случае есть хотя бы призрачная надежда на то, что в чрезвычайно отдаленном будущем наши потомки, далеко превзошедшие нас по своей познавательной мощи, смогут эмпирически убедиться в пространственной конечности такого – невообразимо гигантского – универсума. Понятно, что если универсум пространственно поистине бесконечен хотя бы в чисто количественном плане, то надежды на эмпирическое подтверждение этого обстоятельства просто не может быть.

По всей видимости, невозможно также теоретическое обоснование утверждения о бесконечности (неисчерпаемости) универсума. Подчеркну, что «теоретическое обоснование» понимается в данном случае вполне определенно. А именно, здесь имеется в виду обоснование указанного утверждения с помощью соответствующих специально-научных теорий, прежде всего, с помощью фундаментальных физических теорий или же с помощью законов, входящих в состав таких теорий.

Я полагаю, что теоретическое обоснование обсуждаемого тезиса невозможно, поскольку все обоснования такого рода предполагают возможность беспредельной экстраполяции соответствующих физических теорий. Другими словами, такие обоснования подразумевают правомерность применения этих теорий ко всему бесконечному универсуму. Так, например, классическая космология была основана на предположении о допустимости беспредельной экстраполяции классической механики, то есть допустимости экстраполяции законов классической механики на всю (бесконечную) Вселенную. Соответственно, релятивистская космология основана на предположении о допустимости беспредельной экстраполяции общей теории относительности. Но можно убедительно продемонстрировать, что беспредельная экстраполяция ныне существующих физических теорий, по сути, некорректна (см. об этом: Финогентов, 2021). Это обстоятельство подтверждается, в частности, тем, что все аналогичные попытки беспредельной экстраполяции прежних научных теорий и их фундаментальных принципов (законов) были неудачны. Вспомним в связи с этим, например, парадоксы классической космологии (фотометрический, гравитационный, термодинамический парадоксы). Кроме того, обоснование тезиса о бесконечности (неисчерпаемости) универсума посредством отсылки к возможности

беспредельной экстраполяции определенных специально-научных теорий, очевидно, содержит в себе логический круг. Действительно, возможность беспредельной экстраполяции некоторой специально-научной теории уже предполагает бесконечность Вселенной.

Если невозможно ни эмпирическое, ни теоретическое обоснование обсуждаемого тезиса, то может показаться, что не только доказательство, но и обоснование рассматриваемого утверждения невозможно. В связи с этим в философии сформировалась точка зрения, согласно которой утверждение о бесконечности (или конечности) универсума носит сугубо конвенциональный, гипотетический, постулативный характер. (Истоки такой позиции можно усмотреть уже у И. Канта, в равной мере убедительно «доказавшего» при обсуждении первой антиномии чистого разума и ее тезис «мир конечен (ограничен)», и ее антитезис «мир бесконечен».)

Такая точка зрения в определенной мере подкрепляется, по-видимому, позицией, представленной в работах известных специалистов по философским вопросам релятивистской космологии. Так, например, подробно и глубоко обсуждая различные аспекты проблемы бесконечности в релятивистской космологии, Э.М. Чудинов неоднократно подчеркивал, что тезис о бесконечности Вселенной носит сугубо аксиоматический, постулативный характер (см. об этом: Чудинов, 1968). Очевидно, в соответствии с таким подходом, каждый исследователь может исходить как из предположения о бесконечности универсума, так и из гипотезы о его конечности. Иначе говоря, для сторонников такого подхода имеет место своего рода симметрия, равноправие предположения о бесконечности универсума и предположения о его конечности.

Несомненно, анализ проблемы бесконечности Вселенной в рамках релятивистской космологии, проведенный Э.М. Чудиновым и некоторыми другими авторами, весьма способствовал преодолению многих распространенных заблуждений и упрощений, которые были свойственны работам их предшественников. В то же время, на мой взгляд, итог обсуждения проблемы бесконечности Вселенной в релятивистской космологии не следует автоматически переносить на проблему возможности (невозможности) обоснования утверждения бесконечности (неисчерпаемости) универсума. Я полагаю, что задача такого обоснования в определенной мере может быть решена. И развиваю ниже позицию, в соответствии с которой возможно разнообразное и достаточно убедительное обоснование тезиса о бесконечности (неисчерпаемости) универсума. Причем, как будет показано ниже, существуют и могут быть предложены принципиально различные типы этого обоснования.

Теологическое обоснование тезиса о бесконечности (неисчерпаемости) универсума

На мой взгляд, значительный интерес представляет теологическое обоснование утверждения о бесконечности (неисчерпаемости) мира. Конечно, это весьма специфическое обоснование. Оно, очевидно, предполагает веру в Бога, Творца этого мира. Но все-таки это именно обоснование, поскольку, как мы убедимся ниже, мы имеем здесь дело с отчетливой формулировкой фундаментального (с точки зрения соответствующего – теистического – мировоззрения) аргумента, в силу которого следует принять тезис о бесконечности мира.

Суть теологического обоснования обсуждаемого утверждения состоит в том, что всемогущему Богу (Творцу) более подобает создать именно бесконечный, а не конечный мир (универсум). Здесь можно было бы цитировать многих мыслителей, подчеркивавших данное обстоятельство. Речь идет, в частности, о выдающихся мыслителях эпохи Возрождения и начала Нового времени: Николае Кузанском, Томасе Диггсе, Джордано Бруно, Рене Декарте. Если средневековые авторы атрибут бесконечности приписывали только Богу, а сотворенный

Богом мир считали конечным, то перечисленные мыслители чем дальше, тем больше приближались к предположению, что бесконечным является также и созданный Богом мир. При всех различиях их воззрений, в том числе существенных, все они склонялись к признанию того, что «бесконечному величию и могуществу» Бога соответствует сотворение именно бесконечного мира. Позиции указанных и некоторых других мыслителей по данному вопросу систематически представлены и проанализированы в замечательной книге Александра Койре (см.: Койре, 2001), к которой я и отсылаю заинтересованного читателя за подробностями.

Впрочем, более внимательное рассмотрение показывает, как это ни неожиданно, что созидательные возможности Бога в рассматриваемом плане, по всей видимости, ограничены. А именно: скорее всего, Бог мог бы создать мир, бесконечный лишь в строго ограниченном смысле. Понятно, что речь сейчас идет о таких теологических представлениях о Боге, мире и их взаимоотношениях, которые хотя бы в минимальной степени рационализированы. Например, такие представления непременно должны включать в себя признание наличия некоторых форм единства сотворенного Богом мира. В противном случае, если миру не свойственны никакие формы глобального единства, то Бог не сможет охватывать весь этот мир актами своего внимания. То есть в таком случае Бог не смог бы быть вездесущим, всеведущим и т. п. На мой взгляд, совместить признание наличия некоторых форм единства сотворенного Богом мира, с одной стороны, и признание его (сотворенного мира) бесконечности, с другой стороны, можно, только признав, что речь идет о весьма специфической бесконечности мира. А именно: Бог мог бы сотворить только такой бесконечный универсум, который конструируется им по определенному алгоритму (или по многим алгоритмам) из некоторых «конечных блоков» путем бесконечного присоединения друг к другу таких «блоков». Соответственно, такой – сотворенный Богом – бесконечный мир должен характеризоваться своего рода пространственной, субстратной (и иной) однородностью. Именно эта однородность гарантировала бы единство такого мира и, следовательно, давала бы Богу возможность быть его Вседержителем. Иными словами, сотворенному Богом миру может быть свойственна лишь алгоритмизированная бесконечность.

Как видим, Бог в принципе не может создать поистине неисчерпаемый универсум, атрибутом которого, как уже сказано, является структурная и генетическая неоднородность и отсутствие каких бы то ни было форм глобального единства. Неисчерпаемый универсум самодостаточен, он не нуждается в Творце, он вечен, он «обречен» на бытие (см. об этом подробнее: Финогентов, 2020: 8-25).

Кстати сказать, здесь стоит обратить внимание на то, что итог, к которому мы только что пришли, то есть вывод о невозможности создания Богом поистине неисчерпаемого универсума, означает также, что принятие тезиса о неисчерпаемости универсума тождественно признанию невозможности бытия Бога (Творца). Мировоззренческое значение этого результата трудно переоценить.

Конечно, только что представленным соображениям об ограниченности креативных способностей Бога можно противопоставить богословскую позицию, согласно которой всемогущий Бог может творить мир, какой ему угодно, в том числе и мир неисчерпаемый. – Что ж, такая богословская позиция, несомненно, возможна. Но совсем нетрудно убедиться в том, что она в принципе не рационализируема, а также в том, что она ведет к давно известным и, по сути, неразрешимым парадоксам (прежде всего – к парадоксу всемогущества). А я, как сказано выше, обсуждаю здесь только такие теологические воззрения, которые являются в некоторой степени рационализированными. И полагаю, что мой – весьма избирательный и требовательный – подход к теологии адекватен в рассматриваемом

плане, поскольку речь идет именно о процедуре теологического обоснования интересующего нас тезиса. А процедура обоснования (даже теологического), безусловно, рационалистична по своей природе.

Антропологическое обоснование тезиса о бесконечности (неисчерпаемости) универсума

По всей видимости, возможно также своего рода эмпирическое обоснование обсуждаемого тезиса. Здесь, конечно, имеется в виду не «прямолинейно-эмпирическое» обоснование, невозможность которого показана выше, а основанное на опыте обоснование, понимаемое в широком смысле слова «эмпирический». Конкретнее, речь идет о том, что самые разные виды опыта (не только научный, но и повседневный, исторический и др.) убеждают нас в объективной реальности феноменов случайности, инновационных процессов, свободы и творчества. Подчеркну, что только объективная реальность указанных феноменов в универсуме делает возможным появление, существование и развитие в нем человека и человечества. Только объективная реальность этих феноменов, и прежде всего свободы и творчества, позволяет нам говорить о субъектности человека, его автономности, его достоинстве. В противном случае, если отрицается объективная реальность указанных феноменов, человек – это всего лишь марионетка природы, общества или Бога. Поэтому такое – основанное на опыте в широком смысле этого слова – и рассматриваемое в данном разделе обоснование тезиса о бесконечности (неисчерпаемости) универсума вполне логично назвать также его антропологическим обоснованием (см. об этом также: Финогентов, 2012: 43-61). Действительно, здесь мы имеем дело с тем, что само существование человека, природа которого предполагает объективную реальность свободы и творчества (а следовательно, и объективную реальность случайности и инновационных процессов), возможно только в универсуме, обладающем вполне определенными качествами. Отмечу также сущностное сходство предлагаемого здесь антропологического обоснования тезиса о бесконечности (неисчерпаемости) универсума с антропным принципом, сформулированным и активно применяемым в современной космологии. (Подробнее об этом принципе см.: Виленкин, 2010: 169-184; Пенроуз, 2020: 345-359.)

Итак, используя древний принцип «спасения явлений», мы должны здесь поставить перед собой задачу найти такую онтологию (такой универсум), которая допускала бы объективное существование случайности, инновационных процессов, свободы и творчества. Представляется, что, по большому счету, выбор у нас в этом плане совсем невелик.

Первый из возможных вариантов – это онтология уже знакомого нам исчерпаемого универсума. Нетрудно убедиться в том, что в исчерпаемом универсуме указанные феномены имеют лишь кажущийся (субъективный, иллюзорный) характер. Так, например, в рамках такого универсума случайным называется событие (процесс), причин которого данный субъект познания не знает или знает недостаточно полно и глубоко. «С точки зрения самого такого универсума», все события (процессы) в нем происходят с необходимостью. Иначе говоря, в таком – исчерпаемом – универсуме объективная реальность указанных феноменов невозможна, в нем царствует жесткий, однозначный (лапласовский) детерминизм (подробнее см. об этом: Финогентов, 2012: 62-102).

Второй возможный здесь вариант – это онтология универсума, которому свойственна упомянутая выше алгоритмизированная бесконечность. Как уже было сказано, такой универсум представляет собой бесконечное множество некоторых «конечных блоков», последовательно присоединенных друг к другу. Роль «конечных блоков», несомненно, могут сыграть исчерпаемые универсумы. То есть, универсум, которому свойственна алгоритмизированная

бесконечность, – это бесконечно тиражированный исчерпаемый универсум. Поэтому, разумеется, и в таком универсуме обсуждаемые феномены имеют лишь кажущийся (субъективный, иллюзорный) характер.

Таким образом, мы приходим к третьему варианту, к онтологии неисчерпаемого универсума. Как показано в моих предшествующих работах, онтология такого универсума может быть представлена весьма эвристичной трехуровневой моделью (см.: Финогентов, 2012). В этой модели фигурируют следующие связанные друг с другом уровни бытия универсума: а) уровень бытия конечного как такового; б) уровень бытия бесконечного как такового; в) уровень бытия конечного, неразрывно связанного с бесконечным. В этих же работах продемонстрировано, что присутствие в универсуме каждого из этих уровней, а также их многообразные взаимосвязи, позволяют «спасти» явления случайности, инноваций, свободы и творчества. *Другими словами, эти явления атрибутивно свойственны только неисчерпаемому универсуму. Таким образом, признание объективной реальности указанных феноменов, несомненно, является очень серьезным доводом в пользу бесконечности (неисчерпаемости) универсума.*

Любопытно, что о происхождении свободы и творчества из своего рода бесконечности, неисчерпаемости говорит и Н.А. Бердяев. Вслед за Я. Бёме он называет эту неисчерпаемость Unrund (бездна, безосновность). У него это «темная», в принципе не рационализируемая бездна (см. об этом в частности: Бердяев, 1994: 130-131; Бердяев, 2004: 91).

Впрочем, многообразное проявление обсуждаемых феноменов в нашем мире можно рассматривать как своего рода чудо, как свидетельство особого вмешательства Бога в дела сотворенного им мира. Очевидно, что в рамках такого подхода конечность (исчерпаемость) мира тоже преодолевается. Но здесь она преодолевается не признанием бесконечности (неисчерпаемости) самого мира. Она преодолевается в рамках такого подхода на пути признания некой в принципе не рационализируемой связи конечного мира и бесконечного Бога. Абстрактно говоря, такое признание вполне допустимо. Но, по всей видимости, в рассматриваемом контексте обосновываемое в данной статье предположение о бесконечности (неисчерпаемости) универсума значительно проще и «экономней», а поэтому и предпочтительнее теистического предположения о не рационализируемой взаимосвязи конечного мира и бесконечного Бога.

Добавлю, что в философии и в науке весомо представлена также традиция отрицания объективной реальности случайности, свободы, инновационных процессов и творчества. Такое отрицание мы находим не только у представителей механицизма и различных форм мифологического и религиозного фатализма, но и, что весьма любопытно, также у многих нынешних авторов, опирающихся, в частности, на определенную интерпретацию некоторых достижений современных нейронаук. Особенно яростно эти авторы отрицают объективную реальность свободы человека (см. об этом: Метцингер, 2017; Харрис, 2018). Анализ этой традиции показывает (Финогентов, 2020: 245-260), что ее онтологическим основанием, осознают или не осознают это представители данной традиции, является опять-таки предположение о конечности (исчерпаемости) универсума. Понятно, что если осознанно или неосознанно принять онтологию исчерпаемого универсума, то мы неизбежно попадем в мир жесткой детерминации. А в таком мире, как уже подчеркнуто, феномены случайности, свободы, инновационных процессов и творчества имеют характер кажимости.

Логическое обоснование тезиса о бесконечности (неисчерпаемости) универсума

В качестве логического обоснования бесконечности универсума можно рассматривать указание на невозможность осуществления так называемых парменидовых переходов. Имеется в виду невозможность осуществления переходов от бытия (уни-

версума) к небытию (универсума) и, соответственно, невозможность переходов от небытия (универсума) к бытию (универсума).

Почему я характеризую такое обоснование как в определенном смысле логическое? Дело в том, что основополагающим для философии Парменида Элейского является принцип тождества мышления и бытия. Для него, как известно, «одно и то же – мышление и то, о чем мысль» (Фрагменты…, 1989: 291). Из этого принципа следует, что истинное бытие подчиняется логическому закону тождества. Таким образом, описанные выше парменидовы переходы невозможны, поскольку они нарушили бы логический закон тождества. Иными словами, бытие самотождественно, поэтому оно не может перейти в небытие. И наоборот: небытие самотождественно, поэтому оно не может перейти в бытие. Так что, как видим, логическая подоснова здесь присутствует вне всяких сомнений.

Говоря о том, что парменидовы переходы невозможны, как правило, имеют в виду темпоральные аспекты невозможности таких переходов. И это совершенно справедливо. Тем более что уже сам великий Парменид провозглашал, что бытие не «было» некогда и не «будет», так как оно «есть» сейчас (Фрагменты…, 1989: 290) (см. об этом также: Финогентов, 2020: 169-188). Однако в контексте обсуждения проблемы обоснования бесконечности (неисчерпаемости) универсума не менее значимо указание и на «пространственные» аспекты невозможности таких переходов. Иначе говоря, мы должны подчеркнуть, что универсум не только вечен, не только «обречен» на бытие во времени, поскольку невозможен переход от его бытия к его небытию во временном плане. Мы должны также подчеркнуть, что универсум «обречен» быть бесконечным в пространстве, ибо невозможна граница, отделяющая его бытие от его небытия, поскольку невозможен парменидов переход от бытия универсума к его небытию в пространственном плане.

Отмечу в связи с только что сказанным два достаточно существенных момента. Во-первых, укажу на некоторую близость приведенного выше обоснования тезиса о бесконечности универсума с помощью отсылки к невозможности парменидовых переходов к известному кантовскому «доказательству» бесконечности мира, данному в «Критике чистого разума». Напомню, что И. Кант, обсуждая свою первую антиномию чистого разума, доказывает, как он полагает, в том числе ее антитезис: мир бесконечен в пространстве. Использует он при этом метод «от противного». Предположим, говорит он, что мир конечен в пространстве. В таком случае, утверждает Кант, этот конечный мир находится в пустом пространстве. Следовательно, продолжает он, «должно существовать не только отношение вещей в пространстве, но и отношение их к пространству». Но, подчеркивает далее философ, «отношение мира к пустому пространству было бы отношением его к ничто». Понятно, что «такое отношение, а стало быть, и ограничение мира пустым пространством есть ничто; следовательно, мир <…> бесконечен…» (Кант, 1994: 269, 271).

Конечно, бросается в глаза, что эти рассуждения И. Канта в значительной мере основываются на ньютонианских представлениях о пустом пространстве. Поэтому, как правило, это «доказательство» пространственной бесконечности мира оценивается современными авторами как явно устаревшее, наивное и т. п. В определенном отношении такая оценка справедлива. Однако с небольшими поправками приведенное рассуждение Канта, на мой взгляд, вполне может претендовать на статус не доказательства, разумеется, но некоторого обоснования тезиса о пространственной бесконечности мира. Действительно, если заменить в анализируемом рассуждении великого мыслителя конструкцию «пустое пространство» на конструкцию «небытие» (такая замена выглядит, на мой взгляд, совершенно естественной, поскольку и у са-

мого Канта «пустое пространство», как следует из приведенных мною цитат, тождественно «ничто»), то мы придем к достаточно убедительному построению. Мы придем к построению, можно сказать, тождественному нашему обоснованию пространственной бесконечности мира посредством отсылки к утверждению невозможности парменидова перехода: перехода от бытия универсума к его небытию.

Второе замечание, которое здесь необходимо сделать, связано с возможным непониманием своеобразия того парменидова перехода, невозможность которого представлена у меня выше как основание бесконечности универсума. Как? – скажет воображаемый оппонент, – вы утверждаете, что парменидовы переходы (переход от бытия к небытию и переход от небытия к бытию) невозможны. Но ведь мы постоянно и повсеместно наблюдаем переходы такого рода. Ведь в этом мире постоянно и повсеместно что-то возникает, что-то исчезает. Но, строго говоря, в наблюдении моего уважаемого оппонента мы имеем дело не с переходами от бытия к небытию. Фактически его наблюдение фиксирует многообразные переходы от бытия одного субъекта к бытию другого субъекта, разнообразные последовательности различных форм (видов) бытия. Такой последовательностью является, например, бытие железной руды, бытие слитка железа, бытие железной детали… И такого рода последовательности в неисчерпаемом универсуме не имеют ни начала, ни конца. Аналогично дело обстоит с постоянно и повсеместно наблюдаемыми в нашем мире пространственными переходами от одного субъекта бытия к другому субъекту бытия. Здесь, очевидно, также нет таких парменидовых переходов, о которых я писал выше.

Когда я пытался обосновать тезис о бесконечности (неисчерпаемости) универсума невозможностью парменидовых переходов, я имел в виду совершенно уникальный субъект бытия, а именно, всеобъемлющий универсум, такой субъект бытия, которому свойственно бытие в полном смысле этого слова. Я говорил о субъекте бытия, который, как уже сказано, «обречен на бытие». Применительно к такому субъекту бытия парменидов переход (переход к небытию) невозможен. И из невозможности такого перехода действительно следует бесконечность (неисчерпаемость) универсума, в том числе его пространственная бесконечность.

Заключение

Итак, проведенное в статье обсуждение проблемы обоснования тезиса о бесконечности (неисчерпаемости) универсума позволяет сделать следующие выводы.

1. Невозможно осуществление специально-научного (эмпирического и теоретического) обоснования этого тезиса. С одной стороны, соответствующие эмпирические процедуры (научные наблюдения и измерения, подтверждающие бесконечность Вселенной) в принципе не осуществимы, с другой стороны, теоретическое обоснование данного тезиса предполагает осуществление явно некорректной процедуры беспредельной экстраполяции некоторых фундаментальных научных теорий.

2. Возможно осуществление теологического обоснования этого тезиса. Основным аргументом такого обоснования является утверждение, согласно которому всемогущему Богу более подобает сотворение бесконечного мира, нежели создание мира конечного. В связи с этим в статье было показано также, что в рамках хотя бы минимально рационализированной теологии Бог может сотворить только мир, которому свойственна алгоритмизированная бесконечность. Создание неисчерпаемого универсума для Бога такой теологии невозможно.

3. Возможно осуществление антропологического обоснования обсуждаемого тезиса. Такое обоснование, во-первых, указывает на объективную реальность феноменов случайности, инновационных процессов, свободы и творчества. Во-вторых, оно указывает на то обстоятельство, что эти феномены неотъемлемо присущи только

неисчерпаемому универсуму. В исчерпаемом универсуме и в мире, которому свойственна только алгоритмизированная бесконечность, указанные феномены имеют сугубо субъективный характер.

4. Возможно также своего рода логическое обоснование рассматриваемого тезиса. Основным аргументом такого обоснования является указание на невозможность парменидовых переходов определенного типа: переходов от бытия универсума к небытию универсума. Принятие этой невозможности, по сути, тождественно признанию безграничности и бесконечности универсума.

Литература

Альберт, Х. Трактат о критическом разуме / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. И.З. Шишкова. М.: УРСС, 2003. 264 с.

Бердяев, Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2004. 678 с.

Бердяев, Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.

Виленкин, А. Мир многих миров: Физики в поисках параллельных вселенных / пер. с англ. А. Сергеева. М.: Астрель, 2010. 303 с.

Кант, И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.

Койре, А. От замкнутого мира к бесконечной вселенной / пер. с англ. К. Голубович, О. Зайцевой, В. Стрелкова. М.: Логос, 2001. 288 с.

Метцингер, Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго / пер. с англ. Г. Соловьевой. М.: АСТ, 2017. 413 с.

Пенроуз, Р. Мода, вера, фантазия и новая физика Вселенной / пер. с англ. А. Пасечник, О. Сивченко. СПб.: Питер, 2020. 512 с.

Финогентов, В.Н. К онтологии неисчерпаемого универсума. Орел: Картуш, 2020. 264 с.

Финогентов, В.Н. Один аспект гносеологической скромности // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 4. С. 630-639.

Финогентов, В.Н. Трагический гуманизм: Очерки онтологические, антропологические и аксиологические. Орел: Картуш, 2012. 334 с.

Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.

Харрис, С. Свобода воли, которой не существует. М.: Альпина Паблишер, 2018. 100 с.

Чудинов, Э.М. Логические основания проблемы бесконечности в релятивистской космологии // Эйнштейновский сборник. 1968 / сост. У.И. Франкфурт. М.: Наука, 1968. С. 55-91.

References

Albert, H. (2003), *Traktat o kriticheskom razume* [A Treatise on Critical Reason (Traktat über kritische vernunft)], transl. by Shishkov, I., URSS, Moscow, Russia (in Russ.).

Berdyaev N. A. (1994), *Filosofiya svobodnogo dukha* [The philosophy of the free spirit], Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Berdyaev, N. A. (2004), *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity: The experience of justifying a person], AST, Moscow, Russia; Folio, Khar'kov, Ukraine (in Russ.).

Chudinov, E. M. (1968), “Logical foundations of the infinity problem in relativistic cosmology”, *Enshteynovskiy sbornik* [Einstein Collection], Nauka, Moscow, Russia, 55-91 (in Russ.).

Finogentov, V. N. (2012), *Tragicheskiy gumanizm: Ocherki ontologicheskie, antropologicheskie i aksiologicheskie* [Tragic Humanism: Ontological, Anthropological and Axiological Essays], Kartush, Orel, Russia (in Russ.).

Finogentov, V. N. (2020), *K ontologii neischerpaemogo universuma* [Towards the Ontology of the Inexhaustible universe], Kartush, Orel, Russia (in Russ.).

Finogentov, V. N. (2021), “One aspect of epistemological modesty”, *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Low*, 46 (4), 630-639 (in Russ.).

Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast' 1. Ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki (1989) [Fragments of early Greek philosophers. Part 1. From epic theocosmogonies to the emergence of atomistics], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Harris, S. (2018), *Svoboda voli, kotoroy ne sushchestvuet* [Free will], translated by Sokolinskaya, A., Al'pina Pablisher, Moscow, Russia (in Russ.).

Kant, I. (1994), *Kritika chistogo razuma* [Criticism of pure reason], translated by Lossky N., Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Koire, A. (2001), *Ot zamknutogo mira k beskonechnoy vselennoy* [From a closed world to an infinite universe], translated from English by Golubovich, K., Zaitseva, O. and Strelkov, V., Logos, Moscow, Russia (in Russ.).

Metzinger, Th. (2017), *Nauka o mozge i mif o svoem Ya. Tonnel' ego* [The Ego Tunnel: The Science of the Mind and The Myth of the Self], translated by Solovieva, G., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Penrose, R. (2020), *Moda, vera, fantaziya i novaya fizika Vselennoy* [Fashion, Faith, and Fantasy in the New Physics of the Universe], translated by Pasechnik, A. and Sivchenko O., Piter, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Vilenkin, A. (2010), *Mir mnogikh mirov: Fiziki v poiskakh parallel'nykh vselennykh* [Many worlds in one: The Search for Other Universes], translated by Sergeev, A., Astrel', Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Финогентов Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и русского языка, Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина, ул. Генерала Родина, д. 69, г. Орёл, 302019, Российская Федерация; *v_fin@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Valery N. Finogentov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History, Philosophy and Russian, Parakhin Orel State Agrarian University, 69 General Rodin St., Orel, 302019, Russian Federation; *v_fin@mail.ru*

УДК 124.2/124.5+130.2 **DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-2**

Ополев П. В.[1], Петров А. В.[2]

Потенциал телеологического подхода к решению проблемы антропокультурной сложности

[1] Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, пр-т Мира, д. 5, г. Омск, 644080, Россия; *pvo-sinergetica@rambler.ru*
[2] Омская академия МВД России, пр-т Комарова, д. 7, г. Омск, 644092, Россия; *petrov.av.phd@gmail.com*

Аннотация. Социокультурную действительность можно рассматривать как результат возрастания сложности, охватывающей этапы биологического, культурного и технологического развития. В настоящее время экспоненциальный рост организованных множеств самой разной природы приобретает характер пролиферации, «избыточного роста». Формирование экосистем сложных социокультурных форм, процессы виртуализации требуют рассмотрения антропологических угроз роста многообразия, анализа наблюдаемой трансформации представлений о целях бытия человека. Цель статьи – осмыслить онто-антропологические перспективы усложнения человека по отношению к этапам роста многообразия и сложным социокультурным системам, используя телеологический подход. Телеологический подход, обновленный на основании типологизации целей, позволяет делать прогноз о том, какие социокультурные феномены способствуют продуктивному усложнению, а какие, напротив, ведут к пролиферации и кризису. В результате исследования мы обнаружили, что человек создает экосистему сложных социокультурных форм, которые претендуют на роль деятельных субъектов, зачастую оставаясь симулякрами подлинной субъектности. В условиях виртуализации наблюдается трансформация человеческой размерности, происходит пролиферация «виртуальных миров», которые могут быть рассмотрены как способ репрезентации человеческой природы в новых условиях. Такая репрезентация легко провоцирует отказ от реальности объекта и от строгости мышления в пользу безусловного примата субъекта, тотального плюрализма и релятивности, что усугубляет социокультурную пролиферацию и угрожает фрагментацией социокультурных констант.

Ключевые слова: многообразие; пролиферация; сложность; усложнение; сложный человек; философская антропология; сакральная телеология; секулярная телеология; витальная телеология

Для цитирования: Ополев П.В., Петров А.В. Потенциал телеологического подхода к решению проблемы антропокультурной сложности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 17-29. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-2

P. V. Opolev[1], A. V. Petrov[2]

The potential of a teleological approach to solving the problem of anthropocultural complexity

[1] Siberian State Automobile and Highway University, 5 Mira Ave., Omsk, 644080, Russia;
pvo-sinergetica@rambler.ru
[2] Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov Ave., Omsk, 644092, Russia;
petrov.av.phd@gmail.com

Abstract. Sociocultural reality can be seen as the result of an increase in complexity. Complexity includes stages of biological, cultural and technological development. At present, organized sets of diverse nature are growing exponentially. This growth takes on the character of proliferation, "excessive growth." One can observe the transformation of ideas about the goals of human existence. Anthropological threats to the growth of diversity are caused by the formation of ecosystems of complex sociocultural forms and virtualization processes. The purpose of the article is to comprehend the ontological and anthropological perspectives of human complication in relation to the stages of the growth of diversity and complex sociocultural systems, using a teleological approach for this. The teleological approach, updated on the basis of the typologization of goals, makes it possible to make a forecast about which sociocultural phenomena contribute to productive complication, and which lead to proliferation and crisis. As a result of the study, it was found that a person creates an ecosystem of complex socio-cultural forms. These forms claim to be active subjects, often remaining simulacra of true subjectness. Under the conditions of virtualization, there is a transformation of human dimension, there is a proliferation of "virtual worlds". They can be considered as a way of representing human nature in new conditions. Such a representation easily provokes a rejection of the reality of the object and the rigor of thinking in favor of the unconditional primacy of the subject, total pluralism and relativity. These tendencies exacerbate sociocultural proliferation and threaten the fragmentation of sociocultural constants.

Keywords: diversity; proliferation: complexity; complication; complex man; philosophical anthropology; sacred teleology; secular teleology; vital teleology

For citation: Opolev P. V., Petrov A. V. (2022), “The potential of a teleological approach to solving the problem of anthropocultural complexity”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 17-29, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-2

Современность обостряет конфликт между человеком и глобальным миром в разных аспектах – от области высоких интеллектуальных абстракций до эмпирического горизонта социальных отношений. Возникает необходимость искать новые горизонты понимания природы и сущности человека, выстраивать модели человеческого благополучия в условиях социокультурного многообразия.

Историко-культурная традиция во все времена оказывала существенное воздействие на представления человека о самом себе. Интенсификация темпов научно-технического прогресса, увеличение объема межличностных взаимодействий при сокращении их продолжительности разрушила традиционный уклад жизни. Человек чувствует себя зависимым от систем, разного рода искусственных структур, которые сам и создал.

Избыточная сложность, которую человек бессилен охватить, оборачивается упрощением, деградацией, примитивизацией, фрагментацией. Избыточность, безостановочность, турбулентность, текучесть, гибридность, атипичность современности нуждается в переосмыслении системы антропологических координат и эпистемологических приемов ее познания.

Историко-культурный процесс обнаруживает противоречивые тенденции усложнения, в которые оказывается включен человек. С одной стороны, история человечества связана с ростом социокультурного разнообразия, богатства материальной и духовной культуры. Вместе с тем культура в большей степени, чем природа, характеризуется «ненужной» избыточностью, что способствует ее стабильности и гибкости. С другой стороны, если бы культура только усложнялась, то превратилась бы в нагромождение причудливых форм, в которых невозможно было бы ориентироваться. В культуре также происходит упрощение, в рамках которого утрачиваются разного рода неактуальные социокультурные практики и «культурные атавизмы». Упрощение может быть как конструктивным, так и деструктивным. Конструктивное упрощение может принимать формы «снятия»: существующие культурные формы и социокультурные практики устраняются, одновременно удерживая свое значение в рамках новой социокультурной целостности. Снятие объективной сложности способствовало дифференцированности человеческого сознания, самоуглублению, формированию рефлексивных практик и специализированных форм культуры. Деструктивное упрощение может быть описано как ослабление дифференциации культуры, примитивизации, архаизации, в которых утрачиваются культурные ценности и смыслы. По мысли А.Г. Асмолова, варвар – это тот, кто уменьшает разнообразие (см.: Асмолов, 2015а). В рамках такого рода процессов упрощение принимает формы губительного «опрощения».

В одной из своих работ Ю. Хабермас отмечал, что жизненный мир человека колонизирован системами самой разной природы (см.: Хабермас, 1993). Ряд современных исследователей (В.И. Аршинов, В.В. Василькова, Е.Н. Князева и др.) описывают современность как совокупность сетевых взаимодействий. Современный человек перестал быть мыслим вне сложных социотехнических систем и сетей. Мы разделяем мысль В.Е. Кемерова о том, что «формирование субъекта выстраивается при его контакте со сложными, самоизменяющимися системами. Он не может «охватить» такую систему, опираясь на свои индивидуальные возможности. Субъект вынужден выходить за рамки непосредственного индивидуального бытия» (Кемеров, 2018: 95). Остается не вполне понятным место человека в этих процессах, определить которое может помочь рассмотрение антропологических проблем через призму идеи целесообразности, поскольку «телеология сообщает бытию смысл во всех его горизонтах, от уровня личности до тотальной эсхатологии» (Петров, 2011: 40). Телеология позволяет определять и не терять из виду цели, ради которых эта сложность существует, и отличать целерациональные действия, вызывающие к жизни полезные в своей сложности культурные феномены, от тех, чья сложность избыточна и не способствует достижению сформулированных целей. Антропология сложности призвана способствовать анализу угроз пролиферации, трансформации представлений человека о самом себе, о конечных целях своего бытия в условиях разрастания социокультурных и технических систем.

Сложный человек рассматривается как антропотип, обладающий когнитивной сложностью, способный к конструктивному освоению социокультурного многообразия. В рамках данной работы используется эвристический потенциал

телеологического подхода к решению проблемы сложности человека. Мы предлагаем использовать типологию телеологий, сформулированную на основании выделения сакрального, секулярного и витального типов телеологии (см.: Петров, 2022: 47-55). В рамках этой типологизации секулярная телеология включает в себя цели близкого будущего, распространяемые на конкретно-историческую общность людей, реализуемые преимущественно средствами политики. Сакральная телеология рассматривает цели в масштабе вечности, в сотериологическом смысле и даже в эсхатологическом измерении, инструментально обеспечивая религию. Витальная телеология имеет в виду цели, релевантные решению проблемы выживания – как собственно существования в биологическом смысле индивида или группы, так и выживания как сохранения культуры и определенных стереотипов поведения, утрата которых тождественна прекращению существования. Каким бы ни был набор целей, аккумулированных телеологией того или иного типа, они «читаются» в культуре, направляя ее бытие. Если же целей, способных увлекать за собой народы, недостает, то на их месте оказывается «избыточная» сложность социокультурного мира, способная заслонить множеством своих форм пустоту бессмысленности.

Противоречия процесса усложнения находят свое отражение в идеях, которые, как песня, помогают «строить и жить», а они, в свою очередь, конкретизируются в целях, которые явно или неявно предполагает та или иная историческая форма культуры. Найти эти цели внутри форм – задача исследователя, пытающегося понять причины жизнеспособности одних форм культуры и упадка других. За многообразием социокультурных форм и исторических явлений могут быть обнаружены цели, которые оказываются конгениальными несмотря на все внешнее несходство форм, в которых они могут ситуативно воплощаться. Например, цель в виде глобализации видна за разными моделями ее создания – коммунистической и капиталистической. Цель консолидации перед лицом витальной угрозы – во множестве примеров «нацбилдинга», будь то русский времен преодоления феодальной раздробленности, Куликова поля и литовщины, испанский времен Реконкисты, североамериканский периода войны за независимость и др. Цель поиска более эффективной эпистемологической модели лежит в основании научной революции, особенным образом происходящей в каждой области знания, и так далее.

Человек не чувствует себя «главным» в условиях современной цивилизации, отдав власть над событиями своей жизни культурным феноменам, способным не только к самоусложнению, но и к тому, чтобы определять тотальные цели его существования. Иными словами, «главными» оказываются самые разнообразные системы, вне которых современный человек уже не может существовать и которые формируют цели, увлекающие человека за собой. Релятивность ценностей, аморфность убеждений и духовная апостасия со всей остротой ставят проблему целей. Без определенности с целями не будет определенности как с ценностями, нравственными ориентирами, так и эпистемологическими установками, релевантностью научных парадигм феноменам, на описание и понимание которых они ориентированы. Такого рода процессы разрастания системной сложности культуры, с одной стороны, стимулируют процессы социокультурного многообразия, а с другой стороны, принимают форму «турбулентности» (см.: (Аршинов, Буданов, 2018), (Асмолов, 2015б)), «убегающего сложного мира» (Гидденс, 2004: 34-35), вызывающего «ощущение удушающей сложности современной жизни» (Тоффлер, 2004: 46). По замечанию Ж.Ф. Лиотара, усиление

социокультурной неопределенности и разнообразия способствует дифференциации людей на тех, кто готов воспринимать сложность, и тех, кто оказывается склонен к упрощению (см.: Лиотар, 1994).

Во всякое время существования культуры в ней проявляла себя телеология (сакрального, секулярного и витального типов), через идею цели раскрывающая не только проблему смысла, но и проблему ценности. Усложнение культуры можно рассматривать через призму процесса смены телеологических ориентиров, который можно наблюдать в историческом процессе. К примеру, секулярные цели, оформленные проектом европейского модерна, сейчас соседствуют с витальной телеологией экологического дискурса, они же теснимы новой итерацией секулярных целей более узкого спектра, являемого феминистическим, гендерным и расистским дискурсом, на которые наступает секулярная по внешности, но едва ли не сакральная – во всяком случае, с заметным хилиастическим акцентом – идея глобализации. Современный мир с невероятной скоростью плодит цели, которые калейдоскопически сменяют друг друга, не только иллюстрируя собой тезис о пролиферации сложных форм культуры, но и формируя релятивистскую аксиологическую установку, обесценивая саму идею возможности тотально значимых целей и твердых ценностных ориентиров.

Для характеристики актуальных тенденций, сложившихся в западной цивилизации, постмодернистами наряду с понятием «ризома» использовалась метафора опухоли, образ метастатического роста (Ж. Бодрийяр). Мы сталкиваемся с парадоксами роста: ускорение социокультурных трансформаций сочетается с их атемпоральностью, а усложнение материальной культуры сопровождается примитивизацией, упрощением и фрагментацией человеческого сознания. Устремленность в будущее затмевает собой настоящее. Иной раз изменения происходят настолько быстро, что в общем-то ничего и не успевает измениться. Потеря представлений о конечных целях развития сопровождается интенсификацией изменений, своего рода «инновационным взрывом». В результате расползание организованных множеств самой разной природы приобретает характер губительной пролиферации.

Сложность является недооцененным понятием, имеющим глубокие научные и философские основания и целый ряд важных социокультурных следствий (Ополев, 2018). Избегая историографических подробностей, отметим, что науку и философию долгое время интересовала именно простота. Сложность рассматривалась как эпифеномен, отражающий многообразие действительности, неопределенность в ее познании. Переключение внимания на сложность бытия связано с достижениями научно-технического прогресса, становлением постнеклассической рациональности. Постепенно сложность начинает рассматриваться как неотъемлемый атрибут современности.

Концептуализация феномена сложности происходит в рамках системного подхода, кибернетики, концепций синергетического типа и «наук о сложности» (theories of complexity). В настоящее время рост сложности рассматривается как один из базовых эволюционных принципов, имманентное свойство саморазвивающихся систем. В рамках современных исследований оказываются проработаны онтологические особенности сложных систем, эпистемологические особенности сложности. Исследованиям аксиологических, социокультурных и антропологических особенностей феномена сложности уделяется меньше внимания. Также возникает необходимость поиска методологического ракурса, имеющего эвристический потенциал.

Мир есть рост разнообразия, в котором мы на каждом уровне, в той или иной форме обнаруживаем процесс движения от низшего к высшему, от

простого к сложному. Следует признать, что «рост сложностности является одним из ведущих эволюционных принципов» (Аршинов, Буданов, 2018: 51). В работе М. Тегмарк «Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта» мы встречаем классификацию форм жизни по трем стадиям в зависимости от ее способности к самодизайну: биологическая стадия (жизнь 1.0), культурная стадия (жизнь 2.0), технологическая стадия (жизнь 3.0). По мысли М. Тегмарка, «эволюция вознаграждает жизнь, когда та становится достаточно сложной, чтобы уметь обнаружить в окружающей среде повторяющиеся изменения и использовать их, поэтому в усложняющейся среде успешнее эволюционируют все более сложные и сознательные формы жизни» (Тегмарк, 2019: 26). Следует также заметить, что каждая последующая стадия в снятом виде содержит в себе предыдущую. Иначе говоря, вряд ли можно удовлетворительно понять технологическую стадию, не учитывая роль культуры и природы. Разные области бытия и проявляют себя различным образом, и каждой из них релевантен свой тип телеологии. Природа определяет комплекс целей витальной телеологии, культура в эмпирическом смысле формирует секулярную телеологию, тогда как культура в высшей форме, духовной, формирует цели, составляющие сакральную телеологию. Различные типы телеологии конкурируют друг с другом, иногда одна оказывается доминирующей, и их взаимодействие организовано тем сложнее, чем сложнее организована социальная жизнь и объяснительные модели, используемые для ее понимания.

Жизнь человека, даже в самых ее примитивных культурных формах, «производит» культурную сложность. Человек не только выступает продуктом биологического усложнения, отражает сложность окружающей его природы, но и сам выступает творцом культурного многообразия, социокультурной сложности. Человек в рамках культурной стадии не отражает мир, а «конструирует его в соответствии со своими когнитивными, экзистенциальными и социальными установками» (Князева, 2013: 89). Культура становится выражением потенциальной сложности человека.

В повседневной жизни словосочетание «сложный человек» имеет по большей части негативные коннотации: несговорчивый, неуживчивый, нетерпимый, трудный для понимания. Простота человеческого духа противопоставляется напыщенности и двуличности. Поиск простоты является одним из лейтмотивов русской культуры. Русская культура характеризуется поиском особых форм коллективизма, в которых поиск «простого», соборного единства сочетается с признанием богатства и сложности духовной жизни отдельного человека. Человек соткан из антиномий – антиномичными могут быть и цели. Такими они не раз проявляли себя в отечественной культуре. Сакральное традиционно ставилось выше секулярного – таков привычный России образ власти, имеющей ореол высшего авторитета, ставящего ее над законом; такова национальная ментальность, вспоминающая о витальных целях только на пороге смертельной опасности, дотоле пребывая в блаженном покое. Конфликт телеологий, особенно если он разворачивается как конфликт сакральных и секулярных целей, способен провоцировать противоречия в политике, чреватые серьезными вызовами для структурной и ментальной стабильности общества. Преодолевать противоречия между целями, относящимися к разным типам телеологии, общество способно тогда, когда оказывается охвачено интенсивным творческим порывом, в моменте которого проявляют себя новаторские потенции, – в этом случае диссонанс между целевыми императивами переживается легче. Так было во времена всеобщей очарованности новыми духом

культуры при рождении русского авангарда или при становлении нового политического мира под красными знаменами революции. Если же этого порыва нет, то противоречия не преодолеваются, а маскируются подражанием тем формам культуры, которые кажутся более привлекательными, – так рождается своего рода сложный «карго-культ» поклонения всему иноплеменному и импортному, когда все, попадающее в свое культурное пространство извне, аксиоматически считается достойным подражания и несущим благо. Мир культуры сложен настолько, насколько сложна ее репрезентация и объяснительные модели, используемые для ее понимания, поэтому и его феномены (вроде упомянутой оппозиции подлинного новаторства и карго-культа) отражают эту сложность, находясь в диалектической связи в той же степени, в какой взаимосвязаны типы телеологии.

Человек сам по себе представляет сложную проблему, тысячелетиями побуждая к философской, а затем и к научной рефлексии. Человек есть «многомерный кентавр» (Розин, 2011: 123), носитель сложной природы, который вряд ли будет удовлетворен однобоким описанием своей сущности. Человек выступает не только в качестве творца, создателя сложности культуры, но и является ее следствием. Эта двойственность разрешается в том случае, если постулировать человеческие разум и способность к целеполаганию как проводников свободы и воли, понимаемых не столько психологически, сколько онтологически. Антропологические аспекты сложности первоначально оказываются заданными переживанием сложности природы. Субъективное освоение обнаруженной сложности происходило в культуре. Антропные характеристики усложнения заданы переходом от вещного многообразия, переживаемого интуитивно в мифах и ритуалах, к формированию мира абстрактных объектов. Это позволило перейти к представлениям о единстве «простых» законов, которые сложным образом раскрываются в действительности.

В рамках концепций глобального эволюционизма человек есть часть космического разнообразия. В упомянутой выше классификации М. Тегмарка человек присутствует на каждом из указанных уровней, постепенно расширяя свои возможности для самодетерминации. Историко-культурная традиция демонстрирует не только колонизацию экосистемы человеком, но и замещение природных ландшафтов антропогенными. На каждом из этапов мы сталкиваемся с изменениями человеческой размерности, изменением когнитивной сложности, трансформацией антропологической сложности в целом. Следует признать, что «человеческая эволюция состоит не столько во внешних причинах (физических и технических), сколько в развитии самой сущности человека» (Чумаков, Королев, 2019: 18). При всем этом развитие сущности человека неизбежно определяется его способностью осваивать перемены, отвечать на внешние и внутренние вызовы. Усложнение в этом случае принимает формы самоусложнения, когда экосистема сложных биологических, культурных и технологических форм складывается при активном участии самого человека.

В рамках биологической стадии сложность человека может быть отражена во взаимосвязи понятий «телосложение» и «когнитивная сложность». Понятие «телосложение» позволяет рассмотреть человеческое тело как нечто определенным образом «сложенное», «прилаженное». В человеческом теле все подходит друг к другу, приспособлено одно к другому. Усложнение человека в этом контексте не имело однозначного вектора, а представляло собой ответ на усложняющуюся среду, пролиферацию и конкуренцию жизненных форм. Современная эволюционная эпистемология, концепции энактивизма убедительно

показывают, что наши познавательные способности в определенной мере изоморфны окружающей нас действительности (см.: Фольмер, 2012: 239). По мысли У. Матураны, «мы человеческие существа, не существуем в природе, природа возникает с нами, и сами возникаем в ней» (Maturana, 2000: 468).

Современность особенно щедра на различные варианты рефлексии человеческой телесности и связанные с этим социальные практики, формирующие нарратив контроля и управления этой все возрастающей сложностью. Большую часть исторического времени контроль осуществлялся через управление внешней природой и ее подчинение человеку – такой путь прошла любая цивилизация, заметная на полотне глобальной исторической картины. Эта тенденция расширилась по мере появления антропологических идей, претендующих на тотальность, таких, к примеру, как идея сверхчеловека, будь то героический эпос античности, Богочеловек в христианстве, ницшеанский победитель толпы или коммунар будущего, преодолевший инстинкты собственника. Сейчас она приобретает формы, хотя и нередко гротескные, но позволяющие замечать связь с предшествующими, например, в виде трансгуманистических ожиданий.

В социальных практиках древности преобладали витальные цели, и они же детерминировали все прочие, определяя образ жизни, характер власти, облик культуры и прочие аспекты социальной жизни, тогда как в более поздние времена стали доминировать сакральные (объективированные верой в спасение на путях религии и представляющие собой форму эскапизма в несовершенном мире) и секулярные (аккумулирующие в себе самые разнообразные идеи вроде ценности науки, важности прогресса, значимости демократии, экономического либерализма или гендерной идентичности и т. д.) цели. При этом в наши дни можно наблюдать картину, когда цели, которые можно отнести к витальным (например, сохранение биосферы нашей планеты, поднятое на знамя экоактивизмом), содержательно оказываются составной частью неолиберального символа веры в инклюзивное толерантное общество полной свободы личности без ненависти и угнетения, за которым скрывается сугубо секулярный (поскольку утилитарный) инструмент управления массовым сознанием через создание симулякров, призванных скрыть подлинные проблемы, касающиеся всего человечества, – вроде раскручивающегося сейчас кризиса идеи глобализации в ее европоцентричной итерации и кризиса производной от нее телеологии, включающей в себя секулярные цели ликвидации государственных границ на пути движения капитала, углубление кооперации и международного разделения труда, ослабление полномочий правительств и снижение государственного суверенитета, формирование механизмов глобальной трудовой миграции и т. д.

При этом мы против однозначного укоренения человеческой идентичности в эволюции биологических форм. Идею «нейродетерминированности культуры» и человека не следует переоценивать. Нейродетерминированность культуры не носит абсолютный характер, хотя следует согласиться с мыслью В.А. Бажанова о том, что «особенности культурного развития человека и его непосредственная деятельность оказывают заметное воздействие на архитектонику мозга» (Бажанов, 2018: 81). Существует взаимосвязь между сложностью человека и сложностью культуры, которая диалектически раскрывается в историко-культурной традиции. Когнитивная сложность человека разворачивается в сложность культурных форм и социальных практик. Специализированные формы культуры становятся своеобразным маркером культурной и когнитивной сложности человека.

Чрезвычайное усложнение культурного ландшафта современности является следствием усложнения того положения, в котором оказалось человечество в наши дни. Так, развитие производительных сил, все возрастающая антропогенная нагрузка на биосферу вызвали к жизни экологический дискурс и идиому «устойчивого развития». Возрастающая численность человечества и недостатки глобальной капиталистической модели обусловили, с одной стороны, деглобализационные тенденции в мировой политике и экономике, с другой – канализирование социальной фрустрации в инфантильные попытки защитить идею расового равноправия на манифестациях, легко переходящих от призывов к толерантности в отношении меньшинств к призывам к агрессии в отношении к большинству и олицетворяющему его государству.

На определенном этапе социокультурного усложнения специализированные формы культуры (например, искусство) становятся выражением культурной и антропологической сложности (см.: Ополев, 2019). Это обстоятельство способствует эстетизации культуры и истории посредством известных бинарных категорий (сакральное и профанное, чувственное и метафизическое, трагическое и комическое, прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное и др.). Способность субъектов к эстетической рефлексии оказывается критерием культурной сложности, а эстетика – одним из факторов культурного многообразия. Обеднение способности субъектов к эстетической оценке является маркером социокультурной деградации. Но не только эстетическое оскудение является признаком, заставляющим тревожиться за будущее культуры, поскольку упрощение касается многих ее областей и проблем, в том числе и тех, что относятся на счет целей, которые она проговаривает и определяет. Редукцию сложного комплекса секулярных целей, намеченных в эпоху модерна, к сакральной телеологии религиозного фундаментализма или витальной телеологии этнического шовинизма и упрощение общечеловеческих тотальных целей до целей, приемлемых для узких групп, нельзя не счесть регрессом. В этом случае регрессу подвергается не только культура в общем смысле, но и понимание человеческого в человеке.

Сложность человека обнаруживает обратные связи со сложностью культуры. В рамках культурной стадии становится очевидным, что сложность человека нельзя редуцировать к его биологической природе. Вместе с тем телесная организация человека может быть рассмотрена как антропное основание для разнообразия материальной культуры. Эта мысль нашла отражение в известном принципе «органопроекции», предложенном Э. Каппом. Культура, в свою очередь, способствует выработке стратегий по отношению к телесности как одной из форм человеческого бытия. Тело из биологического феномена превращается в социокультурный конструкт. Впрочем, социоконструктивизм в отношении телесности – еще не свершившийся факт, а скорее тенденция, которая может развиваться двояко. С одной стороны, она связана с трансгуманистическими чаяниями, обусловленными возможностями трансформирования человека, открываемыми технологическим прогрессом. С другой, она дала о себе знать в виде того, что телесность уже стала медиасоциальным конструктом, в формировании которого участвуют средства массовой коммуникации, глобальные конгломераты индустрии развлечений и пр.

В рамках технологической стадии происходит размывание границ между телом человека, сознанием и действительностью. В настоящее время мы наблюдаем, что человеческое тело, сознание становятся «встроенными» в разнообразные технические системы, которые задают особенности их бытия.

Конвергирующие технологии способствуют созданию различных интерфейсов, позволяющих человеку вступать во взаимодействия со сложными технологическими системами. Такого рода системы бросают вызов сложности человека, способствуют усилению антропологического кризиса и актуализируют обсуждения перспектив трансгуманистической эволюции.

Технологическая стадия усложнения усиливает взаимосвязь биологических, технических, социальных, виртуальных и экзистенциальных факторов. Точкой роста сложности становятся не биологические или культурные объекты, а целые социобиотехнические системы и продуцируемые ими виртуальные миры. В рамках антропоцена происходит развитие социокультурных систем, в которых на качественно ином уровне мы наблюдаем процессы разрастания разнообразия. Усложнение здесь происходит в результате конструирования, проектирования, дизайна. По мысли В.В. Чеклецова, «наступает эра всеобщей всепроникающей тотальной межсвязности – когда любой артефакт, система или процесс физического, биологического, ментального мира могут быть связаны как между собой, так и с любым виртуальным "объектом" или системой мира цифрового» (Чеклецов, 2013: 110). Дихотомия души и тела снимается в рамках процессов виртуализации культуры. В этом контексте можно предположить, что становление человека будущего будет происходить в рамках разворачивающихся виртуальных миров, разнообразных симуляций, в которые будет «упакована» биологическая и культурная природа человека. Такого рода «биология» социокультурных систем становится измерением жизнедеятельности современного человека, а процесс системогенеза становится полноправным участником антропогенеза.

В рамках технологической стадии особую значимость начинают играть инновации. Современность зачастую рассматривается как синоним инновационности. В ряде исследований подчеркивается, что инновационное общество нуждается в «инновационном человеке», так называемом «homo innovaticus». Вместе с тем нам трудно согласиться с мыслью о том, что «инновации в современном мире относятся к фундаментальным ценностям развития личности и общества» (Делокаров, Любина, 2013: 134). Инновация является фундаментальной экономической ценностью, подчеркивая господство экономической целесообразности, абсолютизируя прагматизм и утилитаризм. Установка на инновационность социотехнических систем не уделяет внимания гуманистическому аспекту их существования, поскольку релевантная им телеология не оставляет места ничему кроме прагматического интереса.

В рамках биологического, культурного и технологического этапов роста многообразия происходит трансформация человеческой размерности. Социальное и культурное усложнение оказывается диалектически связанным как с процессами биологической самоорганизации, так и с процессами овладения человеком своей сложной природой. На уровне биологического этапа мы наблюдаем взаимосвязь сложности природы и человеческого тела, базовых когнитивных структур. Усложнение человека как биологического вида представляло собой ответ на усложняющуюся среду, пролиферацию и конкуренцию жизненных форм. В рамках культурного этапа эволюции сложность человека выходит за границы биологической природы и оказывается заданной порождаемыми ценностями и смыслами, социокультурными практиками и вещным разнообразием. Технологический этап связан с ускоряющимися темпами научно-технического прогресса, виртуализацией, ростом социотехнических систем, которые претендуют на роль деятельных субъектов.

Увеличение социокультурного разнообразия зачастую принимает формы односторонней пролиферации. За этим многообразием все сложнее бывает «разглядеть» человека. Человек создает экосистему сложных социокультурных форм, которые претендуют на роль деятельных виртуальных субъектов. Человек становится придатком избыточного многообразия, в том числе и виртуального. В результате современность умножает «бесчеловечные» структуры, а онтолого-антропологические перспективы социокультурного усложнения становятся неопределенными. Эти тенденции и их перспективы позволяет увидеть и оценить телеологический подход. Он дает возможность не только типологизировать цели, проявляющие себя на различных этапах социокультурного процесса, но и проанализировать их феноменологию. Комплексы целей, относящиеся к разным типам телеологии, могут вступать в конфликт друг с другом, провоцируя напряжение между акторами, руководствующимися этими целями, или же, напротив, могут находиться в отношениях когерентности. В первом случае конфликт целей может вызывать как регрессивное упрощение социокультурной среды, так и пролиферационное возрастание ее сложности, не приводящее к возрастанию устойчивости. Во втором случае возможно конструктивное и творческое возрастание сложности, сопровождающееся увеличением прочности здания культуры и развитием социальных отношений.

Литература

Аршинов, В.И., Буданов, В.Г. Концепция сети в оптике парадигмы синергетической сложностности // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 49-58.

Асмолов, А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015а. Т. 8. №. 40. С. 1. [Электронный ресурс] URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html (дата обращения: 25.05.2022).

Асмолов, А.Г. Эпоха турбулентности // Образовательная политика. 2015б. № 2 (68). С. 2-3.

Бажанов, В.А. Социум и мозг: биокультурный со-конструктивизм // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 78-88.

Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.

Делокаров, К.Х., Любина, О.Н. Человек инновационный // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2013. № 8. С. 134-141.

Кемеров, В. Е. Кризис, который всегда с тобой // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 89-98.

Князева, Е.Н. Когнитивная сложность // Философия науки. 2013. Т. 18. № 1. С. 81-94.

Лиотар, Ж. Ф. Заметки о смыслах «пост» // Иностранная литература. 1994. № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/s_post.txt (дата обращения 25.05.2022).

Ополев, П.В. Сложность и усложнение как социокультурный феномен. М.: ЛЕНАНД, 2018. 256 с.

Ополев, П.В. Сложность специализированных форм культуры как фактор культурного усложнения // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 9. С. 150-155.

Петров, А.В. Аксиологический смысл метафизики свободы: дис. … канд. филос. наук. Омск, 2011. 183 с.

Петров, А.В. Сакральная, секулярная и витальная телеология: опыт типологизации // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (34). С. 47-55.

Розин, В.М. Действовать с учетом сложной природы человека // Философия науки. Вып. 16: Философия науки и техники. М., 2011. С. 123-168.

Тегмарк, М. Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта / М. Тегмарк; пер. с англ. Д. Баюка. М.: АСТ, CORPUS, 2019. 552 с.

Тоффлер, Э. Шок будущего: Пер. с англ. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. 557 с.

Фольльмер, Г. По разные стороны мезокосма // Эволюционная эпистемология. Антология / Научный редактор, сост. Е.Н. Князева. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 225-237.

Хабермас, Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. 1993. № 2. [Электронный ресурс] URL: https://igiti.hse.ru/data/159/314/1234/2_2_2Haber.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

Чеклецов, В.В. Гибридная реальность. НБИКС как интерфейс «человек - машина» // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под ред. Д.И. Дубровского. М.: ООО "Изд-во МБА", 2013.

Maturana, H.R. The Nature of the Laws of Nature // Systems Research and Behavioral Science. 2000. Vol. 17. № 5. P. 459-456.

References

Arshinov, V. I., Budanov, V. G. (2018), "The concept of a network in optics of the paradigm of synergetic complexity", *Voprosy filosofii*, 3, 49-58 (in Russ.).

Asmolov, A. G. (2015a), "The era of turbulence", *Educational Policy*, 2 (68), 2-3 (in Russ.).

Asmolov, A. G. (2015b), "Psychology of modernity: challenges of uncertainty, complexity and diversity", *Psychological Studies*, 8 (40), 1, Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html (Accessed 25 May 2022) (in Russ.).

Bazhanov, V. A. (2015), "Society and the brain: biocultural co-constructivism", *Voprosy filosofii*, 2, 78-88 (in Russ.).

Chekletsov, V. V. (2013), "Hybrid reality. NBICS as a human-machine interface», *Global'noe budushhee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBIKS) i transgumanisticheskaya evolyutsiya* [Global Future 2045. Convergent Technologies (NBICS) and transhumanistic evolution], in D. I. Dubrovsky (ed.), IBA Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Delokarov, K. Kh., Lyubina, O. N. (2013), "An innovative person", *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty* [Fundamental and applied research: problems and results], 8, 134-141 (in Russ.).

Giddens, E. (2004), *Uskol'zayushchii mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [An elusive world. How globalization is changing our lives'], Ves' mir, Moscow, Russia (in Russ.).

Habermas, J. (1993), "The relationship between the system and the life world in the conditions of late capitalism", *Thesis*, 2 [Online] available at: https://igiti.hse.ru/data/159/314/1234/2_2_2Haber.pdf (Accessed 25 May 2022).

Kemerov, V. E. (2018), "The crisis that is always with you", *Voprosy filosofii*, 6, 89-98 (in Russ.).

Knyazeva, E. N. (2013), "Cognitive complexity", *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 18 (1), 81-94. (in Russ.).

Liotar, J. F. (1994), "Notes on the meanings of "post"", *Inostrannaya literatura* [Foreign literature.], 1 [Online] available at: http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/s_post.txt (Accessed 25 May 2022) (in Russ.).

Maturana, H. R. (2000), "The Nature of the Laws of Nature", *Systems Research and Behavioral Science*, 17 (5), 459-456.

Opolev, P. V. (2018), *Slozhnost' i uslozhnenie kak sotsiokul'turnyi fenomen* [Complexity and complication as a socio-cultural phenomenon], LENAND, Moscow, Russia (in Russ.).

Opolev, P. V. (2019), "The complexity of specialized forms of culture as a factor of cultural complexity", *Manuskript*, 12 (9), 150-155 (in Russ.).

Petrov, A. V. (2022), "Sacred, secular and vital teleology: experience of typologization", *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 1 (34), 47-55. (in Russ.).

Petrov, A. V. (2011), The axiological meaning of the metaphysics of freedom, Abstract of Ph.D. dissertation, philosophical sciences, ontology and theory of knowledge, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia (in Russ.).

Rozin, V. M. (2011), "To act taking into account the complex nature of man", *Filosofiya nauki, Vyp. 16: Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science. Issue 16: Philosophy of Science and Technology.], Moscow, 123-168 (in Russ.).

Tegmark, M. (2019), *Zhizn' 3.0. Byt' chelovekom v epokhu iskusstvennogo intellekta* [Life 3.0. Being a human being in the era of artificial intelligence], AST, CORPUS, Moscow, Russia (in Russ.).

Toffler, A. (2004), *Shok budushchego* [Future Shock], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Vollmer, G. (2012), Po raznye storony mezokosma [On different sides of the mesocosm], in: Evolyutsionnaya epistemologiya. Antologiya [Evolutionary epistemology. Anthology], in

E. N. Knyazeva (ed.), Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, Russia, 225-237 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Ополев Павел Валерьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия», Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, пр-т Мира, д. 5, г. Омск, 644080, Россия; *pvo-sinergetica@rambler.ru*

Петров Александр Викторович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, пр-т Комарова, д. 7, г. Омск, 644092, Россия; *petrov.av.phd@gmail.com*

ABOUT THE AUTHORS:

Pavel V. Opolev, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Siberian State Automobile and Highway University, 5 Mira Ave., Omsk, 644080 Russia; *pvo-sinergetica@rambler.ru*

Alexandr V. Petrov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Political Science, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov Ave., Omsk, 644092, Russia; *petrov.av.phd@gmail.com*

УДК 167.7 **DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-3**

Черновицкая Ю. В. **Техногенная цивилизация и новые формы неравенства**

Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; *juchische@rambler.ru*

Аннотация. Автор обращает внимание на характерное для техногенной цивилизации изменение социальной структуры общества, появление новых социальных групп и форм занятости. Отмечаются негативные аспекты применения современных технологий (такие как возможность тотального контроля государства, изменение отношения общества к приватности персональной информации, преобразование экономических и трудовых отношений, трансформация навыков специалиста, десоциализация). Указывается на скрытые негативные моменты: усиление неравенства – от правового, социального, экономического, морального до антропологического, биологического и генетического, – а также возникновение еще более опасной и новой формы неравенства, связанной с доступом к новейшим эффективным технологиям и коммерциализацией услуг, основанных на биотехнологиях. Исследуется появление прекариата как одной из современных форм трудового неравенства. Ставится вопрос о восприятии человеком темпов социально-технологического перехода и об адаптации к данному укладу новой реальности.

Ключевые слова: неравенство; техногенная цивилизация; прекариат; неравенство возможностей; капитал; современные технологии

Для цитирования: Черновицкая Ю. В. Техногенная цивилизация и новые формы неравенства // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 30-46. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-3

Yu. V. Chernovitskaya **Technogenic civilization and new forms of inequality**

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russia; *juchische@rambler.ru*;

Abstract. The author draws attention to the change in the social structure of society, the emergence of new social groups and forms of employment, which is characteristic of technogenic civilization. Negative aspects of the use of modern technologies are noted (such as the possibility of total state control, a change in society's attitude to the privacy of personal information, the transformation of economic and labor relations, the transformation of specialist skills, desocialization). Hidden negative aspects are pointed out – increasing inequality from legal, social, economic, moral – to anthropological, biological and genetic, as well as the emergence of an even more dangerous and new form of inequality associated with access to the latest effective technologies and the commercialization of services based on biotechnology. The emergence of the precariat as one of the modern forms of labor inequality is investigated. The question

is raised about the person's perception of the pace of socio-technological transition and the adaptation of this economic structure to a new reality.

Keywords: inequality; technogenic civilization; precariat; inequality of opportunities; capital; modern technologies

For citation: Chernovitskaya Yu. V. (2022), “Technogenic civilization and new forms of inequality”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 30-46, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-3

Конвергенция нано-био-инфо-когито-технологий обусловливает принципиальные взаимосвязанные сдвиги в структуре экономики и общества; в таких социально-исторических условиях, в новой социальной реальности происходит трансформация человека, связанная с изменением его социального статуса и возможностями самореализации, характерными для новых форм организации труда. Ослабевает производственная составляющая как основной источник накопления капитала, на первый же план выходит роль финансового капитала, а также интеллектуального и цифрового.

Данный феномен нашел отражение в разработке философской мысли таких направлений, как автономизм (М. Хардт, А. Негри), когнитивный капитализм (Я.-М. Бутан), акселерационизм (А. Вильямс, Н. Срничек), семиокапитализм (Ф. Берарди), прагматическая социология (Л. Болтански, Э. Кьяпелло, Л. Тевено), а также биокапитализм (К. Раджан) (см.: Наумова, 2016: 45-46). Называя данные формы организации труда постфордизмом, можно говорить о «наличии в них принципов “гибкости”, “нестабильности”, “хрупкости”, “фрагментации”, “детерриторизации” как ключевых в осмыслении актуальных трудовых, производственных и культурных отношений в обществе» (Наумова, 2016: 46). Однако общество по-прежнему основано на труде, который способствует обеспечению экономической безопасности и формированию личности.

Но социальная структура общества радикально меняется, с развитием информационно-коммуникативных, биомедицинских, когнитивных технологий, робототехники появляются новые ведущие социальные группы (креативный класс, технократия, резко увеличивающиеся в числе работники сферы услуг, IT-специалисты), сокращается массовый труд, появляются новые формы занятости (фрилансеры, удаленная работа, проектные сообщества и др.). Меняется качество образования. Это ведет к появлению новых опасных формирований: постоянно и временно безработных, прекариата, андеркласса, «лишних людей», «которые требуют все больших объемов ренты для поддержания своей жизнедеятельности» (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019: 70). Происходит постепенное замещение живой рабочей силы автоматизированными устройствами, в создании национального богатства принимает участие все меньшая часть трудоспособного населения, растет безработица, которую «все сложнее будет компенсировать с помощью модели социального государства, рассчитанной на экономический рост» (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019: 169). Меняется отношение общества к приватности персональной информации, человеку как целостной системе, возникает рынок человеческих способностей, при этом лишь некоторые способности человека способны участвовать в рыночной конкурентной борьбе.

Ряд исследователей (например, К. Шваб) указывает на то, что темпы и степень изменений (К. Шваб называет эти изменения четвертой промышленной революцией) технологических преобразований значительно возросли, идет полное преобразование всех систем. «Предприятия все в большей степени будут организованы на

основе распределенных команд, удаленных сотрудников и динамичных по составу коллективов с непрерывным обменом данными и знаниями о вещах или задачах, над которыми ведется работа» (Шваб, 2016: 49). Такая форма организации труда имеет свои негативные моменты, о которых речь пойдет позднее, сейчас же сконцентрируемся на амбивалентности применения технологий.

Технологические инновации, современная цифровая среда, безусловно, предоставляют нам широчайший спектр возможностей – от улучшения бытовых и экономических условий и способов нашего существования, предоставляемого комфорта, совершенствования наших физических возможностей, до широкого спектра образовательных, рекреационных, культурно-познавательных, коммуникационных и прочих решений.

Однако следует выделить тревожные маркеры использования современных технологий, на которые стоит обратить внимание.

1. Наблюдение, слежка, контроль. Происходит интеграция научных дисциплин, передовые достижения и открытия в одних областях могут использоваться в любой другой отрасли, где они могут быть полезны. Обратим внимание на некоторые направления развития технологий. Например, цифровые технологии производства взаимодействуют с биологическим миром. Полученные продукты могут подстраиваться под условия окружающей среды, постоянно изменяться и адаптироваться. «Некоторые дизайнеры и архитекторы уже совмещают автоматизированное проектирование, аддитивные технологии, инжиниринг материалов и синтетическую биологию для новаторских разработок систем взаимодействия между микроорганизмами, нашими организмами, потребляемыми нами продуктами и даже зданиями, в которых мы живем» (Шваб, 2016: 14).

Помимо этого, цифровая 3D-печать может, например, создавать нужные недостающие или вышедшие из строя элементы, используется технология 4D-печати – особая технология печати предметов из изменяющихся под воздействием света, воды, тепла материалов, меняющих свои характеристики с течением времени. Исследуется вопрос о программировании материалов на определенные действия. Такой момент, как удобство отслеживания поставки товара, посылки от производителя к поставщику или покупателю посредством его оснащения датчиком, радиопередатчиком, радиочастотным маячком-определителем, заставляет обратить внимание на то, что такой способ мониторинга может также применяться при необходимости отслеживания и передвижения людей (помимо их воли). Новые технологии наблюдения усиливают способы влияния власти, однако владение этими технологиями также позволяет гражданам находить способы уклонения от тоталитарного надзора и контроля.

Придерживаясь терминологии З. Баумана, можно сказать, что мы живем в эру текучей современности, где осуществляется массовый и постоянный контроль, тенденции к отсутствию всякой приватности заставляют говорить исследователей о практике «мягкого тоталитаризма» (Бауман, Донскис, 2019а: 128). В эру текучей современности массовая слежка и колонизация приватности принимают иные формы. И человек соглашается с этим, объясняя себе необходимость известности своего местонахождения, количества средств на счетах, круга общения и интересов общественной безопасностью, борьбой с терроризмом и проч. Довольно просто создать индивидуальные профили цифровой идентификации, «включая интернет-поиск, посещаемые сайты, связь по электронной почте с именами и темами, поиск по картам, географическое положение и перемещения, расписание встреч, телефонную книгу мобильных телефонов, данные о болезнях, образовании, потреблении электричества, фотографии и видео, социальные сети, места посещения, еду, чтение, любимые развлечения и список сделанных покупок» (Стэндинг, 2014: 238).

Масштабы тотального цифрового манипулирования сознанием людей приобретают формы «цифрового тоталитаризма», приводящие к потере приватности индивидуальной жизни. Обладание подобной информацией предоставляет возможность контроля, манипулирования, управления людьми как физическими, так и психологическими методами. Показателен процесс о защите своих гражданских прав ученика, обвиненного в «неподобающем поведении дома» (Стэндинг, 2014: 240). Руководство школы узнало об этом из веб-камеры подключенной программы системы безопасности, установленной на ноутбуке, выданном учащемуся для обучения. При этом совершенно не бралось в расчет соблюдение тайны частной жизни.

Для расширения возможностей государственного наблюдения и цензуры может использоваться искусственный интеллект (так, компания Microsoft объединилась с китайским военным университетом для разработки систем искусственного интеллекта) (Feldstein, 2019). Китай экспортирует данные технологии по всему миру. Политику китайского правительства можно назвать цифровой репрессией. Она включает обязательный сбор образцов ДНК, мониторинг сети Wi-Fi и широко распространенные камеры распознавания лиц, подключенные к интегрированным платформам анализа данных. Использование искусственного интеллекта также может помочь репрессивным правительствам манипулировать доступной информацией и распространять дезинформацию.

В связи с изучением идей М. Фуко и Н. Роуза некоторыми исследователями замечено, что «власть стала создавать условия для того, чтобы управлять жизненными процессами на самом фундаментальном уровне – клеточном, генном, молекулярном. Средства для такого управления были предоставлены науками о жизни – генетический скрининг, репродуктивные технологии, трансплантация органов, генетические модификации организмов, использование психотропных лекарств» (Михель, 2019: 43). Биобанки также становятся важным элементом биополитической инфраструктуры – это «систематизированные хранилища человеческих биологических образцов, включая органы, образцы тканей, крови, плазмы, мочи, внутриклеточных компонентов (РНК и ДНК), а также спермы, яйцеклеток, эмбрионов, стволовых клеток и т. д., это новый элемент управления и самоуправления» (Михель, 2019: 44). Создаваемая на основе биоматериалов информация и продукция используется не только и не столько в интересах самого человека, предоставившего биоматериал, сколько в интересах общества (новые лекарства, диагностические средства и др.), фармацевтических компаний (прибыль). Возможность сохранить и использовать «себя» (замороженные яйцеклетки и сперма для предполагаемого в будущем оплодотворения in vitro, собственные стволовые клетки для лечения тяжелого заболевания) открывает человеку новый взгляд на свое существование и отношение к иному уровню жизни, касается принятия конкретных решений, связанных с собственной жизнью, сознанием своих прав, обязанностей и ожиданий. А также ставит вопрос неравенства: современные технологии – вещь, доступная не всем, как с финансовой (например, криотехники), так и с интеллектуальной точки зрения (недостаточно владеть платформой, нужны специальные навыки и способности, чтобы ею пользоваться).

2. Преобразование экономических процессов, владение платформами. Цифровой мир преобразует экономические процессы: можно вести успешный бизнес, не владея собственностью, не производя товары и т. д., достаточно владеть платформой. Так, скажем, компании по сдаче жилья внаем Airbnb или Booking не имеют в собственности недвижимости, транспортная компания Uber – транспортных средств, крупнейшие в России продавцы товаров – Ozon и Wildberries – продаваемой продукции. Владение интеллектуальным или физическим капиталом, замена труда капита-

лом – условие роста благосостояния и одновременно разрыва в уровне доходов и условий жизни по сравнению с теми, кто живет результатами собственного труда (как физического, так и интеллектуального). Ожидается, что пока еще востребованные разработчики алгоритмов и платформ, обладающие высокой информационно-коммуникативной и компьютерной компетенцией, вскоре будут заменены самообучающимся искусственным интеллектом, их навыки больше не будут востребованы. Физические же возможности человека бесспорно уступают механическим устройствам, роботизированной технике.

3. Преобразование трудовых отношений. Цифровая экономика, компьютеризация изменяет основы труда, связи трудовой социализации, преобразовывает, переформировывает индивидуальную и коллективную идентичность. Пересматриваются взаимоотношения между работодателями и работниками: комплекс социальных прав, трудовые договоры, функции профсоюзов. Рынок труда одновременно с новыми возможностями оказывается перед лицом структурных изменений и новых рисков. Растет безработица, создаются новые профессии, новые рабочие места в некоторых отраслях и исчезают в других, растет поляризация общества и социальное неравенство.

В новой экономической модели трансформируются навыки специалиста. Основным критерием профессионализма «цифрового работника» становится не наличие у него диплома об образовании, а высококлассное владение определенным набором навыков, необходимых именно на данном месте работы, регулярное обучение и совершенствование своих навыков в условиях постоянно обновляющихся технологий и появления новых цифровых продуктов. Однако человек в цифровую эпоху вступает в конкурентную борьбу с цифровыми инструментами производства (искусственным интеллектом, роботизированной техникой, программным обеспечением, автоматическим производством) и неизбежно проигрывает им в силу объективных причин (своей человечности).

Цифровые технологии кардинально меняют способы производства в разных отраслях, создают новую инновационную инфраструктуру. Новшества уже введены и активно используются людьми. Это и роботизированные кассы самообслуживания в магазинах, и автомобили с автопилотами, и проч. Так, «Сбербанк в 2020 г. объявил о выделении отдельной дочерней компании Sber Automotive Technologies (SberAutoTech), которая займется созданием платформы для будущих беспилотных автомобилей» (Хачатурян, 2021: 106).

Также цифровизация затрагивает такие отрасли, как сельское хозяйство, активизируя систему «умного» земледелия, строительство с префабрикацией (и примыкающей к ней 3D-печатью) и информационное моделирование зданий. В сельском хозяйстве это и интеллектуальная ирригация, и контроль почвы и урожая (включая системы распознавания заболеваний растений), и системы «умной» техники, беспилотные тракторы и комбайны (оснащенные датчиками, сенсорами и т. д.), и пр. (Хачатурян, 2021: 106). Реальностью в разных странах мира становится серийная 3D-печать зданий – в частности в Мексике с помощью строительных 3D-принтеров печатаются дома.

4. Десоциализация. Одной из черт цифровой технологической революции является свойственная ей общая тенденция к десоциализации, социальному отчуждению людей, дегуманизации. «Станет набирать силу наметившаяся уже сегодня тенденция к “расчеловечиванию” социальной политики. Цифровое общество будущего вполне может оказаться обществом постгуманистическим» (Малышева, 2018: 44). Десоциализация индивида проявляется в таких формах, как «цифровой мауглизм», «боязнь офлайна», социальный инфантилизм и пр. (Хачатурян, 2021: 104).

Современная цифровая цивилизация вносит также свои коррективы в восприя-

тие религии, мифологических смыслов, духовных ценностей. Разве можно было раньше всерьез задуматься о том, что каждый может превратить свой компьютер в тибетское молитвенное колесо[1]? Что же делать современным верующим теперь, когда технологиями непрекращающегося прогресса вместо жестких дисков, делающих сотни тысяч оборотов в час, уже используются SSD-диски, в которых нет вращающихся элементов?

Общество с необходимостью приспосабливается под новый мир. Человеческая личность и индивидуальность, человек как целостная система не наделяются значительными смыслами, статистика важнее человеческой жизни, политическая, экономическая, интеллектуальная мощь страны ценятся больше человеческой жизни. Человечество превращается в конгломерат электронных личностей. «Вот список наших новых ментальных блокировок. В него входит намеренное “забывание” о другом; осознанный отказ узнавать и признавать не таких, как мы; игнорирование реальных живых людей, которые находятся рядом и пытаются с нами общаться, – нам куда важнее завести “друга” на Фейсбуке, друга далекого, возможно живущего в другой смысловой реальности» (Бауман, Донскис, 2019а: 21).

Происходит переопределение как личной, так и семейной идентичности. Сейчас можно говорить о многосторонней, множественной идентичности, чему способствует онлайн-среда общения, благодаря которой люди не чувствуют себя только представителями, выходцами из определенной местности, этнической, языковой, культурной или религиозной группы, а, соприкасаясь с другими культурами, могут ощущать себя представителями человечества, гражданами мира.

Также меняется и структура семьи, это уже не традиционное понимание проживающей и ведущей совместное хозяйство группы, а не связанное в пространственном отношении сообщество родственников, способных взаимодействовать между собой в том числе и при помощи современных технологий. «Традиционная семейная ячейка все больше и больше заменяется семейной сетью, раскинувшейся в нескольких государствах» (Шваб, 2016: 66).

Также меняются отношения между людьми, проживающими рядом, по соседству, в одном государстве. Стоит обратить внимание на то, что намечаются тенденции отсутствия презумпции невиновности для мигрантов. Современные экономические условия, рынок труда способствуют тому, что государства принимают жесткие меры по отношению к мигрантам: более строгие правила въезда, возможное установление системы тестов и достаточного количества баллов для получения гражданства, сокращение пособий по безработице. Мигранты априори носители чужой культуры, языка, обычаев и верований, то есть чужие, которые приехали занимать рабочие места, жилье и получать пособия. Все чаще и чаще мигранты считаются виновными до тех пор, пока они не докажут обратное. И это позиция как правительств, так и рядовых граждан. Меняется и отношение к образованию. Так, скажем, если образование традиционно считалось базовым условием в формировании человеческого капитала, то сейчас «образование может препятствовать развитию навыков, необходимых для выживания при нестабильной экономической системе» (Стэндинг, 2014: 219). Образование играет негативную роль в способности приспосабливаться, быть изворотливым, обладать необходимыми при нестабильности навыками. На первый же план выходит поведенческая и косметическая адаптация. Искусство подать себя в нужном свете, вызвать доверие, расположить к себе – навыки, высоко ценимые в современном

[1] Тибетские молитвенные колеса + Высокие технологии. Ваше ускоренное духовное развитие // Центр тибетской медицины [Электронный ресурс]. URL: http://www.kunpendelek.ru/library/buddhism/practics/prayer-drum/ (дата обращения 29.01.2021).

обществе. «Прекариат или те, кто боится оказаться в его рядах, усваивают, что пластическая операция, увеличение груди, ботокс или липосакция служат вложением в будущий заработок, а также гарантом лучшего образа жизни» (Стэндинг, 2014: 220). Также этому способствует соответствующее поведение. Целая индустрия работает на то, чтобы поддерживать культ потребления, поведенческих и эстетических стандартов. «Моя работа производит спрос, а затем преувеличивает пользу продуктов, которые продаются, чтобы удовлетворить его. <…> …Мы заставляем зрителей чувствовать себя неполноценными, а затем преувеличиваем эффективность “решений”, предлагаемых в рекламных паузах» (Гребер, 2020).

Учитывая различные аспекты применения современных технологий, можно предвидеть еще один скрытый негативный момент – усиление неравенства между людьми технически грамотными, владеющими и контролирующими возникновение, развитие и применение технологий, и пассивными пользователями-потребителями, не обладающими достаточными знаниями. Такому росту противоречий и неравенств способствует и широко применяемая во всем мире программа цифровизации экономики. Ставится вопрос о соответствии моделей и темпов социально-технологического перехода и адаптации к экономическому укладу новой реальности. Так, по мнению некоторых исследователей, «российская программа цифровизации в ее нынешнем виде угрожает расколоть общество, поскольку предусматривает превращение страны в гигантскую интернет-платформу, которая станет заменой государства, а самих россиян предлагает “рассортировать в зависимости от их уровня овладения цифровыми технологиями”» (Малышева, 2018: 44).

Возникает новый принцип социально-статусной стратификации, новый источник социального неравенства. Знания и информация, владение ими, контроль и распоряжение становятся важнейшим капиталом. Группа, обладающая таким капиталом («когнитариат» – Э. Тоффлер, «креативный класс» – Р. Флорида, «класс интеллектуалов» – В.Л. Иноземцев) имеет доступ к социально-значимым позициям и привилегиям. Цифровое преобразование может привести к «гибкому использованию трудовых ресурсов», обернуться «потерей или снижением социального статуса» для работников, а для всего общества – «резким усилением социального неравенства» (Тощенко, 2017: 102, 104-105).

Возникают разные виды неравенства. Во-первых, общество поделилось на тех, кто принимает изменения, и тех, кто против установившейся реальности. Несмотря на эффективность применения технологий как в экономическом плане, так и в возможностях личностного развития, велики их потенциальные риски и существуют сложности доступа к возможностям их использования. Людям придется непрерывно приспосабливаться к изменениям, независимо от их желания. Например, призванные защищать трудящихся профсоюзы «в первую очередь направлялись на борьбу против сокращения персонала. Без достаточного внимания оставались такие вопросы, как условия введения новых технологий и социальные последствия этого процесса в будущем» (Каргалова, 2018: 175).

Если раньше ликвидация или переквалификация рабочих мест замещались другими альтернативными рабочими местами, возможно требующими дополнительных навыков, то при автоматизации, роботизации, информатизации такого замещения не происходит, а тех, кто не сможет приспособиться к новым социальным и производственным структурам, «с большей вероятностью ждут не комфортабельные социальные пособия, а сокращение… возможностей, прав и гарантий, вплоть до исключения из общества или прямого уничтожения» (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019: 152).

Вторым видом неравенства становится неравенство онтологическое. «Это онтологическое неравенство разделит тех,

кто приспособился, и тех, кто сопротивляется переменам» (Шваб, 2016: 78). Изначальное неравенство возникнет между поколением, которое родилось и уже выросло при изменившихся условиях цифрового мира, и поколением, не знавшим этого изначально и вынужденного приспосабливаться к новым условиям. «Навыки работы в Интернете должны рассматриваться как жизненно важные активы. Когда эти навыки неравномерно распределены среди населения, последствия этого… могут усугубить существующее социальное неравенство» (van Deursen, van Dijk, 2010: 894). Некоторые исследователи считают, что имущественное неравенство в основном – это следствие неравенства интеллектуального потенциала. «Будучи порождено не относительно условными и внешними характеристиками вещного богатства, а сущностными отличиями внутреннего потенциала членов общества, новое классовое деление может стать гораздо более жестким, чем в эпоху господства частной собственности» (Иноземцев, 2000: 13).

Социальное неравенство, зависящее от положения в обществе при соблюдении/несоблюдении определенных условий, усугубляется неравенством онтологическим, при котором фиксируется возможность/невозможность применения определенных состояний и способностей. Не владеющим современными технологиями в современном мире ограничен свободный доступ (с возможностью получить такой доступ очно, испытав ряд неудобств и неловкостей) к получению государственных услуг, образования, медицинской помощи, приобретению товаров и услуг и проч. С неизбежностью возникают столкновения интересов, напряженность, потенциальное разделение, проблемы этического плана. Исследуются вопросы, «как неумолимо интеграция технологий в нашу жизнь будет воздействовать на наше представление об идентичности и приведет ли она к снижению некоторых из наиболее существенных способностей человека, таких как самоанализ, эмпатия и сострадание» (Шваб, 2016: 78).

Так, обращая внимание на разрабатываемую систему социального кредита доверия (SCS), которая будет использоваться для оценки надежности всего населения Китая (Елкина, 2017), становится очевидным, что этические вопросы сохранения права на индивидуальный выбор личности в будущем станут одними из самых актуальных. Действия каждого гражданина и юридического лица (то есть каждой компании) в Китае будут оцениваться, хотят они этого или нет. Учитываются все моменты экономического, социального и другого взаимодействия человека, вплоть до личного выбора общения. Рейтинг повлияет на шансы оформить ипотеку, устроиться на конкретную работу, отправить детей в школу, устроить личную жизнь. Бесконтрольное обязательное участие государства в делах личности может привести, с одной стороны, к системе надзора, подчинения и контроля, а с другой стороны, к гонке популярности за высоким рейтингом и привилегиями, в умаление своих личностных желаний или предпочтений.

Говоря о новых видах неравенства, стоит учесть также тот факт, что недостаточно иметь доступ к технологиям, информации, ресурсам – нужно уметь ими пользоваться, правильно их «приспосабливать и утилизовать» (Мамедов, 2014: 190), и в этом, по мнению некоторых исследователей, заключается уникальность информационного общества. И проблема недополучения, обладания не полным объемом либо наоборот переизбытком возможной информации, благ и услуг кроется не только в том, что человек – потребитель услуг, возможно, недостаточно приспособлен, не обладает должными качествами или инструментами для получения полного круга возможностей. Речь идет о том, что «появляются технологические, коммерческие, социально-политические механизмы, регулирующие доступность информации… Речь идет о так называемом “информационном коконе”, под которым понимается создаваемая для пользователя алгоритмом поиско-

вых сетей выборка, основанная на его запросах и их внутренней логике, действуя зачастую в интересах не истины, а рекламы или цензуры» (Петрова, 2021: 32).

Активно утверждается (настолько активно, что уже считается само собой разумеющимся и неоспоримым), что необходимо придерживаться международных норм предпочтительных стандартов и трендов развития технологий и инноваций. Государства, находящиеся на пике исследований и применения передового производства, 3D- и 4D-печати, Интернета вещей, таргетной, персонализированной, персонифицированной, превентивной цифровой медицины, разработок по исследованию генной инженерии, получают экономические и финансовые выгоды в отличие от стран-прекариев, не имеющих финансовой, интеллектуальной возможности следовать глобальным курсом и обладающих такой внутренней социально-экономической программой, которая в результате превращает целую страну в страну-изгой, подвергающуюся риску отстать от передовой инновационной экономики (Ezell, Atkinson, 2014).

Ситуация возникновения еще более опасной новой формы неравенства, связанной с доступом к новейшим эффективным технологиям и коммерциализацией услуг, основанных на биотехнологиях, является «абсолютно новой для экономики, политики, культуры современного общества, основанного на идее исходного фундаментального биологического равенства людей. Фактический перевод социально-экономического неравенства в социально-биологическую плоскость может означать такие социальные последствия, которые окажутся трудноразрешимыми или не разрешимыми вообще» (Веряскина, 2022: 347), – делают вывод исследователи.

Человеческие способности в ближайшем будущем смогут регулироваться путем использования нейрофармакологии (ноотропы, нейроимплантанты), нейрокомпьютерный интерфейс и др. «Поскольку речь идет о явно рыночных продуктах, впервые за сотни лет возникает риск биологического закрепления социально-экономического неравенства» (Вызов–2035, 2016: 26). Учеными также обращается внимание на опасный и набирающий позиции вид неравенства – неравенство генетическое. «Постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие “общечеловеческого”, потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек» (Фукуяма, 2004: 308).

Проблемы неравенства скрыты в избирательной доступности достижений генной инженерии, медицины, протезирования, трансплантологии, фармакологии, цифрового пространства, усовершенствовании когнитивных способностей и др. В какой-то момент андроиды, животные с усовершенствованными признаками, роботы могут быть признаны самостоятельными группами, со своими правами и обязанностями. Люди будут поставлены перед фактом сосуществования с андроидами, «которые уже выступают с концертами, выполняют работу секретарей, телеведущих, спичрайтеров, уборщиков, оказывают услуги от продаж до консультационных и сексуальных. Обсуждаются законодательные инициативы о налогообложении труда роботов» (Тульчинский, 2021: 41). Перспективное направление – биомолекулярные роботы. В 2014 году М. Никитиным и его соавторами в журнале Nature Nanotechnology была опубликована статья о наноразмерных биороботах, которых полагалось использовать в медицине; авторами предполагалось, что до клинической практики их разработки смогут дойти не ранее чем через 10–20 лет (см.: Веденеева, 2014). Возникают обоснованные сомнения, что выберет человек, если это ему станет необходимо, – доктора-робота с искусственным интеллектом и без эмоций или же сочувствующего врача-человека, который сможет при необходимости приободрить и

обнадежить? Не побоится ли человек вместо обычной таблетки впустить в свой организм некоего биоробота, якобы способного справиться с болезнью? Сколько должно пройти времени, чтобы человек научился взаимодействовать с роботами и доверять им? И сколько потребуется задействовать для этого материальных и психологических ресурсов, насколько доступны будут эти услуги? Поле неравенства от правового, морального и нравственного расширяется до антропологического, биологического и генетического.

Британский экономист по вопросам труда Г. Стэндинг предостерегает: «Неолиберальное государство… часто отказывается замечать дискриминационные технологии и практики, основанные на электронном наблюдении, страховых рынках и дотированных исследованиях в области бихевиористской психологии. Возникающая в результате дискриминация более утонченная, но по сути ничем не отличается от грубых форм, при которых отбор производится по гендерному, расовому, возрастному или образовательному принципу. Новейшая уловка – генетические коды» (Стэндинг, 2014: 241). Г. Стэндинг описывает генетические исследования в Сингапуре, выяснившие, что одна из версий определенного гена обнаруживается у людей, менее склонных к перепаду настроения, а следовательно, терпеливых работников. А высокий уровень тестостерона (который достаточно просто определить, если фирме-нанимателю или работодателю потребуются работники, обладающие определенными качествами) создает трудности работы в команде. Не станут ли работодатели использовать тесты на профпригодность, включая в них (кроме уже имеющихся психологических и социальных методик) баллы, набранные или не набранные претендентами априори, независимо от навыков и способностей, но зависящие от комбинации генетических кодов в их организме, национальности, расы или религии?

Усиливающаяся генетизация общества подвергается жесткой критике и по следующей, не совсем обычной причине. Например, некоторыми представителями субкультур глухих и слепых их особенности воспринимаются как индивидуальность, естественный уникальный аспект личности, не требующий исправления в обязательном порядке. «Несколько ассоциаций, объединяющих слепых и глухих, выступило со специальными заявлениями против планов разработки геномных методов лечения слепоты, поскольку развитие последних грозит гибелью для их особых субкультур, аккумулирующих специфические и неизвестные в “нормальном” мире ценности» (Тищенко, 2001: 55).

Наш мир нестабилен, характеризуется новыми видами неравенства, слабеющими человеческими связями, он «снова стал театром войны всех против всех, и потому она не ведется никем и не против кого-то конкретного» (Бауман, 2019: 52). Люди превращаются в конкурирующих индивидов, от конкурентного отбора в учебные заведения до условий принятия на престижную (а иногда и просто достойную) работу. «Чувство унижения, социальной или личностной невостребованности вызывает размытое, бессмысленное, неточечное, произвольное, неадресное насилие, “насилие ради насилия”, дающее временное избавление от унизительного чувства собственной неполноценности, когда действительный виновник злоключений и страданий агрессора либо неизвестен, либо недосягаем» (Бауман, 2019: 45). Снижается порог критериев наличия войны, становится менее выраженной грань между войной и миром, а также не всегда можно быть уверенным в том, кто именно вас атакует и имеет ли место нападение вообще, меняется концепция противника, «поскольку любые сети или подключенные устройства, от военных систем до гражданской инфраструктуры, такие как источники энергии, электрические сети, системы управления здравоохранением, движением или водоснабжением, могут быть взломаны и подвергнуты нападению» (Шваб, 2016: 68). Развитие биотехно-

логий, генетики и геномики заставляет задуматься о возможности усовершенствования, использования или случайной потере контроля над биологическим оружием. Не случайно в ситуации с распространением коронавируса Covid-19 рассматривалась и эта версия; возможность террористических атак с применением биологического оружия – одна из опасностей развития современных технологий. «Критически опасно то, что гиперсвязанность мира в условиях растущего неравенства может привести к усилению фрагментации, сегрегации и социальных волнений, которые в свою очередь создадут ситуацию для развития насильственного экстремизма» (Шваб, 2016: 65).

З. Бауман отмечает, что мир без насилия – это утопия, можно лишь различить «хорошее насилие» (совершаемое службами правопорядка, как бы они ни назывались) и «дурное насилие» (совершаемое ради подрыва, разрушения и поломки действующего правопорядка), которое дурно еще и потому, что вынуждает силы «хорошего насилия» перенимать инструменты и стратегию у своего врага (Бауман, 2019: 29). Неравенство возможностей, непредоставление доступа к возможностям – одна из ощутимых и набирающих силу форм неравенства. «В насилии обвиняют терпящих лишения людей и самые бедные народы, однако без равенства возможностей различные формы агрессии и войны найдут плодородную почву, говорится в речи папы Франциска» (Бауман, Донскис, 2019b: 78).

Одной из современных форм трудового неравенства является появление нового набирающего силу протокласса – прекариата. Изменяющиеся экономические условия, глобализация мировой экономики, а соответственно, увеличивающееся экономическое взаимодействие между странами и усиливающаяся глобальная конкуренция между одними работниками (дефицитным ресурсом) и другими (легкозаменяемой рабочей силой), создают новые формы занятости, предпосылки распространения прекаризации и возникновения прекариата. Изменяются реакции и модели поведения участников рынка труда, можно наблюдать рост его гибкости, рост неформальной занятости. Ю.В. Голиусова и З.Т. Голенкова определяют прекариат (от лат. Precarium – нестабильный, негарантированный) как «набор социально-исключенных групп» (Голенкова, Голиусова, 2013: 5-14), не имеющих гарантий занятости и стабильного положения на рынке труда. Это могут быть и частично занятые, и временные работники, работающие по срочным трудовым договорам, стажеры, безработные, мигранты, беженцы (а также новая категория мигрантов – «экологические беженцы»), деклассифицированные лица, маргинализированные элементы. Часто черты прекарной занятости можно найти в труде женщин, работающих пенсионеров, молодежь оказывается в состоянии статусной фрустрации и жесткой конкуренции как со стороны мигрантов, так и со стороны не желающих покидать свои рабочие места опытных, но уже пожилых сотрудников. Также сюда можно отнести лиц с ограниченной трудоспособностью, которым достается нестабильная, низкооплачиваемая, непрестижная работа. Нельзя говорить об однородности прекариата как некоего класса. Также меняется формат занятости, в рамках которой все менее различимы труд и досуг. «Нарастающая прекариатизация в сочетании с тотальной круглосуточной коммуникативной включенностью превращается в новую форму многогранной и многовекторной эксплуатации, новой ренты, не только “свободного времени”, а всего процесса жизнедеятельности» (Тульчинский, 2021: 37), ответственность за развитие и поддержание своего человеческого и социального капитала возлагается полностью на самого работника. Люди по-разному относятся к своему нестабильному положению, отсутствию или минимуму социальных гарантий, социальному статусу. Существуют и те, кто добровольно выбирает эту позицию, отказываясь от определенных соци-

альных гарантий в пользу мобильности, изменчивости, креативности своей трудовой реализации, и те, кто вынужденно пополняет ряды прекариата. Прекаризация характеризуется как внешним, так и внутренним неравенством, рассматриваются как внешние структурные ограничения, так и трансформация личностных установок. Также неоднозначно значение терминов, используемых при описании этого явления, так, например, ведутся споры, что можно считать временной работой. Поэтому сложно оценить количество людей, работающих с чертами прекарной занятости, точное их количество статистически не учтено. Неопределенность понятий, описывающих прекариат, делает неопределенным и само понятие, что приводит к определенным трудностям в случае установления принадлежности каких-либо структур и личностей к системе прекарной занятости. Так, например, «в Италии понятие precariato гораздо шире и относится не просто к людям, перебивающимся случайными заработками и мало получающим, а вообще к нестабильному образу жизни. В Германии прекариатом стали называть не только временных работников, но и безработных, не имеющих надежды на социальную интеграцию. В Японии это слово было равнозначно понятию “рабочая беднота”» (Стэндинг, 2014: 24). Придерживаясь широкого толкования, можно прийти к радикальному выводу, что почти вся занятость сегодня имеет те или иные черты прекарной занятости, прекариат уже рассматривается как новая социальная реальность.

Кроме ключевых последствий прекаризации, таких как «увеличение масштабов бедности; активизация миграционных процессов; деформация профессиональной структуры; ухудшение материального и психоэмоционального благополучия человека» (Сигитова, Филиппова, 2021: 36-40), можно еще назвать неустойчивое, неточное, размытое понятие ответственности за принятие решений, касающихся трудовых отношений. Кроме работника, который превращает в себя в товар, и работодателя, его приобретающего, появляется агентство-посредник. На первый взгляд, это даже удобно, однако по сути, работник оказывается ущемленным в правах выбирать рабочие места и вид работ в полном объеме, это подбирает агентство, а работодатель снимает с себя ответственность за подбор персонала; в итоге не принимающий решений работник оказывается в подчинении и у работодателя, и у агентства.

Определенные стандарты, по которым живет современное общество, формируют новые структуры неравенства, переводят отдельные категории или состояния в разряд, нуждающийся в исправлении. Так, безработные оказались теми, кого непременно надо исправлять. Такая тенденция не нова, но обретает новые нюансы, касающиеся пособий по безработице. В некоторых странах, по мнению Г. Стэндинга, люди попадают в так называемую «ловушку нестабильности» (Стэндинг, 2014: 91), так как не могут позволить себе новую временную нестабильную малооплачиваемую работу взамен потерянной старой из-за невозможности сохранить пособия, а при их потере – становятся перед невозможностью понести затраты на их новое назначение.

Как уже упоминалось ранее, в разряд подлежащих исправлению попадают мигранты. Несмотря на определенные доказательства того, что они добросовестные, старательные, нетребовательные работники, в обществе существует стереотип, что они являются получателями всевозможных пособий и занимают рабочие места. Люди, похожие на мигрантов, переходят в статус подозреваемых у полиции, пока не докажут свою невиновность (например, регистрацию или право на работу).

Возрастная дискриминация – феномен, с которым предлагается бороться в трудовом законодательстве, но все не так однозначно. Возрастной ценз, с которого назначается пенсия, условен, многие остаются трудоспособными еще много лет после выхода на пенсию. Однако Евросоюз выступает с рекомендательными инициативами по запрещению дискриминации по

возрасту. «Если мы признаем, что производительность труда с возрастом снижается, тогда законы против возрастной дискриминации могут привести к тому, что работодатели попытаются как-то иначе избавляться от работников с меньшей производительностью труда» (Стэндинг, 2014: 153), например, вводится возрастной ценз при приеме на работу. Пожилые люди, которых становится все больше, в том числе из-за развития современной науки, применения новых технологий, переходят в разряд нежелательных, исправить которых нет возможности, а шанс уволить или не принять на работу есть. Здесь также кроется скрытое неравенство. По этическим правилам пожилым предоставляется возможность приносить пользу обществу, и закон дает им эту возможность. На деле же оказывается, что этические принципы существуют в идеале, бизнесу же нужно еще несколько раз посчитать и взвесить прибыли и убытки от работника пожилого возраста, и часто выбор оказывается не в пользу последнего.

В новой цифровой реальности также пересматривается понятие «нетрудоспособные». Технологии дают возможность точно диагностировать заболевания или предрасположенности, все сложнее становится утаить (при необходимости или при желании) какую-либо информацию, сведения об определенных заболеваниях становятся известны специальным учреждениям, а при, скажем, случайном разглашении информации – и широкому кругу лиц. Здесь кроется опасность дискриминации. Людей пытаются классифицировать, дать указания, лечиться им или нет. Исследователи рассуждают о «новой форме контроля – молекулярной биополитике» (Михель, 2019: 46). В 2014 году в Финляндии проводилось исследование по выявлению гена преступности, ген не был выявлен, однако были обнаружены два гена, отвечающие за агрессивное поведение (Genetic background…, 2014: 786-792). Будут ли эти гены выявляться специально, будет ли их наличие как-то влиять на жизнь человека в личном и социальном плане? Будет ли это контролироваться государством? Данные сомнения затрагивают сферу внутреннего мира человека, и опасности вмешательства в него государства, и, соответственно, контроль, управление и неравенство.

Также в современном мире ответственность за свою несчастливость, за экономическую несостоятельность, за нездоровье ложится на человека, всем предлагается различными способами бороться и избавляться от этих «пороков». «Здоровье становится идеологией... Люди, у которых не выходит заботиться о своем теле… выставляются в дурном свете – ленивыми, бесхарактерными, слабыми» (Бауман, 2019: 126). Таково обрисованное ранее в художественных произведениях, а теперь становящееся все ближе к действительности состояние общества, где неспособность быть счастливым, экономическая несостоятельность, нездоровье, неуспешность воспринимаются как порок, отсталость. Это культивируется в рекламе, которая заказывается, распространяется, внедряется для извлечения прибыли. Некоторые авторы говорят даже о «бархатном» тоталитаризме – подконтрольной форме манипулирования сознанием и воображением, реклама в котором «способна создавать человеческие потребности и критерии счастья» (Бауман, Донскис, 2019b: 121).

Мнения специалистов разделяются. С одной стороны, как замечает Дебора Луптон, «внедрение цифровых технологий облегчает (по сути вкладывает в руки каждого) контроль, измерение и фиксацию данных о своем теле и жизни как форму самосовершенствования и саморефлексии» (Lupton, 2016). И не соответствовать этой норме человек больше не имеет морального права. Однако, с другой стороны, поскольку мир контролируется и управляется властными группами, секретными международными организациями или спецслужбами с их неуловимыми экспертами, – считают З. Бауман и Л. Донскис, – индивид не может взять на себя моральную ответствен-

ность за собственные действия (см.: Бауман, Донскис, 2019b: 242). Как писал З. Бауман, «новая мораль из центростремительной превратилась в центробежную: когда-то она была главным связующим звеном в преодолении межличностных зазоров, в сближении и интеграции; теперь мораль стала одним из инструментов разделения, разобщения, размежевания, отчуждения и разрыва» (Бауман, 2019: 126). Способ же восприятия действительности как адиафорической реальности – вне сферы морали – способствует возникновению и укоренению в обществе проблем неравенства, непредоставления возможностей, которые с развитием техногенной цивилизации только растут.

Выводы

Постепенно человечество становится не только пользователем различных новых технологий, но и их частью. Изменения затрагивают как экономические, социально-культурные, так и антропологические характеристики существования человека. Какие бы изменения ни происходили в мире цифровизации, технологизации, роботизации, глобализации, как бы ни изменялось понимание концепции равенства людей, их предрасположенности к моральному выбору, каким бы технологически более совершенным ни становилось общество, все изменения прежде всего должны произойти с человеком, с человеческим обществом на уровне сознания, восприятия изменений, морали и поведения людей, восприятия и принятия себя в новом мире. И именно этот аспект требует от человечества больших усилий и становится самой главной задачей.

Литература

Бауман, З. Ретротопия / пер. с англ. В.С. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

Бауман, З., Донскис, Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности / пер. с англ. А.И. Самариной; науч. ред. Т.Н. Ракова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 368 с. (a)

Бауман, З., Донскис, Л. Текучее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив / пер. с англ. А.И. Самариной; науч. ред. М.А. Симакова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 296 с. (b)

Веденеева, Н. Создан биоробот, работающий в организме человека по принципу компьютера // МК.ru. Наука. 20.08.2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mk.ru/science/2014/08/20/sozdan-biorobot-rabotayushhiy-v-organizme-cheloveka-po-principu-kompyutera.html (дата обращения 21.03.2022).

Веряскина, В.П. Человек в новой реальности XXI века: биотехнологические вызовы и их социальные последствия // Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы / отв. ред. Г.И. Белкина, ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Канон+, 2022. С. 341-365.

Вызов–2035 / Агамерзян И.Р. и др.; сост. Буров В.В. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 240 с.

Голенкова, З.Т., Голиусова, Ю.В. Новые социальные группы в современных страфикационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5-14.

Гребер, Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ad Marginem Press, 2020. 440 с.

Елкина, В. Большой брат с большими данными: как в Китае вводят индивидуальный рейтинг граждан // RB.ru. 25.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://rb.ru/story/social-credit-score/ (дата обращения 18.03.2022).

Иноземцев, В.Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической перспективе // Вопросы философии. 2000. № 12. С. 3-13.

Каргалова, М.В. Трансформация мира труда в условиях цифровой экономики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 174-179.

Малышева, Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. № 1. С. 40-46.

Мамедов, А.К. Информационное общество: новая онтология социального неравенства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 187-198.

Михель, Д.В. Биокапитализм: новые технологии, новая экономика, новые формы труда и контроля в глобальном мире // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 25-49.

Наумова, Е.И. Дематериализация капитализма: общественный интеллект и прекариат // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 1. С. 45-52.

Петрова, Е.В. Образ информационного общества в культуре: оптимизм сменяется пессимизмом? // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 25-35.

Сигитова, М.А., Филиппова, К.В. Прекаризация как проявление аномии в трудовой сфере // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6. С. 36-40.

Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem Press, 2014. 328 с.

Тищенко, П.Д. Био–власть в эпоху биотехнологий. М.: ИФРАН, 2001. 177 с.

Тощенко, Ж.Т. Новое в социальной структуре общества: прекариат // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 100-108.

Тульчинский, Г.Л. Цифровизация: возможности и социально-гуманитарные издержки // Ведомости прикладной этики. 2021. № 57. С. 34-47.

Фишман, Л.Г., Мартьянов, В.С., Давыдов, Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: ИД ВШЭ, 2019. 416 с.

Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2004. 349 с.

Хачатурян, А.А. Безработица и другие социальные угрозы цифровой экономики // Проблемы прогнозирования. 2021. № 3 (186). С. 103-115.

Шваб, К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с. [Электронный ресурс]. URL: http://ncrao.rsvpu.ru/sites/default/files/library/k._shvab_chetvertaya_promyshlennaya_revolyuciya_2016.pdf (дата обращения 18.03.2022).

Ezell, St., Atkinson, R.D. The Middle Kingdom Galapagos Island Syndrome: The Cul-De-Sac of Chinese Technology Standards // Information technology and innovation foundation (ITIF). 2014. December 15 [Электронный ресурс]. URL: https://itif.org/publications/2014/12/15/middle-kingdom-galapagos-island-syndrome-cul-de-sac-chinese-technology (дата обращения 18.03.2022).

Feldstein, S. China is exporting AI surveillance technology to countries around the world // Newsweek. 2019. September 06 [Электронный ресурс]. URL: www.newsweek.com/china-ai-surveillance-technology-world-1403762 (дата обращения 29.03.2022).

Lupton, D. The Quantified Self: A Sociology of Self-Tracking. Cambridge: Polity, 2016. 240 p.

Tiihonen, J., Rautiainen, M.-R., Ollila, H.M. et al. Genetic background of extreme violent behavior // Molecular psychiatry. 2014. Vol. 20 (6). P. 786-792.

Van Deursen, A., van Dijk, J. Internet skills and the digital divide // New Media & Society. 2010. Vol. 13. Issue 6. P. 893-911 [Электронный ресурс]. URL: https: //journals.sagepub.com/doi/10.1177/1461444810386774 (дата обращения 29.03.2022).

References

Bauman, Z. (2019), *Retrotopiya* [Retrotopia], Transl. by Silaeva, V. S., in Oberemko, O. A. (ed.), VCIOM, Moscow, Russia (in Russ.).

Bauman, Z. and Donskis, L. (2019a), *Moral'naya slepota: utrata chuvstvitel'nosti v epokhu tekuchey sovremennosti* [Moral Blindness: The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity], Transl. by Samarina, A. I.; in Rakov, T. N. (ed.), Izdatel'stvo Ivana Limbaha, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Bauman, Z. and Donskis, L. (2019b), *Tekuchee zlo: zhizn' v mire, gde net al'ternativ* [Liquid Evil. Living with Tina], Transl. by Samarina, A. I., in Simakova, M. A. (ed.), Izdatel'stvo Ivana Limbaha, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Elkina, V. (2017), "Big brother with big data: how China introduces an individual rating of citizens", *RB.ru*. 25.10.2017 [Online], available at: https://rb.ru/story/social-credit-score/ (Accessed 18 March 2022) (in Russ.).

Ezell, St. and Atkinson, R. D. (2014), "The Middle Kingdom Galapagos Island Syndrome: The Cul-De-Sac of Chinese Technology Standards", *Information technology and innovation foundation (ITIF)*, December 15, 2014 [Online], available at: https://itif.org/publications/2014/12/15/middle-kingdom-galapagos-island-syndrome-cul-de-sac-chinese-technology (Accessed 18 March 2022).

Feldstein, S. (2019), "China is exporting AI surveillance technology to countries around the world", *Newsweek*, Fri., Sep. 06, 2019 [Online], available at: URL: www.newsweek.com/china-ai-surveillance-technology-world-1403762 (Accessed 29 March 2022).

Fishman, L. G., Mart'janov, V. S. and Davydov, D. A. (2019), *Rentnoe obshhestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rental society: in the shadow of labor, responsibility and accounting], Higher School of Economics Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Fukuyama, F. (2004), *Nashe postchelovecheskoe buduschee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution], Transl. by Levin, M. B., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Golenkova, Z. T. and Goliusova, Ju. V. (2013), "New social groups in modern strefication systems of the global society", *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naya praktika,* 3, 5-14 (in Russ.).

Graeber, D. (2020), *Bredovaya rabota. Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda* [Bullshit jobs: A Theory], Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Hachaturjan, A. A. (2021), "Unemployment and other social threats of the digital economy", *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting problems], 3 (186), 103-115 (in Russ.).

Inozemtsev, V. L. (2000), "Property in post-industrial society and historical perspective", *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 12, 3-13 (in Russ.).

Kargalova, M. V. (2018), "Transforming the world of work in the digital economy", *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2, 174-179 (in Russ.).

Lupton, D. (2016), *The Quantified Self: A Sociology of Self-Tracking*, Polity, Cambridge, UK.

Malysheva, G. A. (2018), "About socio-political challenges and risks of digitalization of Russian society", *Vlast'*, [Authority], 1, 40-46 (in Russ.).

Mamedov, A. K. (2014), "Information society: a new ontology of social inequality", *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2, 187-198 (in Russ.).

Mikhel', D. V. (2019), "Biocapitalism: new technologies, new economy, new forms of labor and control in a global world", *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 9. Oriental and African Studies: An abstract journal*, 4, 25-49 (in Russ.).

Naumova, E. I. (2016), "The Dematerialization of Capitalism: Social Intelligence and the Precariat", *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies*, 1, 45-52 (in Russ.).

Petrova, E. V. (2021), "The image of the information society in culture: is optimism replaced by pessimism?", *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 8, 25-35 (in Russ.).

Schwab, K. (2016), *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Forth Industrial Revolution], Eksmo, Moscow, Russia [Online], available at: http://ncrao.rsvpu.ru/sites/default/files/library/k._shvab_chetvertaya_promyshlennaya_revolyuciya_2016.pdf (Accessed 18 March 2022) (in Russ.).

Sigitova, M. A. and Filippova, K. V. (2021), "Precarization as a manifestation of anomie in the labor sphere", *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 6, 36-40 (in Russ.).

Standing, G. (2014), *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class], Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Tiihonen, J., Rautiainen, M.-R., Ollila, H. M. et al. (2014), "Genetic background of extreme violent behavior", *Molecular psychiatry*, 20 (6), 786-792.

Tishhenko, P. D. (2001), *Bio-vlast' v epokhu biotekhnologiy* [Bio-power in the Age of Biotechnology], Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Toshhenko, Zh. T. (2017), "New in the social structure of society: the precariat", *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki* [Bulletin of the RFBR. Humanities and social sciences], 2, 100-108 (in Russ.).

Tul'chinskiy, G. L. (2021), "Digitalization: Opportunities and Social and Humanitarian Costs", *Vedomosti prikladnoy etiki* [Sheets of Applied Ethics], 57, 34-47 (in Russ.).

Van Deursen, A. and van Dijk, J. (2010), "Internet skills and the digital divide", *New Media & Society*, 13, 6, 893-911 [Online], available at: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1461444810386774 (Accessed 29 March 2022).

Vedeneeva, N. (2014), *Sozdan biorobot, rabotayushhiy v organizme cheloveka po printsipu kompyutera* [A biorobot has been created that works in the human body on the principle of a computer], *MK.ru. Nauka*. 20.08.2014 [Online], available at: https://www.mk.ru/science/2014/08/20/sozdan-biorobot-rabotayushhiy-v-organizme-cheloveka-po-principu-kompyutera.html (Accessed 21 March 2022) (in Russ.).

Veryaskina, V. P. (2022), "Person in the New Reality of the 21st Century: Biotechnological

Challenges and Their Social Consequences", *Chelovechestvo v novoj real'nosti: global'nye biotehnologicheskie vyzovy* [Humanity in a new reality: Global biotechnological challenges], in Belkina, G. L., Frolova, M. I. (eds), Kanon+, Moscow, Russia, 341-365 (in Russ.).

Vyzov–2035 [Challenge–2035] (2016), Olimp-Biznes, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Черновицкая Юлия Вячеславовна, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии естественных наук, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, строение 1, г. Москва, 109240, Россия; *juchische@rambler.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Yulia V. Chernovitskaya, PhD in Philosophy, Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (RAS Institute of Philosophy), 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russia; *juchische@rambler.ru*

УДК 316.74 **DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-4**

Шаронова С. А. **Сетевая методология смарт-образования**

Российский университет дружбы народов (РУДН), ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, 117198, Россия; *sharonova*-sa@*rudn.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка системно осмыслить те изменения, которые влечет за собой новая эра смарт-образования. Аналитической базой исследования стали теоретические работы и публикации российских и зарубежных ученых с описанием опыта внедрения тех или иных элементов смарт-образования в практику. В процессе анализа были выявлены принципы сетевой методологии и раскрыты ее теоретические и практические аспекты в смарт-образовании. В основу теоретического аспекта легли работы ученых в области теории коммуникации. К принципам сетевой методологии относится наличие социальных сетей и сетевых графиков (сетевых моделей). Практические аспекты сетевой методологии раскрываются через трансформацию традиционных практик в сфере образования: образовательной среды, учебного плана, учебной дисциплины, электронного интерактивного учебника, форм и методов контроля результатов обучения, виртуальной классной комнаты. В качестве выводов даются характерные черты трансформации системы образования: нелинейное построение сетей, стандартизация и иерархичность целей и контента, наличие большой базы данных.

Ключевые слова: сетевая методология; смарт-образование; интеграционное образование; образовательная среда; коммуникация

Для цитирования: Шаронова С. А. Сетевая методология смарт-образования // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 47-57. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-4

S. A. Sharonova **Network methodology of smart education**

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation; *sharonova-sa@rudn.ru*

Abstract. The article attempts to systematically comprehend the changes that the new era of smart education entails. The analytical basis of the study was the theoretical work and publications of Russian and foreign scientists describing the experience of introducing certain elements of smart education into practice. During the analysis, the principles of network methodology were identified and its theoretical and practical aspects in smart education were revealed. The theoretical aspect is based on the work of scientists in the field of communication theory. The principles of network methodology include the presence of social networks and network graphs (network models). The practical aspects of the network methodology are revealed through the transfor-

mation of traditional practices in the field of education: educational environment, curriculum, academic discipline, electronic interactive textbook, forms and methods for monitoring learning outcomes, a virtual classroom.
In the conclusion, the authors provide some characteristic features of the transformation of the education system: non-linear networking, standardization and hierarchy of goals and content, the presence of a large database.

Keywords: network methodology; smart education; integration education; educational landscape; communication

For citation: Sharonova S. A. (2022), "Network methodology of smart education", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 47-57, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-4

Введение

История развития феномена смарт-образования начинается с 1997 года, когда в Малайзии впервые был реализован проект «План внедрения смарт-школ Малайзии» (Chan, 2002). Дальнейшее расширение смарт-образования относится к началу 2000-х годов: Сингапур с 2006 года реализует генеральный план Intelligent Nation[1], Австралия в сотрудничестве с IBM разработала многопрофильную систему смарт-обучения[2], Южная Корея на правительственном уровне разработала образовательный проект SMART (Choi and Lee, 2012), Америка в Нью-Йорке реализует Программу Smart School[3], Финляндия в 2011 году реализовала проект смарт-образования SysTech (Kankaanranta and Mäkelä, 2014), Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) в 2012 году начали инвестировать в программу смарт-обучения под названием «Программа смарт-обучения Мохаммеда бин Рашида» (MBRSLP) (Zhu et al, 2016).

Такое активное внедрение смарт-образования связано с развитием новых информационных коммуникативных технологий, которые «ведут к зарождению нового мира, где практически отсутствуют барьеры на создание, обмен и распространение знаний. В основном это связано с развитием Интернета и новыми технологиями, такими как web 2.0, которые минимизируют количество звеньев на пути знаний от их создания до их воплощения в инновации. На основе современных ИКТ создается единое информационное пространство, включающее базы данных деловой и научной информации, сообщества профессионалов, потребителей, где знания свободно циркулируют, невзирая на авторитеты от науки и образования» (Тихомиров, Днепровская, 2015: 9).

Понятие «смарт-образование»

Несмотря на широкое распространение, понятие «смарт-образование» до сих пор носит неустойчивый характер. Российский ученый Е.С. Мироненко (см.: Миро-

[1]Realising the vision in 2015. Vision Singapore: an intelligent nation, a global city, powered by infocomm [Электронный ресурс]. URL: https://www.tech.gov.sg/files/media/corporate-publications/2015/01/realisingthevisionin2015.pdf (дата обращения: 06.04.2022).

[2]IBM, Smart Education [Электронный ресурс]. URL: https://www.ibm.com/smarter-planet/global/files/au__en_uk__cities__ibm_smarter_education_now.pdf (дата обращения: 06.04.2022).

[3]New York Smart Schools Commission Report [Электронный ресурс]. URL: http://www.governor.ny.gov/sites/governor.ny.gov/files/archive/governor_files/SmartSchoolsReport.pdf (дата обращения: 06.04.2022); MEST: Ministry of Education, Science and Technology of the Republic of Korea, Smart education promotion strategy, President's Council on National ICT Strategies, 2011.

ненко, 2018) проанализировала понятийный аппарат концепции смарт-образования. Ее исследование показывает, что в дискурсе кроме термина «смарт-образование» используются термины: смарт-обучение, е-обучение и м-обучение. Четкого различия между этими терминами нет. Е.С. Мироненко попыталась развести эти понятия, показав их отличия. Она выделила подходы, на основании которых давалось то или иное определение смарт-образованию, а именно, организационный, технологический, педагогический и личностно-ориентированный.

Однако для нашего исследования важен институциональный подход, поскольку речь идет о новом этапе развития института образования, затрагивающем все сферы его деятельности. Самым главным для перехода всей системы образования на новый уровень развития является широкое использование достижений искусственного интеллекта в системе образования. Практически искусственный интеллект интегрируется в образовательную среду, что влечет кардинальные изменения во всех сферах деятельности института образования. Наиболее точно отражает этот институциональный сдвиг определение смарт-образования Чжу и Хэ, которое формулирует, что «суть более разумного образования заключается в создании интеллектуальной среды с использованием интеллектуальных технологий, чтобы можно было упростить интеллектуальную педагогику, чтобы предоставлять персонализированные услуги обучения и давать учащимся возможность развивать мыслительные способности, которые имеют лучшую ценностную ориентацию, более высокое качество мышления и более сильную мотивацию поведения» (Zhu and He, 2012: 6).

Новая интегративная реальность образовательного ландшафта

Использование ресурсов и возможностей Интернета, а также новейших устройств привело к эффекту расширения реальности, к созданию дополнительной, виртуальной реальности. Анализируя эту новую интегративную реальность, ученые начали присваивать значение субъекта новым формам IT-технологий. Поскольку эти технологии удобны в нашем быту, работе, мы начинаем переносить на них человеческие свойства: эмоции, разум и т. д. – тем самым превращаем их в субъекты реальности. Однако, по мнению самих разработчиков этих умных технологий, за каждым интеллектуальным гаджетом стоит работа человека, его насыщение программы контентом и его логика деятельности. Поэтому их нельзя считать субъектами, они по-прежнему остаются только техническими устройствами.

Методология

Несмотря на то, что термин «методология» используется со времен мыслителей Древней Греции, его трактовка остается неоднозначной. Не вдаваясь во все перипетии эволюции данного понятия, остановимся на определении, которое, на наш взгляд, наиболее близко нашему исследованию: «Методология – это учение об организации теоретической и практической деятельности человека» (Розин и др., 2022). Авторы этого определения выделяют два аспекта, имеющих отношение к понятию «методология»: теоретический и практический.

Теоретический аспект

Теоретической базой сетевой методологии выступают теории, связанные с пониманием сетевой коммуникации в работах Кастельса (Castells, 2000), М. Ньюмана и М. Гирвана (Newman, 2004), Янг-Ю Лиу (Liu, Slotine and Barabasi, 2012) и других. Так, М. Кастельс, дискутируя на тему сетевого общества, утверждает, что «если доселе в основе всякого человеческого сообщества лежала привязанность человека к месту жительства и работе, то теперь в новых условиях эти связи ослабли. В основе сообщества находятся сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» (Castells, 2000: 10). Вводя еще в 1954 году термин «социальные сети», Барнес отмечал, что «Точками этой

системы являются люди, а линии соединения этих точек указывают, как они взаимодействуют друг с другом» (Barnes, 1954: 43). В дальнейшем в теории коммуникации термин «точка» был заменен на «узел». Как отмечает М.Г. Беслер: «Узел – структурная единица сети – представляет собой объект, вступающий во взаимодействие с другими объектами. В случае социальной сети – индивид / группа индивидов» (Бреслер, 2014: 46). Мы склонны воспринимать эти социальные сети как статичное явление, которое формируется вокруг какого-то центрального узла (индивида / группы индивидов). Однако характерная особенность социальных сетей в интернет-сообществах заключается в том, что социальные сети динамичны, и в любой момент «каждый узел потенциально может приобрести статус центрального узла сети – центра коммуникаций сетевого сообщества на минимальный промежуток времени, при условии повышения информационной насыщенности по сравнению с другими узлами сети» (Бреслер, 2014: 47).

Другой характерной чертой социальной сети является «особый тип сетевой идентичности, форм самоотнесения к той или иной социально-информационной структуре, к тому или иному сетевому сообществу» (Курбатов, 2012: 97). Эту новую схему построения сообществ Кастельс называет сетевым индивидуализмом, «персонализируемым сообществом» (Castells, 2000).

Основные принципы сетевой методологии, в том числе и в образовании, следующие.

1. Наличие социальной сети. Современный человек находится одновременно во множестве социальных сетей. Он постоянно переключается из одной сети в другую. Каждая сеть существует и развивается за счет увеличения количества членов. Поэтому на первое место в сфере образования выходит удовлетворение запросов членов сетевого сообщества с целью вовлечения их в конкретную сеть. И в этом случае речь идет о «персонализации» образования. Вопросы же гармонически развитой личности, которые связаны с «индивидуализацией» процессов обучения, уходят в алгоритм управления конкретным сетевым сообществом.

2. Наличие сетевого графика (сетевой модели), позволяющего рационально осуществлять весь управленческий процесс, планировать, организовывать и контролировать любой комплекс работ. В основе сетевой модели лежат алгоритмы деятельности акторов сети, организаторов и разработчиков сети, варианты заданий, проектов и т. д. Для этого необходимо создание программного обеспечения, охватывающего весь образовательный процесс и процесс обучения. Воспитательный процесс выстраивается в несколько сопроводительных этапов программного обеспечения конкретной сети. На первом этапе выделяется контент наибольшей концентрации интереса потенциального члена сети. На втором этапе формируются индивидуальные особенности вовлеченного члена сети в процессе выполнения определенных работ. На третьем этапе начинает разрабатываться, если можно так сказать, «корректирующий» контент. Акценты в корректирующем контенте зависят от выявленных недостатков и / или достоинств данного члена сети. В отличие от образования в режиме «лицом к лицу» (offline) в сетевой коммуникации (online) меняются принципы межличностных контактов. Поэтому для каждого отдельно выявленного случая возникает необходимость создания своего алгоритма программного действия.

Практический аспект

Практический аспект сетевой методологии связан с созданием образовательной среды, с техническим и программным сопровождением потребностей этой среды, с дизайном этой среды, с разработкой методов сетевой педагогики, смарт-педагогики.

Важно подчеркнуть, что «социальные структуры в обществе технологий подчиняются не иерархическим принципам, они основаны не на линейном соподчинении, но

существуют как совокупность узлов, расположенных на самых различных уровнях власти и выполняющих функции центра» (Ратиев, 2011: 104). В свете сказанного «в настоящее время, – как отмечает О.Ю. Грицких, – создание коллективного единого образовательного пространства тормозится господством блумбергской модели университета с лекционно-семинарской системой обучения, вертикальной организацией структуры, ограничениями, вносимыми в образовательный процесс государственными образовательными стандартами и т. д.» (Грицких, 2011: 67).

Именно принцип нелинейного соподчинения лежит в основе формирования *образовательной среды*. Термин «образовательная среда» все чаще начал употребляться в последние десятилетия. Под ним понимается физическое местоположение и культура учреждений, в которых учатся студенты, образовательная политика и управление также рассматриваются как характеристики образовательной среды. К этому понятию относится часть социокультурного пространства, зона взаимодействия образовательных систем, их элементов, учебного материала и субъектов образовательных процессов. В смарт-образовании образовательная среда выходит за рамки учебных планов, учебного заведения. Смарт-обучение подчеркивает идею прозрачного иммерсивного опыта – прозрачности между людьми, организациями и устройствами. Образовательные среды используют большие данные и методы аналитики обучения, чтобы интегрировать в реальном времени информацию о местонахождении учащихся и исторические данные для выявления значимых моделей обучения. С этой точки зрения можно ожидать, что традиционные организационные структуры образования и процессы обучения претерпят большие изменения.

Стратегической основой смарт-обучения является развитие дизайн-мышления, где понятие «дизайн» рассматривается как нахождение творческих решений проблем. Ценность подхода дизайн-мышления заключается в поощрении абстрактного мышления и решения проблем. Наиболее эффективным для развития дизайн-мышления выступает обучение на основе проблем и обучение на основе проектирования. Эти методики вовлекают учащихся в выполнение аутентичных задач, исследование значимых проблем и разработку или создание соответствующего продукта.

Сетевая суть образовательной среды проявляется в способе извлечения знаний, который «основан на предоставлении учащимся доступа ко множеству неявных / явных узлов знаний и передаче им контроля для выбора и объединения узлов так, как они считают нужным, для обогащения их личных знаний» (Chatti, 2010: 82). Таким образом такой элемент, как учебный план, во всяком случае в системе профессионального образования, теряет доминирующую позицию в организации учебного процесса. На первое место выдвигаются дорожные карты учащихся. Учебные планы остаются некими координатами, которые очерчивают области необходимых знаний для получения необходимых компетенций. Но движение к результатам определяют сами студенты.

Чтобы направлять интересы студентов, открывать для них новые уровни знаний, разработчикам программного сопровождения смарт-образовательной среды необходимо выявлять контекстуальные предпочтения пользователей сети с высокой степенью точности во всех случаях без участия самих пользователей. Но на начальном этапе настройки анализа предпочтений пользователей (студентов) необходимо определить ключевое знание. Для решения многих задач смарт-образовательной среды возникает необходимость включать контекстную осведомленность, которая может сочетать физический класс со многими виртуальными учебными средами.

Сетевая логика развития учебного плана. Как уже было отмечено, учебные

планы продолжают играть одну из ключевых ролей в смарт-образовании. Они формируют компоненты знаниевых сетей для решения определенных задач и разработки определенных проектов, распределяют последовательно по сложности эти задачи и проекты. Комплектуют начальные знания на каждом этапе сложности и конечные компетенции, которые получают учащиеся при завершении проектов и / или решении задач. Учебный план предлагает общие направления для формирования студентами собственных дорожных карт в процессе обучения.

Однако из привычного восприятия учебного плана уходит обязательность прохождения набора предметов / дисциплин, закрепленного в семестре. Изучение отдельно взятой дисциплины перестает быть главным элементом образовательного процесса, его заменяет проектная деятельность. Предлагаемый проект или поставленная задача всегда связаны с необходимостью овладения знаниями различных дисциплин. Содержание проектов и задач зависит от того набора компетенций, на который выводит набор последовательно выполненных задач и проектов. Все решенные задачи и проекты не могут быть одного уровня сложности. Овладение необходимым уровнем сложности диктуется учебным планом. Проектная деятельность предполагает междисциплинарный подход в получении и использовании необходимых знаний.

Сетевая логика изучения дисциплин опирается на междисциплинарность. Зарождение тенденции дисциплинарной организации научного знания относится к XVIII в. Начиная с 1950-х гг. «в эпистемологии формируется представление о научной дисциплине как форме организации знания, а также о науке как системе отдельных дисциплин» (Лысак, 2016: 3). Однако к концу XX столетия, как отмечал В.С. Степин, «стремление к профессионализации и специализации научных исследований приводит к дроблению дисциплин. Число их в настоящее время сложно даже точно определить, например, в конце XX в. существовало более 15 000 научных дисциплин» (Степин, 2011: 193). При общей тенденции дробления научных дисциплин возникают междисциплинарные пространства. Формируются два подхода к пониманию термина «междисциплинарность». «Согласно первому, междисциплинарность понимается как взаимодействие двух или более научных дисциплин, каждая из которых имеет свой предмет, свою терминологию и методы исследования. <…> Второй подход к междисциплинарности предполагает выявление тех областей знания, которые не исследуются существующими научными дисциплинами» (Лысак, 2016: 5). При реализации сетевой методологии в смарт-образовании междисциплинарное пространство всегда направлено на решение конкретных задач и / или проектов, и его сетевая сущность проявляется в создании сети знаний из определенного числа знаниевых узлов, которые могут находиться в различных дисциплинах. Междисциплинарность в сетевой методологии не отменяет дисциплинарность научного знания. Г.Б. Клейнер четко определил взаимоотношение этих двух форм научного знания: «Дисциплинарность – это порядок, а междисциплинарность – это свобода» (Клейнер, 2015: 26).

Логика интерактивного учебника. Наличие электронных учебников обеспечивает дисциплинарную упорядоченность смарт-образовательной среды. В настоящее время электронные учебники представляют собой тексты классических учебников, но размещенных в Интернете и доступных с различных смарт-устройств. Однако в логике сетевой методологии смарт-образования такие учебники должны отличаться интерактивностью. Если сейчас, говоря об интерактивности, мы говорим об использовании обратной связи с учащимся, то в сетевом контексте кроме обратной связи интерактивность означает связь контента учебника с доступными Интернет-ресурсами,

свободное использование гиперссылок (которые создают знаниевую сеть, где каждая гиперссылка выступает знаниевым узлом этой сети).

Структура такого интерактивного учебника состоит из следующих форматов:

- традиционный академический текст;
- гиперссылки на актуальные иллюстрации реальных событий, фактов, явлений и т. п., размещенные в Интернете на различных платформах (YouTube, Instagram, СМИ, сайтах и т. д.);
- гиперссылки на термины, на авторов, на конкретные публикации и т. д.;
- гиперссылки на симуляции;
- подкасты, форумы, чаты, блок-чаты и т. п., позволяющие усваивать информацию в процессе обсуждения, общения.

Сетевая суть такой структуры заключается в том, что академические знания отдельно взятой дисциплины являются главным узлом (ядром сети), все остальные форматы выступают в виде сети узлов, несущих дополнительную информацию, либо приводящих к знаниевым узлам другой дисциплины, тем самым обрисовывая междисциплинарные связи научных дисциплин.

Сетевая методология оказывает влияние и на формы и методы контроля и оценки результатов обучения. Смарт-образовательная среда способна записывать каждую деталь учебного поведения учащихся. Любая смарт-аналитическая система фиксирует и хранит большие объемы сложных пользовательских действий и данных о взаимодействиях. Данные, извлекаемые из смарт-аналитической системы, по существу, не являются интеллектуальными: количество посещений, шаблоны доступа, количество и типы ресурсов, к которым осуществляется доступ, сами по себе ничего не объясняют. Интеллект здесь заключается в интерпретации данных с помощью эффективных аналитических навыков. В этой связи происходит разделение на количественные и качественные методы обработки данных. «Количественный анализ фокусируется на базовом уровне оценки и отчетности о деятельности учащихся, в то время как качественные инструменты и подходы демонстрируют, как глубоко происходит изучение содержания, могут выявить типы сделанного вклада, а также дать оценку используемых знаний, информации, инструментов и предшествующего опыта» (Yassine et al., 2016).

Привычные для нас формы оценки усвоения пройденного материала, такие как тесты, опросы, написание рефератов, написание статьи, выступление на научных конференциях с докладом и т. п., – служат необходимым контентом для проведения аналитики. На их основании выстраиваются ориентиры для определения результатов обучения, рассмотрение которых позволяет выявлять пробелы, выстраивать кейсы и принимать меры. Для качественного анализа очень важно иметь доступ к аналогичным базам данных в других университетах, предприятиях, фирмах. Сравнительный анализ позволяет усовершенствовать качественные методы оценки результатов обучения и улучшать ключевые аспекты смарт-обучения.

Одним из элементов образовательного пространства является *учебная аудитория.* В период пандемии и вынужденного массового перехода на онлайн-обучение многие преподаватели испытали на себе неудобства, возникающие при чтении лекций. Эти неудобства связаны прежде всего с отсутствием контроля за действиями аудитории, ее внимания. Платформы Teams, Zoom, которыми пользовались образовательные учреждения, не были предназначены для учебной деятельности, эти платформы разрабатывались для ведения конференций. Сегодня различные компании предлагают специализированные платформы виртуальных классов Blackboard Collaborate, Google Workspace, NewRow, Edvance360 и др.

Преимущества виртуальных классов – в наличии интерактивного контента, обратной связи, широкого круга программных инструментов: видеоконференций,

виртуальной доски, личного файлового хранилища, а также в поддержке вебинаров, чатов, создании тестов. По мере развития современных технологий парк устройств и инструментов таких виртуальных классов расширяется и совершенствуется. Например, во время видеоконференции можно показывать свои документы, платформа поддерживает такие форматы, как PDF, Word, Excel, PowerPoint, JPEG, можно делиться экраном (демонстрировать рабочий стол), загружать видео с YouTube, просто вставив ссылку. Программы виртуального класса предусматривают и контроль за активностью всех студентов, присутствующих на конкретном занятии: наличие студента перед экраном, его параллельное присутствие в других сетях или общение в мобильном телефоне. Персонализированный подход предусматривает возможность отслеживать, на каких лекционных разделах студент отвлекался, данная информация позволяет преподавателям скорректировать индивидуальные задания.

Выводы

Несмотря на то что сегодня система смарт-образования еще находится на этапе становления, тем не менее, можно с полной уверенностью утверждать, что в ближайшие годы темпы ее развития будут расти в геометрической прогрессии. «Сетевое строение многих значимых для жизнедеятельности человека явлений, в том числе и глобальной сети электронной коммуникации Интернет, становится основополагающим принципом сетевого подхода ко всем социальным процессам и институтам» (Грицких, Алиева, 2011: 66). Мировая практика уже имеет ориентиры передового опыта по внедрению концепции смарт-образования, и таким примером служит Южная Корея. Уже в 2015 г. корейская образовательная среда имела достаточную инфраструктуру; в среднем она использовала 87,71 % кабельных, 12,08 % беспроводных и 0,1 % спутниковых и других интернет-сетей в государственных школах. С 1997 по 2008 год правительство этой страны инвестировало около 3,46 млрд. долларов в инфраструктуру. Кроме того, Корея продвинула пилотный проект, направленный на тестирование цифровых учебников, используемых для умного обучения. Инфраструктура класса включала в себя планшетный ПК с электромагнитным наведением, с 12-дюймовым монитором и компьютер, установленный для учителя. Была начата работа по созданию образовательной инновационной сети, способной обеспечивать дорожную карту для достижения значительных инновационных и устойчивых изменений в смарт-образовании[4].

К сожалению, приходится констатировать, что «в настоящее время российские ученые и педагоги осознали необходимость использования коммуникативной парадигмы в обосновании процессов обучения, в разработке моделей обучения. Но это осознание не получило практического выхода в силу отсутствия коммуникативно-образованных специалистов, как “естественников”, так и “гуманитариев”, которые могли бы грамотно конструировать общение, взаимодействие с “Другим”: учеником, учителем, партнером и т. п.» (Грицких, Алиева, 2011: 66).

Возвращаясь к специфике сетевой методологии и ее влиянию на систему образования, выделим основные характерные черты.

1. Нелинейное построение сетей смарт-образовательного пространства. Построение сети подразумевает наличие узлов, один из которых является главным, выполняющим функции ядра. Все узлы находятся в движении, и доминирующую позицию может в любой момент взять на себя любой активный узел. Под понятием «узел» может пониматься учащийся, знаниевая

[4] См.: Realising the in 2015. Vision Singapore: an intelligent nation, a global city, powered by infocomm [Online]. URL: https://www.tech.gov.sg/files/media/corporate-publications/2015/01/realisingthevisionin2015.pdf (дата обращения: 06.04.2022).

единица, Интернет-ресурс и т. д. Содержание так называемого узла зависит от специфики рассматриваемой сети: социальной, информационной, ресурсной сети и т. д.

2. Стандартизация и иерархичность целей и контента. Для программирования аналитических устройств в смарт-образовании необходимы начальные стандарты описания элемента и иерархические описания изменений этого элемента на разных уровнях сложности. Это относится к любой сети, формирующей либо количественный, либо качественный анализ данных.

3. Наличие большой базы данных. Большая база данных строится на принципах открытости, доступности, бесшовности. Большая база данных включает в себя не только данные отдельно взятого университета, но и сеть университетов, предприятий и другие информационные ресурсы.

В данной статье мы не затрагивали вопросы, связанные с изменениями, происходящими в области педагогики. Безусловно, сетевая методология формирует и здесь свои методы, создавая так называемую смарт-педагогику. Но это тема уже другого исследования.

Благодарность. *Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.*

Gratitude*. The publication was made with the support of the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.*

Литература

Бреслер, М.Г. Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 174 с.

Грицких, О.Ю., Алиева, Н.З. Сетевая коммуникация и образование: философское осмысление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14): В 4-х ч. Ч. I. С. 65-67.

Клейнер, Г.Б. Междисциплинарность, системность, гармония – ориентиры развития социально-экономических исследований // Перспективы развития междисциплинарных социально-экономических и гуманитарных исследований: Доклады и выступления участников круглого стола (24 июня 2015, Ростов-на-Дону) / отв. ред. Г.Б. Клейнер. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. С. 12-32.

Курбатов, В.И. Сетевые сообщества интернета как социальные конструкты // Гуманитарий Юга России. 2012. № 4. С. 94-102.

Лысак, И.В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5 [Электронный ресурс]. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=25376 (дата обращения: 06.04.2022).

Мироненко, Е.С. Задачи и перспективы внедрения смарт-технологий в образовательный процесс // Социальное пространство. 2018. № 1 (13). DOI: 10.15838/sa/2018.1.13.5

Ратиев, В.В. Теоретический анализ особенностей развития современных информационных процессов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3 (8). С. 101-106.

Розин, В.М., Швырёв, В.С., Голдберг, Ф.Н., Бернштейн, В.Л. Методология / подг. электрон. публикации и общ. ред.: Центр гуманитарных технологий. Отв. ред. А.В. Агеев. Информация на этой странице периодически обновляется. Последняя редакция: 09.03.2022 // Гуманитарный портал [Электронный ресурс]. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6870 (дата обращения: 06.04.2022).

Стёпин, В.С. История и философия науки. М.: Академический проект, 2011. 423 с.

Тихомиров, В.П., Днепровская, Н.В. Смарт-образование как основная парадигма развития информационного общества // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2015. № 11 (1). С. 9-13.

Barnes, J.A. Class and committees in Norwegian Paris Islands // Human Relations. 1954. No. 7. Pp. 43-44.

Castells, M. Materials for an exploratory theory of network society // British Journal of Sociology. 2000. No. 51. P. 10.

Chan, F.M. ICT in Malaysian schools: Policy and strategies. Paper presented at a Workshop on the Promotion of ICT in Education to Narrow the Digital Divide, 15-22 October, Tokyo Japan. 2002. Pp. 15-22.

Chatti, M.A. Toward a Personal Learning Environment Framework // International Journal of Virtual and Personal Learning Environments. 2010. No. 1 (4). Pp. 66-85.

Choi, J.W., Lee, Y.J. The Status of SMART Education in KOREA // World Conference on Educational Multimedia. Hypermedia and Telecommunications. 2012. No. 1. Pp. 175-178.

Kankaanranta, M., Mäkelä, T. Valuation of emerging learning solutions // World Conference on Educational Multimedia, Hypermedia and Telecommunications. Tampere, 2014. Pp. 168-172.

Liu, Yang-Yu, Slotine, J.-J., Barabasi, A.-L. Control Centrality and Hierarchical Structure in Complex Networks // PLOS ONE: Электронный научный журнал. 27 Sept. 2012. Vol. 7. Issue 9. Pp. 1-7 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0044459

Newman, M.E.J., Girvan, M. Finding and evaluating community structure in networks // Physical Review of the American Physical Society. 2004.

Yassine, S., Kadry, S., Sicilia, M.-A. Measuring Learning Outcomes Effectively in Smart Learning Environments // Proceeding of Conference "Smart Solutions for Future Cities", 7-9 February 2016, Kuwait [Электронный ресурс]. URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/7447877. DOI: 10.1109/SSFC.2016.7447877 (дата обращения: 06.04.2022).

Zhu, Z.-T., He, B. Smart Education: new frontier of educational informatization // E-education Research. 2012. № 12. Pp. 1-13.

Zhu, Z.-T., Yu, M.-H., Riezebos, P. A research framework of smart education // Smart Learning Environments. 2016. Vol. 3. Article No. 4. DOI: 10.1186/s40561-016-0026-2

References

Barnes, J. A. (1954), "Class and committees in Norwegian Paris Islands", *Human Relations*, 7, 43-44.

Bresler, M. G. (2014), *Sotsial'nye seti i setevye soobschestva informatsionnogo obschestva* [Social networks and network communities of the information Society: monograph], RITS BashGU, Ufa, Russia (in Russ.).

Castells, M. (2000), "Materials for an exploratory theory of network society", *British Journal of Sociology*, 51, 10.

Chan, F. M. (2002), "ICT in Malaysian schools: Policy and strategies", *Paper presented at a Workshop on the Promotion of ICT in Education to Narrow the Digital Divide, 15-22 October, Tokyo Japan*, 15-22.

Chatti, M.A. (2010), "Toward a Personal Learning Environment Framework", *International Journal of Virtual and Personal Learning Environments*, 1 (4), 66-85.

Choi, J. W., Lee, Y. J. (2012), "The Status of SMART Education in KOREA", *World Conference on Educational Multimedia, Hypermedia and Telecommunications*, 1, 175-178.

Gritskikh, O. Yu. and Aliyeva, N. Z. (2011), "Network communication and education: philosophical understanding", *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice], 8 (14): In 4 parts, Part 1, 65-67 (in Russ.).

Kankaanranta, M. and Mäkelä, T. (2014), "Valuation of emerging learning solutions", *World Conference on Educational Multimedia, Hypermedia and Telecommunications*, Tampere, Finland, 168-172.

Kleiner, G. B. (2015), "Interdisciplinarity, consistency, harmony – guidelines for the development of socio-economic research", *Perspektivy razvitiya mezhdistsiplinarnykh sotsial'no-ekonomicheskikh i gumanitarnykh issledovaniy: Doklady i vystupleniya uchastnikov kruglogo stola (24 iyunya 2015, Rostov-na-Donu)* [Prospects for the development of interdisciplinary socio-economic and humanitarian research: Reports and speeches of the participants of the round table (June 24, 2015, Rostov-on-Don)], in Kleiner, G. B (ed.), Publishing House of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, 12-32 (in Russ.).

Kurbatov, V. I. (2012), "Internet network communities as social constructs", *Humanities of the South of Russia*, 4, 94-102 (in Russ.).

Liu, Yang-Yu. (2012), "Control Centrality and Hierarchical Structure in Complex Networks", *PLOS ONE, electronic scientific journal, 27 September*, 7 (9), 1-7 [Online], available at: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0044459 (Accessed 6 April 2022).

Lysak, I. V. (2016), "Interdisciplinarity: advantages and problems of application", *Modern problems of science and education*, 5 [Online], available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=25376 (Accessed 6 April 2022) (in Russ.).

Mironenko, E. S. (2018), "Tasks and prospects of introducing smart technologies into the educational process", *Social area*, 1 (13) (in Russ.).

Newman, M. E. J. and Girvan, M. (2004), "Finding and evaluating community structure in networks", *Physical Review of the American Physical Society*.

Ratiev, V. V. (2011), "Theoretical analysis of the features of the development of modern information processes", Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and socio-educational Idea], 3 (8), 101-106 (in Russ.).

Rozin, V. M., Shvyrev, V. S., Goldberg, F. N. and Bernstein, V. L. (2022), "Methodology", in Ageev, A. V. (ed.), The information on this page is updated periodically. Last revision: 09.03.2022, *Gumanitarnyj portal* [Humanitarian Portal] [Online], available at: https://gtmarket.ru/concepts/6870 (Accessed 6 April 2022) (in Russ.).

Yassine, S., Kadry, S. and Sicilia, M.-A. (2016), "Measuring Learning Outcomes Effectively in Smart Learning Environments", *Proceeding of Conference "Smart Solutions for Future Cities"*, 7-9 February 2016, Kuwait, [Online], available at: https://ieeexplore.ieee.org/document/7447877. DOI: 10.1109/SSFC.2016.7447877 (Accessed 6 April 2022).

Stepin, V. S. (2011), *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science], Akademichesky proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Tikhomirov, V. P. and Dneprovskaya, N. V. (2015). "Smart education as the main paradigm of information society development", *Modern Information Technologies and IT-education*, 11 (1), 9-13 (in Russ.).

Zhu, Z.-T. and He, B. (2012), "Smart Education: new frontier of educational informatization", *E-education Research*, 12, 1-13.

Zhu, Z.-T., Yu, M.-H. and Riezebos, P. (2016), "A research framework of smart education", *Smart Learning Environments*, 3, 4.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Шаронова Светлана Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, Институт мировой экономики и бизнеса (Международная школа бизнеса), Российский университет дружбы народов (РУДН), ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, 117198, Россия; *sharonova-sa@rudn.ru*
ORCID: 0000-0003-2892-4785

ABOUT THE AUTHOR:

Svetlana A. Sharonova, Doctor of Sociology, Professor, Institute of World Economy and Business (International Business School), Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation; *sharonova-sa@rudn.ru*
ORCID: 0000-0003-2892-4785

УДК: 130.3 **DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-5**

Седанкина Т. Е.

Священная книга (Коран) как речевое событие: герменевтические подходы

Российский исламский институт, ул. Газовая, д. 19, г. Казань, 420079, Российская Федерация;
tatiana-svetlaya@mail.ru

Аннотация. В представленной статье священный текст, являющийся ядром теологического исследования, рассматривается в качестве Речи Всевышнего, обращенной непосредственно к теологу-исследователю, готовому к диалогу с живым Словом и способному к размышлению над глубинами его смысла. Для проведения данного исследования применен интегративный подход, заключающийся в осмыслении философских, культурологических и религиозных герменевтических концепций. Особое внимание в работе уделяется религиозной герменевтической традиции православия и ислама. Рассматривается принцип герменевтического круга (спирали) в библейской герменевтике*;* осмысление духовного опыта в православной религиозной традиции; принципы суфийской герменевтической традиции и суфийской коммуникативистики. Помимо научных концепций, проанализированы фрагменты описания личных ощущений исследователей, возникающих при работе с культурно-историческими памятниками. Для более глубокого понимания внутренних ощущений теолога, возникающих в процессе его соприкосновения со священным текстом, анализируется процесс установления невербальной связи, образующейся между читателем и автором обычной книги или древней рукописи. Далее рассматривается особый онтологический статус священного текста, дающего возможность установления связи с Всевышним, а также приводятся предложенные средневековым мусульманским мыслителем ал-Газали скрытые правила чтения (рецитации) Корана, соблюдение которых способно привести читающего к диалогу со священным текстом. Затем анализируется идея герменевтической спирали, движение по которой способно привести к осуществлению События души (духа), смещающего рамки мировосприятия, что ведет к совершению *эпистрофе* и переживанию *метанойи,* являющихся важнейшими условиями приближения к познанию подлинного трансцендентного бытия. В работе предложено рассмотрение возможности расширения поля теологического исследования за счет представления мира в качестве Священного текста (Первозданной рукописи), что позволит несколько иначе взглянуть на «ядро методологии теологии», значительно обогатив сферу научной деятельности теолога.

Ключевые слова: священный текст; теолог-исследователь; религиозная герменевтическая традиция; исламская герменевтика; герменевтическая спираль; дивинаторное схватывание; онтологическое озарение; Событие; метанойя; эпистрофе; Та’виль души; Та’виль текста

Для цитирования: Седанкина Т. Е. Священная книга (Коран) как речевое событие: герменевтические подходы // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 58-76. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-5

T. E. Sedankina | **The holy book (Koran) as a speech event: hermeneutical approaches**

Russian Islamic Institute, 19 Gazovaya St., Kazan, 420079, Russian Federation;
tatiana-svetlaya@mail.ru

Abstract. In the presented article, the Sacred Text, which is the core of theological research, is considered as the Speech of the Most High, addressed directly to the theologian-researcher, who is ready for a "hermeneutic dialogue" with the living Word and is capable of reflecting on the depths of its meaning. To conduct the presented research, an integrative approach was applied, which consists in understanding the philosophical, cultural and religious hermeneutic concepts. Particular attention is paid to the religious hermeneutical tradition of Orthodoxy and Islam. The principle of the hermeneutic circle (spiral) in biblical hermeneutics is considered; comprehension of spiritual experience in the Orthodox religious tradition; principles of the Sufi hermeneutical tradition and Sufi communication studies. In addition to scientific concepts, fragments of the description of the personal feelings of researchers that arise when working with cultural and historical monuments are analyzed. For a deeper understanding of the theologian's inner feelings that arise in the process of their contact with the Sacred Text, the process of establishing a non-verbal connection between the reader and the author of an ordinary book or an ancient manuscript is analyzed. Further, the special ontological status of the Sacred Text is considered, which makes it possible to establish a connection with the Almighty, and the hidden rules of reading (recitation) of the Koran proposed by the medieval Muslim thinker al-Ghazali are given, the observance of which can lead the reader to a "hermeneutic dialogue" with the Sacred text. Then the idea of a hermeneutic spiral is analyzed, the movement along which can lead to the realization of the Event of the soul (spirit), shifting the framework of world perception, which leads to the fulfillment of an epistrophe and the experience of metanoia, which are the most important conditions for approaching the knowledge of a true transcendent being. The paper proposes consideration of the possibility of expanding the field of theological research by presenting the world as a Sacred Text (Primitive Manuscript), which will allow a somewhat different look at the "core of the methodology of theology", significantly enriching the scope of the theologian's scientific activity.

Keywords: Sacred text; theologian-researcher; religious hermeneutic tradition; Islamic hermeneutics; hermeneutic spiral; divinatory grasp; ontological insight; Event; metanoia; epistrophe; Ta'wil of the soul; Ta'wil text

For citation: Sedankina T. E. (2022), "The holy book (Koran) as a speech event: hermeneutical approaches", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 58-76, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-5

Введение

Исламская герменевтика является одним из малоизученных и, несомненно, перспективных направлений современных междисциплинарных исследований, открывающих возможность проследить как специфику герменевтики Корана, так и взаимосвязь религиозной герменевтической традиции православия и ислама, а также соотнести их с основными подходами класси-

ческой герменевтики, яркими представителями которой являются Фр. Шлейермахер, герменевтический подход «психологической интерпретации текста» которого приводится в представленной статье, а также М. Хайдеггер, заложивший основу идеи Бытия-в-мире как Со-бытия герменевтики, получившей свое развитие в учении о духовном Событии герменевтики А. Корбена.

Отдельного внимания заслуживает плеяда исследователей, уделяющих особое внимание религиозной герменевтической традиции. Это: основатель философской герменевтики Г. Гадамер, изучавший предпосылки формирования библейской герменевтики, подчеркивая, что знание не может быть ценностно-нейтральным, а неиссякаемость вопросов свидетельствует о невозможности получения исчерпывающих ответов (Тисельтон, 2011: 243); выдающийся исследователь Нового Завета Р. Бультман, основатель диалектической теологии, подчеркивающий важность живой взаимосвязи толкователя текста со Священным Писанием, следствием чего является субъективность воззрений интерпретатора, отрицать которую представляется абсурдным (Тисельтон, 2011: 181); автор универсального теологического метода Б. Лоренган, отмечающий, что без «пробуждения от дремоты» и обретения «бодрствующего внимания», без радикальной перемены внутренних установок и переворота взглядов и убеждений, интерпретатор не в состоянии постичь предмет своего исследования до конца (Лоренган, 2010: 27,180); представитель философской герменевтики П. Рикёр, воспринимающий священный текст в качестве неисчерпаемой сокровищницы мысли, содержащей в себе целостную интерпретацию мира, указывающий на возможность использования светских герменевтических теорий при работе со священным текстом (Рикёр, 1969: 120); исследователь Нового Завета Г. Осборн, введший принцип герменевтической спирали[1], обозначающий плодотворное движение от достигнутого к предельному и далее, к полному, благодаря подвижности и возможности постоянного расширения горизонтов толкования (Тисельтон, 2011: 20); Э. Тисельтон, осуществивший исторический обзор различных герменевтический методов, включая герменевтику богословия, герменевтические теории которого, с одной стороны способствуют эффективной работе с сакральным текстом, с другой – указывают на «богословскую значимость “светских” герменевтических стратегий» (Андреев, 2012: 136); К. Дж. Ванхузер, сравнивающий работу над пониманием текста и восприятием в нем «иного» с духовной борьбой, в которой интерпретатор готов пожертвовать собой, «умерев» для себя, ради проникновения в самое сердце документа (Ванхузер, 2007: 614, 626).

Даже краткий обзор вышеупомянутой классической герменевтической традиции указывает на то, что христианская герменевтика разработана достаточно хорошо, в отличие от герменевтики Корана. В представленной работе предпринята попытка заполнения образовавшегося вакуума посредством: рассмотрения принципов суфийской герменевтической традиции на основе изучения трудов средневекового мусульманского мыслителя Абу Хамида ал-Газали (ум. 1111), подвергшихся научному осмыслению современным российским мусульманским религиозным деятелем и ученым Д.В. Мухетдиновым; соотнесения концепций типов «людей внутреннего и внешнего знания» Абу Хамида ал-Газали и «людей смысла и людей фрустрантов» Селима Диване Крымского (ум. 1756-57), признанного в Турции классиком тасаввуфа, труды которого введены в российское научное пространство современным крымскотатар-

[1] «Бесконечное движение от горизонта текста к горизонту читателя» наиболее отчетливо представлено метафорой спирали, а не замкнутого круга, который автор называл опасным (Осборн, 2009: 12).

ским исследователем А.М. Кангиевой, занимающейся также изучением основных направлений суфийской коммуникативистики; анализа основных идей герменевтики Корана, предложенных французским исламоведом и философом-традиционалистом А. Корбеном, уделяющим особое внимание шиитской философской традиции, а также возвращению в научное пространство традиции древне-персидской мудрости, обнаруженной им в наследии Шихаб ад-Дина Сухраварди (1155–1191), создателя «философии озарения». Исследователь западных духовных и эзотерических традиций К. Бамфорд видит в герменевтике Корбена «переход от Хайдеггера к Сухраварди, прыжок из современного, постницшеанского мира к “вечным” мирам древнесуфийской традиции» (Бамфорд, 2006: 9), расширяющий тем самым систему координат, позволяя говорить о духовной герменевтике, направленной на духовное (внутреннее) толкование внешних феноменов *(Та’виль[2] текста)*, посредством осуществления *Та’виля души.*

Однако в исламской традиции *вопрос расширения* является весьма неоднозначным ввиду того, что выход за систему координат, четко очерченную столпами исламской богословской мысли (Матуриди (853–944), Абу-ль-Хасан аль-Ашари (873–936), ранний Абу-Хамид аль-Газали (1058–1111), Фахр-ад-дин ар-Рази (1149–1209)), большинством современных мусульманских исследователей считается, по меньшей мере, неразумным. Оставленные же фолианты тафсиров[3] выдающихся муфассиров ат-Табари (839–923), аз-Замахшари (1075–1144), Ибн-Касир, ас-Суйуты (1455–1505), аль-Байдави (ум. 1286) и другие, считающиеся классиками исламской традиционалистской мысли, в полной мере удовлетворяют интеллектуальные потребности большей части исламской уммы. Тем не менее, нечасто, но можно встретить толкования, несколько отличающиеся от общепризнанных, не пытающиеся изменить устои религии, но привносящие несколько иные оттенки смысла Священного текста, что вызывает настороженность богословов-традиционалистов. Значительно реже появляются толкования, стремящиеся вырваться за установленную со времен Средневековья систему координат, жестко порицаемые сторонниками традиционалистского подхода.

Представленная работа не претендует на анализ дозволенности / недозволенности различных тафсиров, но акцентирует внимание на речевом событии (событии духа), смещающем внимание теолога-исследователя с внешнего чувственно-воспринимаемого мира на мир внутренний, который внезапно становится для искателя явственным, приводя к радикальному перевороту личности, ее умоперемене, способствующей «слиянию горизонтов понимания» (Гадамер, 1988: 440, 443), когда «сам текст начинает исследовать толкователя» (Осборн: 2009: 688), ведомого «духом живой традиции» (Ванхузер, 2007: 615). В данный момент теолог не стремится к выходу или расширению классической системы координат, а устремляет свое внимание к ее центру – к точке пересечения, к источнику. Теоретик суфизма Ибн-Араби (1165–1240), предложивший для познания непостижимого метод «интуитивного созерцания», писал: «Уже теперь изнутри, из центра видно, что путь не отличается от цели; где

[2] Та’виль (араб. تأويل) – термин, дословно обозначающий возвращение к истоку, к началу. С точки зрения толкования текста та’виль рассматривается как метод разъяснения скрытого смысла посредством самостоятельных размышлений без опоры на авторитетные толкования, что, по мнению мусульманских богословов, с большой вероятностью может оказаться неверным. Поэтому, согласно традиционалистскому подходу, прибегать к та’вилю имеет право только ученый-богослов, получивший знания от авторитетных общепризнанных учителей, обладающий высоким нравом и достаточной степенью проницательности. (Та’виль, 1983: 43-49).

[3] Тафсир (араб. التَّفْسِير) – комментарий, толкование Корана. Муфассир (араб. مُفَسِّر) – толкователь (комментатор) Корана, автор тафсира.

начался, там и закончился – в Боге». (Смирнов: 1993, 73-74). Не это ли пересечение Ананда Кумарасвами назвал «острой точкой – осью или иглой, в которой исключительно обретается возможность пройти сквозь “плотную материю” или что угодно другое не предусматривающее измерения перехода»? (Кумарасвами, 2017: 50). Не эта ли точка является ядром, сердцевиной теологического исследования, сокровенной и непререкаемой данностью, на основе которой строится все вероучение – животворящее Слово Бога, фактор связи с Тем, кто является «умопостигаемой сферой, центр коей находится везде, а окружность нигде»? (Борхес, 2015).

Согласно средневековому исламскому мыслителю Абу Хамиду ал-Газали, Коран представляет собой не только материальную книгу, но также «атрибут Слова Аллаха» (Мухетдинов, 2016: 54). Коран как Слово Бога обладает неизмеримой глубиной и невозможностью его окончательного изречения ввиду бескрайности, о чем неоднократно упоминается в Священном тексте[4], сравниваемом с Океаном. Это бесконечное Слово Бога обращено непосредственно к верующему, от которого зависит, на сколько он желает (способен) погрузиться в его глубины. На этом пути человек либо довольствуется готовыми знаниями, не осуществляя самостоятельный поиск, «оставаясь на берегу», либо «ныряет» в глубины коранических смыслов, что способствует осуществлению в той или иной степени процесса метанойи (умоперемены), результатом чего становиться «трансформация мышления», проявляющаяся в способности более глубокого восприятия символического (архетипического) языка сакральных текстов, что в дальнейшем отражается на изменении формы выражения собственной мысли. Возрождение внутри себя знания этого архетипического языка открывает теологу возможность более глубокого погружения в смыслы Священного писания, «создавая условия для сверхрационального общения, иными словами, приготовляет ко встрече с Тем, Кто выше разума» (Елисеев, 2021: 24).

Основная часть

1. Невербальная связь между читателем и автором книги (рукописи)

Прежде чем понять, что ощущает верующий человек от соприкосновения со Священным текстом (с живым Словом Бога), вначале проанализируем невербальную связь, устанавливающуюся между читателем и автором обычной книги (рукописи). Читая книгу, человек (не)осознанно вступает в опосредованное общение с ее автором, повествующим о том или ином событии. Причем каждый конкретный читатель обнаруживает в книге нечто свое, отличное от других, в соответствии со спецификой восприятия, особенностью мышления и мировосприятия. Смысл книги представляет собой зашифрованное сообщение автора к своему читателю. «Смысл – это то, что может появиться только между двоими: тем, кто скрыл суть завесой знака, и другим, для кого, собственно и зашифровывалась некая суть» (Кангиева, 2019: 5).

Чтение древней книги *(рукописи)* добавляет к восприятию текста исторический и культурный контекст, что, с одной стороны, значительно расширяет поле восприятия читающего, с другой стороны, усложняет этот процесс ввиду недостаточных знаний о самом контексте. Мыслитель-традиционалист Ананда Кумарасвами (1877–

[4] «…Если бы вода в море сделалась чернилами для записи слов Аллаха <…> то море иссякло бы прежде, чем иссякли бы Слова Господа моего…». (Коран, 18:109); «Если бы все деревья на земле стали перьями, а к обильной воде океана прибавилась бы вода ещё семи океанов и превратилась в чернила, чтобы записать Слова Аллаха, то их не хватило бы, а слова Аллаха не иссякли бы. Поистине, Аллах – Велик, Всемогущ! Он – Мудр и о каждой вещи ведает, и Его словеса и мудрость никогда не иссякнут!» (Коран, 31:27). Подобная интенция прослеживается и в православной традиции: «… если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Иоанн 21:25).

1947) уделял большое значение умению «понимать и чувствовать так, как как чувствовал и понимал автор, осмысленно и пережито подобно тому, как пережил его создатель. Воспринять работу так, как делал это автор, стать тем, что им двигало, и войти в то состояние и миросозерцание, из которого эта работа родилась» (Кумарасвами, 2018: 11). В этом случае происходит «интуитивное вживание в текст», в результате чего осуществляется его «психологическая интерпретация», что является одним из герменевтических подходов, названных Ф. Шлейермахером дивинаторным (Маслова, 2017: 195). *Дивинаторное схватывание* – метод интуитивного толкования, позволяющий ощутить «сопричастность индивидуального Божественному Абсолюту, включенность в тотальность бесконечного Вечного, что и является предметом религиозного переживания, выходящего за пределы логики классической рациональности» (Аникин, 2020: 15). По мнению А. Кумарасвами, только «став единым по духу с автором, возможно правильно осознать его творение» (Кумарасвами, 2018: 57). Подобные идеи обнаруживаем в лекциях известного российского арабиста и исламоведа Е. Резвана относительно понимания смысла Корана, рассматриваемого им в качестве культурно-исторического памятника. Исследователь, многие годы занимающийся реконструкцией изначальных смыслов коранической лексики, отмечает, что для лучшего понимания строк Священного текста мусульман необходимо по меньшей мере ощутить на себе холод ночной пустыни и ее дневной жар[5]. Е. Резван приводит довольно образное описание чувства сопричастности, возникающего в ходе работы с исламскими текстами. «Ни с чем невозможно сравнить то ощущение единства времени, которое приходит к исследователю, поглощенному разгадкой… чуть ли не физически ощущаешь пульсацию мысли автора, пытавшегося проникнуть в скрытый временем смысл того же самого айята, который пытаешься понять и ты. Именно тогда к тебе приходит осознание того, что ты – лишь один в бесконечной веренице людей, чье сознание навсегда пленено величием и загадкой этой замечательной книги» (Резван, 2014: 7).

Несомненно, работа с древним текстом способствует соприкосновению с далеким прошлым как физически, так и психически. У академика И.Ю. Крачковского находим описание ощущений, возникающих практически у каждого теолога-исследователя, погружающегося в работу с арабскими рукописями. «Они окружают меня… они толпятся вокруг меня, робко, точно с боязнью подвигаются ко мне. В их шелесте я различаю тихие голоса… Я вглядываюсь в них, узнаю и улыбаюсь им; страницы ярких картин прошлого не скрывает больше туман веков» (Крачковский, 1965: 25).

На основании рассмотрения примеров личного опыта соприкосновения с древними текстами (архивами, культурными памятниками) можно констатировать, что при неформальном подходе к их изучению, или даже первому соприкосновению, у исследователя появляется волнующее ощущение сопричастности к культурно-историческим событиям прошлого, которое для него становится настоящим, стирая временные рамки. Это приводит нас к концепции онтоисторического бытия М. Хайдеггера, в которой речь идет о том, как «онтологически понятое бытие дает о себе знать сквозь время. Судьба бытия является совершенно специфической реальностью, представляющей собой некую онтологическую путеводную нить того, что было, есть и будет» (Хайдеггер, 2003). Данная концепция коррелирует с метафизической доктриной времени А. Кумарасвами, который вводит понятие «Ныне» в качестве точки, не ограниченной началом и концом,

[5] Открытое образование. Курс «Ислам: история, культура, практика» [Электронный ресурс] URL: https://openedu.ru/course/spbu/ISLCUL/ (дата обращения: 03.02.2022).

а значит, связанной с вечностью. «Вечность – то «Ныне», для которого прошлое и будущее всегда присутствуют. В вечности нет ни до, ни после» (Кумарасвами, 2017: 48). Эта доктрина переводит наше внимание в теологический контекст. «Бог есть всегда, т. к. “всегда” для Бога является понятием настоящего времени, и в этом огромная разница между “ныне”, обозначающим наше настоящее, и “ныне”, означающим божественное настоящее, ведь наше “ныне” связано с изменением времени и беспрестанностью; в то же время “ныне” Бога – неизменное, неподвижное, самодостаточное – творит вечность. Если мы не причастны вечности ныне, вероятно, мы не будем причастны ей никогда» (Кумарасвами, 2017: 174, 196). Полагаем, что именно эта «причастность вечности ныне» ощущается в момент соприкосновения с древними письменами, именно она дарует исследователю благоговейный трепет, волнующее чувство сопричастности, ощущение единства времени, пульсации мысли, тихого шепота вечности.

Если позволить себе размышление по аналогии, то, как пишет А.М. Кангиева, «Читающий рукопись, опосредованно беседует с ее автором, а сквозь Священный текст он обретает возможность “увидеть” Бога» (Кангиева, 2018: 81). В данной связи книга (Священный текст) обретает особый онтологический статус, дающий возможность установления связи с Всевышним. Раннехристианский богослов Киприан Карфагенский увещевает: «Занимайся тщательнее либо молитвою, либо чтением: и будешь то сам с Богом беседовать, то Бог с тобою» (Елисеев, 2021: 23). Осознание данного факта полностью меняет подход к чтению, которое приобретает особый сакральный смысл.

2. Диалог читателя Священного текста с Всевышним

Средневековым мусульманским мыслителем ал-Газали предлагаются «скрытые правила чтения» (рецитации) Корана, которые условно можно разделить на две группы: рациональные и иррациональные[6]. Согласно рекомендациям, поддающимся рациональному осмыслению, перед началом чтения Слова Бога необходимо:

– понимание того, чья Речь предстает перед взором читающего, и осознание ее величия. «Если бы сущность величия Его Речи не была скрыта буквами, то не устояли бы при слушании божественной речи ни ‘Арш, ни земля, и погибло бы все, что между ними, от величия Его мощи и сияния Его света», – пишет Аль-Газали. Далее мыслитель приводит метафорическое разъяснение величия Речи Всевышнего, подчеркивая, что его метафора является лишь «малой толикой» разъяснения смысла. «Речь – как скрытый завесой правитель, чей лик невидим, но дела доступны взору <…> Она – ключ к богатым сокровищницам, напиток [вечной] жизни» (Ал-Газали, 2011: 32);

– «осознание непостижимости божественной Речи (калам), так как читаемое не из речей человеческих существ» (Ал-Газали, 2011: 32), но по милости Всевышнего человеку дарован разум, благодаря которому есть возможность прикоснуться к непостижимому. «Люди не в силах постичь всей глубины этой мудрости, подобно тому, как они не в состоянии взглядами своими пронзить свет солнечного диска. Но от

[6] В данном случае последуем за Р. Геноном и будем рассматривать термин «иррациональное» в качестве «сверхрационального», отнюдь «не являющегося его синонимом, а тем, что выше разума, но не противоположное ему» (Генон: 2008, 424). Допущение возможности применения сверхрационального уровня познания в теологическом исследовании способствует открытию возможности доступа к глубинным смыслам, благодаря «восстановлению контакта с живой традицией» (Генон, 2008: 33, 37), причем, как подчеркивал Лоренган, в ходе работы с Классическим текстом «важно отличать *традицию подлинную*, явившись результатом долгого накопления прозрений, приспособлений и перетолкований от *неподлинной*, разбавленной новыми формулировками и смыслами, привнесенными допущениями и убеждениями» (Лоренган: 2010, 181).

его света они обретают то, что оживляет их глаза» (Ал-Газали, 2011: 33);

– уразумение, что разум дарован человеку Аллахом для размышления над смыслом его Речи. Размышление (*таффакур*) – одно из деяний сердца, благодаря которому оживает сердце и умирает твой шайтан. Али ибн Абу Талиб (ум. 661) сказал: «Нет добра в поклонении, в котором нет понимания (знания), и нет добра в чтении, в котором нет размышления». На важность размышления также указывал Шейх Абдулькадир Гейляни (ум. 1163): «Один час размышления лучше, чем целая ночь поклонения (*кийам*)» (Абдулькадир Гейляни, 2010: 51). Один из авторов современного независимого перевода образов Корана на русский язык А. Хайрутдинов разъясняет, как осуществлять это «деяние сердца»: «Оставайтесь наедине с собой, в тишине и одиночестве, положитесь на Аллаха и размышляйте. Аллах через весь Коран призывает людей к размышлению, к раздумьям, к интеллектуально насыщенной жизни, полной *духовного труда – иджтихада*» (Хайрутдинов, 2010).

– осознание, что для более глубокого понимания Слова Аллаха во время чтения и размышления о нем необходимо «сосредоточение внимания сердца [на читаемом] *(худур аль-калб)* и отрешение от посторонних мыслей» (Ал-Газали, 2011: 33). «В Коране есть все то, в чем находит сердце отраду, если читающий его заслуживает того, и как же он может искать отраду, думая о чем-либо другом, находясь в прекрасном саду?» (Ал-Газали, 2011: 31).

После рассмотрения правил, которые условно можно назвать рациональными, направленными на осознание величия авторства Священного текста, предельной непостижимости смысла Слов Аллаха, но возможности прикосновения благодаря дарованному Создателем разуму, понимания важности самостоятельных размышления и сосредоточении внимания на сердце, аль-Газали пишет о завесах, препятствующих пониманию смысла Речи Всевышнего, и способах их преодоления. Мыслитель призывает читающего:

– отдаляться от земных страстей, окутывающих сердце ржавчиной и делающих его как камень, что является самой серьезной завесой сердца, скрывающей истину. «Чем сильнее страсти обуревают сердца, тем плотнее пелена, укрывающая сокровенные смыслы Речи Бога, и чем меньше давит на сердце бремя земных страстей, тем скорее проявляется смысл Его Речи. Сердце подобно зеркалу, страсти – ржавчине, а смыслы Корана – изображениям, которые отражаются в зеркале» (Ал-Газали, 2011: 42);

– перенаправить внимание с правильности произношения звуков (что несомненно важно, но не первично) на смысл читаемого. «Шайтан, приставленный к чтецу Корана, отвлекает его от понимания смысла Речи Аллаха заботой о правильном произношении» (Ал-Газали, 2011: 40);

– стремиться преодолеть закостенелость мышления и фанатичность приверженности к одному из услышанных мнений без самостоятельных размышлений, не поддаваясь наущению шайтана о том, что стремление к самостоятельному постижению смысла является дьявольским соблазном. «А если блеснет ему [человеку, читающему Коран] издали свет и откроется какой-нибудь смысл, отличающийся от того, о чем слышал он, тут же дьявол возлагает на него подражание и говорит: «Как же такое могло прийти в твою голову, ведь оно противоречит убеждению твоих отцов?» (Ал-Газали, 2011: 40);

– не довольствоваться лишь прямым значением слов, полагая, что Речь Аллаха не содержит более глубокого смысла. Мыслитель призывает к равновесному подходу в чтении Корана, не отдавая предпочтения ни в сторону *буквалистского подхода*,

ни в сторону скрытых смыслов[7]. «Разделяющий внешний образ от целого является *буквалистом*. Отделяющий внутреннюю часть, наблюдая лишь за скрытым миром, абсолютно не ведая о равновесии между скрытым и видимым», является *батинитом* (Ал-Газали, 2011: 57). «Соединяющий обе стороны вместе является совершенным» (Ал-Газали, 2004: 231). Исследователь иранской суфийской традиции А. Корбен также разъясняет взаимосвязь буквального и скрытого смыслов, указывая на то, что «*анагогический смысл* (смысл в высшем символическом значении) предусматривает существование смысла буквального, являющегося основой первого, сокрытого во втором» (Корбен, 2006: 110).

После разъяснения препятствий, которые следует преодолеть желающему погрузиться в океан смыслов Слов Аллаха, аль-Газали знакомит читателя с правилами, носящими иррациональный характер, соблюдение которых способно привести читающего к наивысшей степени чувствования связи с Богом.

Во-первых, важно позволить себе признать, что Речь Всевышнего обращена не только к одному Пророку, но лично к каждому читающему. Мухаммад ибн Ка'б аль-Курази (ум. 725) сказал: «С тем, до кого дошел Коран, словно поговорил Аллах» (Ал-Газали, 2011: 45). «Читай Коран вдохновенно, волнуясь и размышляя так, как если бы он был явлен только для тебя» (Корбен, 2006: 45), – находим подобную мысль у А. Корбена. Значит, назидания, увещевания и повеления дарованы Аллахом для извлечения их них уроков конкретным читателем в определенный момент. «И когда Аллах обращается с Речью ко всем людям, Он обращается к каждому читающему. Представь же себе, что ты – тот, к кому прямо обращена речь Корана» (Корбен, 2006: 45).

Во-вторых, важно попытаться осуществить полную эмоциональную вовлеченность в процесс чтения (нырнуть в океан). От глубины погружения, осознания того, что Слова Аллаха обращены непосредственно к читающему, он может испытывать предельные состояния: состояние восторга и ужаса, благоговейного трепета, глубокой печали от своего несовершенства и надежды на искупление. Вухайб ибн аль-Вард (ум. 770) сказал: «Мы не нашли ничего, что более смягчает сердце и сильнее вызывает печаль, чем чтение Корана и размышление над его смыслами» (Ал-Газали, 2011: 46). Такая личностная эмоциональная вовлеченность в чтение, сопровождающаяся особым состоянием сознания, способна привести к «восхождению» читающего до такой степени, что он слышит Речь от самого Аллаха, а не свое чтение. Ал-Газали указывает на три ступени погружения в чтение Корана: на первой читающий представляет, что читает Коран, стоя прямо перед Аллахом, который взирает на него; на второй он видит своим сердцем, что Господь не только смотрит на него, но и беседует с ним; на третьей читающий не видит себя, не слышит своего чтения, а внимает Речи Всевышнего, обращенной лично к нему.

[7] В библейской герменевтической традиции также ведутся дискуссии по поводу важности гармоничного соотношения «Буквы» и «Духа». Исследователь систематического богословия Кевин Дж. Ванхузер, подчеркивая авторитетность Священного Писания, указывает на важность как буквального смысла текста, так и его значения для конкретного читателя: «Дух проливает свет на букву, он не меняет смысл, но служит ему. Духовный смысл есть правильно понятый буквальный смысл». Различие между «духом» и «буквой» состоит как раз в различии между прочтением слов и восприятием прочтенного. Просвещение нашего разума Духом зависит от того, было ли прежде преображено сердце. Дух очищает нас прежде всего от герменевтического греха, от насилия в толковании, искажающего инаковость текста. Читать под влиянием Духа не значит привносить в текст какой-то новый смысл, но просто позволить букве быть, или, что еще лучше, позволить ей достигнуть то, ради чего она была послана. Призыв к духовному прочтению и утверждение реализма смысла не противоречат друг другу. Основная цель – открыть себя для воздействия текста. (Ванхузер: 2007, 623-624).

Джа'фар ибн Мухаммад ас-Садик (ум. 765) сказал: «Клянусь Всевышним Аллахом, что Он является людям в Своей Речи!» (Ал-Газали, 2011: 52–53). *Неспособность же читателя услышать* текст указывает на несоответствие «миро-ориентации» читающего и Автора. «Для того, чтобы услышать Другого, важно развивать *навык слышания*», заключающийся в способности слышать мелодию другого сознания сквозь грохот своих желаний и страстей» (Кангиева, 2017: 24), – пишет А. Кангиева, указывая на то, что подлинная духовная жизнь заключается в «тренировке и *дисциплине духа, направляющего* «око своего внимания» на дух другого» (Кангиева, 2017: 24).

Итак, нами рассмотрены «скрытые правила чтения» (рецитации) Корана, предложенные средневековым мусульманским мыслителем, которые мы позволили себе разделить на две группы (рациональные и иррациональные), между которыми ал-Газали описывает завесы, мешающие постижению смыслов Слова Всевышнего.

Первая группа правил предполагает возможность их рационального осмысления и применения на уровне ума (читая Коран, важно помнить о величии Речи Аллаха; осознание невозможности ее понять до конца[8], но, несмотря на это, важности размышления над ней, так как, по милости Аллаха, человек наделен разумом; во время чтения и размышления не отвлекаться на посторонние мысли, стремясь сосредоточить внимание на сердце). Несомненно, эти правила можно заучить и стремиться следовать им, так же как и усвоить знания о завесах (не потакать своим мирским страстям и уделять особое внимание смыслу читаемого). На уровне ума можно также изучить и правила второй группы (знать, что Речь Аллаха обращена лично к читающему и понимать, что важна полная погруженность в процесс чтения), однако знать и действительно осознавать их, позволяя самому себе «проникнуть» в самую суть – это абсолютно разные вещи. В случае применения правил не на уровне «ума» (рациональном), но «сердца» (интуитивном / сверхрациональном), даже правила, отнесенные нами к первой группе, переходят в разряд иррациональных. Погружение в «великие воды Смысла» – задача не простая, но возможная в случае как внутреннего чувствования каждого из приведенных правил, так и внутренней готовности «нырнуть в Океан», причем глубина погружения зависит от степени готовности ныряющего. В процессе погружения в Священный текст, осознавая на глубинном уровне величие Речи автора, обращенной непосредственно к читающему, слыша в каждой Его фразе личное назидания / увещевания, при этом будучи погруженным в процесс чтения на уровне не ума, но сердца, у человека происходит *метанойя (умоперемена),* перенос сознания за пределы обыденной реальности в реальность иного порядка, открывающую связь с Богом, с Его «животворящим Словом» (Кангиева, 2018: 81).

[8] Лоренган, размышляя о методе в теологии, также подчеркивал, что «основополагающие классические религиозные тексты лежат за пределами изначального горизонта их интерпретаторов», приводя в подтверждение цитату Фр. Шлегеля: «Классическое произведение не должно быть таким, чтобы его когда-либо можно было понять до конца. Но тот, кто развит и развивает себя, должен стремиться черпать из него все больше и больше». С точки зрения Лоренгана, «интерпретатор сумеет познать предмет лишь в том случае, если доведет самокорректирующийся процесс научения до переворота собственных взглядов, осуществив радикальную перемену в самом себе» (Лоренган: 2010, 180-181). Более того, согласно Ванхузеру, осуществить эту перемену возможно благодаря действию Духа, «проливающего свет на букву», способствуя проникновению интерпретатора в сердце документа, благодаря чему «воспринимаемый текст становится поводом для перемены и духовного обновления» (Ванхузер: 2007, 623-626). На взаимоотношение Слова и Духа указывает и Осборн, предполагающий, что «Дух раскрепощает разум исследователя и настраивает его на познание текста, раскрывая глаза на то, что было и без того доступно, но ускользало от внимания читателя» (Осборн: 2009, 565).

3. Герменевтическая спираль, ведущая в вечность

Человек вступает в «герменевтический диалог» со Священным текстом с целью постижения смысла речи Всевышнего, которая открывается лишь до определенных пределов в соответствии со степенью вмещения сознания и «проницательности читающего» (Мухетдинов, 2016: 60), а также чистоты сердца, чему уделяется большое внимание как в исламской, так и в христианской традиции. Как отмечает прот. Емельянов, «без духовного подвига очищения ума и сердца проникновение в тайны Божественной премудрости, хранимые в Писании, является довольно трудным занятием» (Емельянов, 2010: 12-13).

Г-Г.. Гадамер отмечает, что любой коммуникативный акт начинается с вопрошания, причем «подлинный разговор с текстом начинается при условии, что герменевтическое сознание готово заглянуть за текст, стремясь прочесть между строками сверх написанного» (Болдонова, 2009: 22). В полной мере осознавая «принцип подчиненности» по отношению к речи Всевышнего» (Петрушко, 2015: 328), читающий, задающий вопросы, постепенно в своем сознании обнаруживает на них ответы, приводящие к новым вопросам и новым ответам, порождающим все более сложные вопросы, в связи с чем «герменевтический круг обретает вид спирали» (Петрушко, 2015: 328). Согласно философской герменевтической доктрине Гадамера, желая отыскать смысл, интерпретатор вновь и вновь отправляется на его поиски, которые могут быть завершены лишь в случае обретения искателем желаемого и ощущения им внутренней гармонии, после чего интерпретация завершается, растворяясь в тексте. «В момент достижения общих горизонтов восприятия читателя и автора текста, происходит понимание, называемое в герменевтике «*со-бытием*» (Болдонова, 2009: 22).

Определенно, окончательного достижение состояния «со-бытия» в понимании Священного текста невозможно, однако эта «недосягаемость» является сильнейшим мотивирующим фактором, побуждающим к реализации «дисциплины духа» по направлению «ока своего внимания на дух Другого», в чем и заключается «подлинная духовная жизнь» (Кангиева, 2017: 24). Продолжая данную мысль, добавим, что в этом также заключается и подлинная исследовательская деятельность теолога.

Возникает вопрос: каждый ли теолог-исследователь готов двигаться в сторону «со-бытия», прекрасно осознавая, что «общих горизонтов восприятия» в случае работы со Священным текстом достичь абсолютно невозможно?

А.М. Кангиева в своей статье рассматривает два типа людей: *«люди смысла»*, характеристика которых была подробно представлена в концепции суфийского шейха Селима Диване Крымского и «Люди фрустранты». «Люди смысла» находятся в постоянном стремлении проникнуть в самую суть явления, благодаря чему «живут в постоянной связи с Богом, пораженные Его совершенством и Его тайной». «Люди фрустранты» остановиться в своем устремлении прорваться сквозь завесы смыслов, «смирившись с невозможностью, он больше не верит, не надеется и не ищет» (Кангиева, 2018: 77), испытывая при этом негативные эмоции от ощущения своего «поражения». По сути, человек на этом пути всегда терпит поражение, но сам факт самоотверженной устремленности отличает один тип людей от других[9]. В более ранних работах мусульманских мыслителей также наличествует идея двух типов людей, изучающих Священный текст. Так, в книге ал-Газали «Ниша света» приводится описание людей внешнего и внутреннего знания. *«Люди внешнего знания»,* по

[9] В данном случае нами не рассматривается группа «псевдо-исследователей», пишущих свою работу ради диплома.

мнению основателя суфийской герменевтической традиции, способны к восприятию только явного знания, довольствуясь буквальным истолкованием, соответствующим традиции (Ал-Газали, 2004: 58). *«Люди внутреннего знания»* благодаря развитию у себя необходимых качеств обладают способностью за внешней формой видеть внутреннее содержание (измерение) Священной книги (Ал-Газали, 2004: 58), что, по мнению аль-Газали подобно «покорению крутой вершины, доступной лишь для «твердо стоящих на пути знания» (Ал-Газали, 2004: 202).

На наш взгляд, задачей теолога является становление «человеком внутреннего знания» – «человеком смысла», так как само движение по пути смысла уже придает смысл. Проходя через «алхимическое преобразование», теолог начинает осваивать горизонты надрационального, «ступая на путь обретения предельных смыслов и предельного счастья, путь, ведущий к Встрече с Ты» (Кангиева, 2020: 63). Причем на этом пути, помимо продвижения по непростому пути смысла, предполагающего возвращение к его истоку, одновременно происходит возвращению к истоку души самого искателя. «Слушатель или читатель постигает смысл истории при условии, что герменевтический процесс, та'виль, совершается в нем самом. Термин та'виль обозначает акт возвращения вещи к своему источнику» (Корбен, 2006: 95). Исследователь духовных и изотерических традиций К. Бамфорд разъясняет эту идею следующим образом: *«Та'виль текста*, как особая форма духовной герменевтики, направленной на духовное (внутреннее) толкование внешних феноменов, предполагает *Та'виль души,* заключающийся в возвращении толкователя к своему собственному истоку. Душа не может восстановить, вернуть текст к его истине, если сама точно так же не возвратится к своей истине». Таким образом, Та'виль предполагает переход толкователя из одного состояния бытия в другое» (Бамфорд, 2006: 11-12), то есть смену «миро-ориентации», «умоперемену» (метанойю), открывающую возможность более тонкой способности слышания (восприятия) Священного текста.

Это герменевтическое движение осуществляется по спирали, каждый новый виток которой приводит к более полному и глубокому осознанию, благодаря чему открываются иные горизонты понимания (Осборн, 2009), причем его «высший уровень предусматривает проникновение в то, что не вербализировано, но предполагается» (Шехтман, 2009: 47), то есть в подтекст. На этом «апогее понимания» человек испытывает недоумение от осознания наличия иных глубин смысла, сопровождающееся восторгом бесконечности процесса познания Бога. Г-Г. Гадамер характеризует это как «понимание, озарённое всполохами смены рамок собственного мироздания» (Гадамер, 1988).

Посредством проникновения субъекта познания в объект (Священный текст – «сердцевину теологического исследования») происходит «*онтологическое озарение*» (Корбен, 2006: 16) (онтологизация знания), приводящее к рождению существа более высокого порядка. «Герменевтика не состоит в обдумывании концепции, это по существу раскрытие того, что случается в нас» (Гадамер, 1988). Это и есть то «*со-бытие*», рассматриваемое как «достижения общих горизонтов восприятия читателя и автора текста» (Болдонова, 2009: 22). Это Событие является вовсе не «житейским случаем», ограниченным жестко заданными внешними и внутренними границами времени и пространства. Событие – и есть та граница, на которой «внутреннее» и «внешнее» становятся единым, сближая человека и Бытие (Грицанов, 2002). Событие – это некое «*про-исшествие*», повествующее «про» «исшествие» человека из мира раздробленного, расколотого на разные временные отрезки истории, пространства и знания, в Бытие иного порядка, возвращая участника этого События к «*прафеноменам*» Бытия и Времени как идее. «Внешняя

история становится историей внутренней, историей, события которой относятся к миру образов» (Корбен, 2006: 118) (чему способствует чтение рукописей и Священного текста по ранее приведенным «скрытым правилам»). *Событие души* становится путем к пониманию Невыразимого (Корбен, 2006: 111), *та'вīлем*, ведущим к Источнику (к Богу) (Корбен, 2006: 95), преображаясь в *событие духа* (Корбен, 2006: 107). Как пишет А. Корбен: «Событие является внутренней визионерской перцепцей на уровне теофании» (Корбен, 2006: 166), позволяя познавать Учение (в нашем случае Священный текст), преображая его в свою внутреннюю реальность (Корбен, 2006: 112), в результате чего сам Текст становится событием души человека, становящегося его со-участником» (Корбен, 2006: 108). В процессе осуществления «*Со-бытия*» у субъекта (в нашем случае теолога-исследователя) внимание смещается с обычного чувственно воспринимаемого «мира объективированных, видимых, внешних вещей к скрытым, к не объективированным, невидимым присутствиям иного порядка, помещенным в "нигде" Имагинации»[10]. Смены «рамок собственного мироздания» приводит к прикосновению с *онто-историей* (по Хайдегеру), *онто-временем*, *онто-пространством* (по Кумарасвами) и *онто-знанием* (по Корбену). «Что было внутренним, скрытым, невидимым, внезапно становится очевидным, лежащим вокруг, явленным. Отношение внутреннего и внешнего перевертывается» (Корбен, 2006: 15), то есть совершается *эпистрофе* (перемена взгляда ума, поворот к источнику) и переживание метанойи (перемена состояния самого ума), что является важнейшим условием познания подлинного бытия (эйдосов)[11]. Причем для теолога «переживание эпистрофе и метанойи является поворотом не просто к видам подлинного бытия, но к тайне бытия трансцендентного» (Фриауф, 2017: 432), что является «возвращением отпадшего, частного, раздробленного бытия к абсолютному, единому первоначалу, и личное обращение человека к Богу» (Антонов, 2004: 159).

4. Мир как Священный текст (Первозданная рукопись)

Благодаря совершению эпистрофе (обращению взгляда ума к Источнику) и переживанию метанойи (перемене состояния ума), следствием чего возможно осуществление Со-бытия («открытия присутствия иного порядка» посредством «внутренней

[10] Анри Корбен указывает на наличие у человека особого духовного органа познания истины, отличающегося как от чистого интеллекта, так и от органов чувств, дающего доступ к сверхчувственному восприятию мира. Философ дает ему название *«Активная имагинация»*, благодаря которой, согласно Корбену, дух способен обрести форму, а вещество утерять вещественность (Корбен, 2006: 13,17).

[11] Полагаем, что в суфийской традиции значения терминов «Эпистрофе» и «Метанойя» с некоторой долей условности можно передать понятиями «Фана», «Бака», и «Кашф», предложенными Абу Са'идом аль-Харразом (890-ум.) – автором мистической доктрины ухода от себя и продолжения в Боге, в которой через данные понятия передаются состояния, являющиеся целью мистических исканий суфия. «Фана» передает особое состояние возвращения сердца суфия к первозданной чистоте и исчезновение его в Аллахе (фана фи-ллях), т. е. *растворение* личности мистика в Боге, что является высшей точкой мистического переживания; «Бака» указывает на *возрождение* и пребывание в Боге, проявляющееся в экстатическом слиянии человеческой сущности с Божественной. Посредством «Фана» и «Бака» возможно осуществление «*Кашф*» – раскрытие завесы неведения, скрывающей истинную сущность бытия. Подобно вспышке молнии мистику открываются самые сокровенные тайны бытия, и искатель больше не нуждается в опосредованных способах приобретения знания, потому что получает прямой доступ к источнику Божественного откровения. Согласно аль-Газали, «кашф лежит в основе "уверенного знания" (йакин), которое противопоставляется знанию, получаемому путем рационального изучения Священных текстов и следования предшествующим авторитетам (таклид). Это знание является плодам интуитивного и безошибочного восприятия истины в обход длительных размышлений над Священными текстами или логических рассуждений. Кашф, являясь высшим способом познания, позволяет мистику постигнуть тайны бытия, "зашифрованные" в текстах Писания и в явлениях окружающего мира» (Кныш, 2004: 359–364).

визионерской перцепции»[12]), человек обретает возможность взглянуть на мир под иным углом, обнаруживая, что он и является «Первозданной Рукописью», что «сам мир и есть Книга» (Кангиева, 2018: 81), наполненная скрытыми знаками и символами, «расшифровать которые возможно благодаря ключам, содержащимся в Священном Писании» (Корбен, 2006: 186). Как пишет А. Корбен: «Герменевтика бытия и герменевтика священного Писания совпадают» (Корбен, 2006: 186), т. е., углубляясь в смысл Священного текста, человек познает мир, а значит, и самого себя как его часть. Более того, человек сам является автором некоего фрагмента этой великой книги – в которую он вписывает книгу своих деяний. Причем, как отмечает А.М. Кангиева, «человек в коммуникативном пространстве Книги предстает одновременно “буквой”, являясь ее минимальной, но немаловажной частью, и “читающим”, обладающим сознанием, способным до некоторой степени извлекать зашифрованные смыслы Книги» (Кангиева, 2017: 25, 26).

Подобный подход соотносится с основными идеями *текстуального интернационализма,* представляющего собой особый тип мировоззрения, согласно которому мир овеществляется через тексты посредством рождения «*текстуального мира*», в котором «каждый человек является одновременно автором, читателем и персонажем удивительной Книги Бытия, в которой каждое произнесенное слово является молитвой» (Соловьев, 2001), призванной, по мнению доктора богословия М. Годава, «привести к состоянию метанойи, перемене ума и улучшению собственной души, обновляя ее и приобщая к божественному свету» (Годава, Маслова, 2018: 215). Потому раннехристианский богослов Киприан Карфагенский и призывает человека «тщательнее заниматься молитвою и чтением», благодаря чему «будешь то сам с Богом беседовать, то Бог с тобою» (Елисеев, 2021: 23). Осознавая себя со-участником (со-творцом) этого Текста-мира, читая (познавая) Его и себя, чувствуя ответственность за вписывание своей строки в единую книгу Бытия, за каждое свое действие, заносимое в личную «книгу деяний», являющуюся фрагментом Единого текста Первозданной рукописи, жизнь человека становится молитвой, открывающий Священную книгу миру. Однако, как отмечает А.М. Кангиева: «Как бы ни была прекрасна Книга, если нет того, кто может ее прочесть и расшифровать, донести смысл и установить связь с ее Автором, кто стремится прикоснуться к тайне Его речи, – то в изучении книги никто не сможет проникнуть глубже ее внешней формы» (Кангиева, 2020: 59).

Не в этом ли заключается смысл теологии как науки? Не это ли является задачей теолога-исследователя?

Заключение

Таким образом, в представленной работе рассматривается ядро теологического исследования – Священный текст в качестве Речи Всевышнего, обращенной непосредственно к теологу, готовому к диалогу с живым Словом и способному к размышлению над глубинами его смысла. Правила, поддающиеся рациональному осмыслению, предполагают возможность их применения на уровне ума (читая Коран, важно помнить о величии Речи Аллаха; осознание невозможности понять ее до конца, но, несмотря на это, важности размышления над ней, так как, по милости Аллаха, человек наделен разумом; во время чтения и размышления не отвлекаться на посторонние мысли, стремясь сосредоточить внимание на сердце). Правила, носящие иррациональный (сверхрациональный) характер, которые хоть и имеют возможность быть изу-

[12] Актуализация «активной имагинации», именуемой также «духовным зерцалом», способствует переживанию исследователем *внутренней визионерской перцепции* – особого духовидческого опыта восприятия мира, находящегося за пределами чувственно-рационального, «в той области, где разум молчит, а познание происходит в образах, предстающих в виде символов» (Княжицкая, 2019: 100)

ченными рациональным путем, тем не менее осознаются и тем более применяются (если применяются) лишь на уровне сердца (разрешить себе осознать, что Речь Аллаха обращена лично к читающему и позволить себе полную эмоциональная погруженность в глубины этой Речи). Соблюдение этих правил, а также преодоление завес, препятствующих пониманию смысла Речи Всевышнего (земные страсти; закостенелость мышления; внимание к букве, а не смыслу), способно привести читающего к наивысшей степени чувствования связи с Богом, к «глубинному общению, живому диалогу с Ним» (Маслова, Годава, 2017: 196), к «герменевтическому диалогу» со Священным текстом.

Идея философской герменевтики Г-Г. Гадамера, заключающаяся в желании читающего текст достичь «общих горизонтов восприятия» с его автором, что в случае чтения Священного текста является недосягаемым, способна привести к переживанию «Со-бытия» – границы, за которой человек предстает перед живым Бытием. «Со-бытие», происходящее на уровне души (духа), смещает рамки мировосприятия, приводя к переживанию человеком *онто-истории*, *онто-времени*, *онто-пространства* и *онто-знания,* то есть совершается *эпистрофе* и переживание *метанойи*, что является важнейшим условием познания подлинного бытия – «бытия трансцендентного» (Фриауф, 2017: 432). Каждый ли теолог-исследователь готов двигаться в сторону этой границы, к осуществлению События, к совершению эпистрофе и переживанию метанойи? Каждый ли теолог готов к *Та'вилю души,* заключающемуся в возвращении к своему собственному истоку? Каждый ли готов осознать, что лишь это Событие способно привести к *Та'вилю текста*, как особой форме духовной герменевтики, направленной на духовное (внутреннее) толкование внешних феноменов. Собственно, Та'виль души и предполагает смену «миро-ориентации», «умоперемену» (метанойю), открывающую возможность более тонкой способности слышания (восприятия) Священного текста.

Расширение поля теологического исследования возможно за счет представления Мира в качестве Священного текста (Первозданной рукописи). Так, мысль «мир есть Книга» позволяет несколько иначе взглянуть на *«ядро методологии теологии»,* значительно обогащая сферу научной деятельности теолога. Знаменитая формула «Бог есть умопостигаемая сфера, центр коей находится везде, а окружность нигде» является тому прекрасным подтверждением. В данном контексте ядром теологического метода становится не только Священный текст, но и весь мир, в который Всевышний вписывает свое творение. Более того, человек, являясь частью этого творения, в некотором роде является его *сотворцом*, вписывая в него фрагменты своих деяний. На наш взгляд, задачей теолога является Та'виль текста, возможный благодаря Та'вилю души посредством становления «человеком внутреннего знания» («человеком смысла»), проходя через «алхимическое преобразование», открывающее горизонты надрационального, «ступая на путь обретения предельных смыслов и предельного счастья, путь, ведущий к Встрече с Ты» (Кангиева, 2020: 63).

Литература

Абдулькадир Гейляни. 2-й Маджлис (произнесен в медресе 5 дня месяца Шавваль 545 г. по хиджре – 1150 г.) // Минбар. 2010. № 1 (5). С. 47-51.

Ал-Газали, Абу Хамид. Возрождение религиозных наук. Т. 3. Махачкала: Нуруль Иршад, 2011. 288 с.

Ал-Газали, Абу Хамид. Ниша света. «Наставление правителям» и другие сочинения. М.: Наука, 2004. 320 с.

Андреев, А. Рецензия. Тисельтон Э. Герменевтика / О. Розенберг, пер. Черкассы: Коллоквиум, 2011. 430 с. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2012. № 41 (3). С. 135-138.

Аникин, С.А. Роль дивинаторного метода в герменевтике Ф. Шлейермахера // Философская мысль. 2020. № 7. С. 10-21.

Антонов, К.М. Концепт религиозного обращения в философии Вл. Соловьева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2004. № 2. С. 159-189.

Бамфорд, К. Эзотеризм сегодня: пример Анри Корбена (пер. с англ. Али Тургиева и Ц.-Б. Бадмажапова) // Корбен А. Свет Славы и Святой Грааль / Пер. с франц., англ. И фарси. М.: Волшебная Гора, 2006. С. 7-52.

Болдонова, И.С. О Диалоговости герменевтики Г.-Г. Гадамера. Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2009. № 6. С. 21-25.

Борхес, Х.Л. Новые расследования. Сфера Паскаля / Пер. Кулагина-Ярцева В., Лысенко Е., Дубин Б. М.: АСТ, 2015. 320 с.

Ванхузер, К.Дж. Искусство понимания текста. Литературоведческая этика и толкование Писания / Пер. с англ. Черкассы: Коллоквиум, 2007. 736 с.

Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Генон, Р. Кризис современного мира / [пер. Н. Мелентьевой и др. М.: Эксмо, 2008. 784 с.

Годава, М., Маслова, А.В. Мистические традиции в духовной культуре Запада и Востока (обзор «круглого стола») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 5 (795). С. 215-224.

Грицанов, А.А. Событие. Со-бытие, Со-бытийность // История философии: Энциклопедия / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. М.: Интерпрессервис; Книжный Дом; 2002. 1376 с.

Елисеев, С.А. (Диакон Святослав) Внутренний органон: экспозиция, квалификация и верификация духовного опыта в православной традиции // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2021. № 1 (10). С. 22-32.

Емельянов, А., прот. Введение в Четвероевангелие: учеб. пособие. 2-ое изд., испр. и доп. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 254 с.

Кангиева, А.М. Суфийская коммуникативистика как «Алхимия души» (на примере источников Крымского ханства) // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2020. № 9. С. 54-64.

Кангиева, А.М. «Смерть книги» на закате эпохи Гуттенберга // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2018. № 6. С. 76-84.

Кангиева, А.М. Коммуникативная природа суфийской прозы // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. 2017. № 3-4. С. 22-31.

Кангиева, А.М. Теория смысла в суфийской коммуникативистике // Философия и культура. 2019. № 12. С. 1-10.

Кныш, А.Д. Мусульманский мистицизм. Краткая история / Пер. с англ. М.Г. Романов. СПб, Издательство «Диля». 2004. 464 с.

Княжицкая, Т.В. Визионерское искусство – символизм конца XX –начала XXI века // Academy. 2019. № 6 (45). С. 99-109.

Корбен, А. Свет Славы и Святой Грааль / Пер. с франц., англ. и фарси. М.: Волшебная Гора, 2006. 224 с.

Крачковский, И.Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. М.: Изд-во «Наука». 1965. 230 с.

Кумарасвами, А.К. Восток и Запад. Религия, мифология, символика, искусство; [пер. с англ.: М.В. Макович]. М.: Беловодье, 2018. 184 с.

Кумарасвами, А.К. Время и вечность / Пер. с англ. и предисл. А.А. Артамонова. СПб.: Русский Міръ, 2017. 218 с.

Лоренган, Б. Метод в теологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 400 с.

Маслова, А.В., Годава Марчин. Диалог как ценность культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (768). С. 190-199.

Мухетдинов, Д. В. Принципы суфийской герменевтики ал-Газали // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 3 С. 53-64.

Осборн, Г.Р. Герменевтическая спираль. Общее введение в библейское толкование / Пер. с англ. Одесса: Евро-Азиатская Аккредитационная Ассоциация, 2009. 728 с.

Петрушко, И.А. Принцип герменевтического круга в библейской герменевтике // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 3 (5). С. 327-328.

Резван, Е.А. Введение в коранистику. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 408 с.

Рикёр, П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера, Пер. с фр.; послесл., примеч. И.С. Вдована. М.: Искусство. 1969. 270 с.

Смирнов, А.В. Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби). М.: Наука; Изд. фирма «Восточная литература»; 1993. 328 с.

Соловьев, С.В. Текстуальный интернационализм как мировоззрение. 2001 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.litmir.me/br/?b=41218 (дата обращения: 12.02.2022).

Та'виль // Энциклопедия фикха / Министерство по делам вакуфов и вопросам ислама., 2-е изд. В 45 т. Кувейт, 1983. Т. 10. С. 43-49.

Тисельтон, Э. Герменевтика / Пер. с англ. Черкассы: Коллоевиум, 2011. 430 с.

Фриауф, В.А. Абсолютная и относительная мифология А.Ф. Лосева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 430-433.

Хайдеггер, М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с. [Электронный ресурс] URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-a.htm (дата обращения: 02.07.2022).

Хайрутдинов, А.Г. Проблема не в исламе, проблема в вас самих / научно-популярная газета Умма, 2010 г. [Электронный ресурс] URL: http://e-umma.ru/node/309 (дата обращения: 03.04.2022).

Шехтман, Н.А. Понимание речевого произведения и гипертекст. М.: Высшая школа, 2009. 159 с.

References

Abdul'kadir, Gejljani (2010), "2nd Majlis (pronounced in the madrasah on the 5th day of the month of Shawwal 545 AH - 1150)", *Minbar*, 1(5), 47-51.

Abu Hamid al-Gazali (2011), *Vozrozhdenie religioznyh nauk* [Revival of religious sciences], 3, Nurul Irshad, Mahachkala, Russia (in Russ.).

Abu Hamid al-Gazali (2004), *Nisha sveta. "Nastavlenie pravitelyam" i drugie sochineniya* [Niche of the world. "Instruction to rulers" and other writings], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Andreev, A. (2012), *Retsenziya. Tisel'ton E. Germenevtika* / O. Rozenberg, per. Cherkassy: Kollokvium, 2011 [Review. Tiselton E. Hermeneutics / O. Rosenberg, transl. by Cherkasy: Colloquium, 2011], *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 1: Theology. Philosophy. Religious studies.* 41 (3), 135-138 (in Russ.).

Anikin, S. A. (2004), "The role of the divinatory method in the hermeneutics of F. Schleiermacher", *Philosophical Thought*, 7, 10-21 (in Russ.).

Antonov, K. M. (2004), "The concept of religious conversion in the philosophy of Vl. Solovyov", *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church*, 2, 159-189 (in Russ.).

Bamford, K. (2006), "Esotericism today: the example of Henri Corbin", Korben, A. *Svet Slavy i Svyatoy Graal'* [Light of Glory and the Holy Grail], Volshebnaja Gora, Moscow, Russia (in Russ.), 7-52

Boldonova, I. S. (2009), "On the Dialogicity of G.-G. Gadamer's Hermeneutics", *Bulletin of the Buryat State University. Philosophy*, 6, 21-25 (in Russ.).

Borges, J. L. (2015), *Novye rassledovaniya. Sfera Paskalya* [New investigations. Pascal's sphere], Transl. by Kulagina-Jartseva, V., Lysenko, E., Dubin, B., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Eliseev, S. A. (Deacon Svyatoslav) (2021), "Internal Organon: Exposition, Qualification and Verification of Spiritual Experience in the Orthodox Tradition", *Vestnik Omskoy Pravoslavnoy dukhovnoy seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary], 1 (10), 22-32 (in Russ.).

Emelianov, A., Archpriest (2010), *Vvedenie v Chetveroevangelie: uchebnoe posobie* [Introduction to the Four Gospels: textbook. Allowance], 2nd ed., rev. and additional, Publishing House of PSTGU, Moscow, Russia (in Russ.).

Friauf, V. A. (2017), "Absolute and relative mythology A.F. Losev" *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 17, 4, 430-433 (in Russ.).

Gadamer, H.-G. (1988), *Istina i metod* [Truth and method], in B.N. Bessonova (ed.), Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Godava, M., Maslova, A.V. (2018), "Mystical traditions in the spiritual culture of the West and East (a review of the "round table")", *Vestnik MGLU. Humanitarian sciences*, 5 (795), 215-224 (in Russ.).

Gritsanov, A. A. (2002), "Event. Co-existence, Co-existence", *Istoriya filosofii: Entsiklopediya* [History of Philosophy: Entsyclopedia], in

A.A. Gritsanov (ed.), Interpresservis; Knizhniy Dom, Moscow, Russia (in Russ.).

Guenon, R. (2008), *Krizis sovremennogo mira* [The crisis of the modern world], Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Hajrutdinov, A. G. (2010), "The problem is not in Islam, the problem is in yourself", *Popular science newspaper Umma*. [Online], available at: http://e-umma.ru/node/309 (Accessed 3 April 2022) (in Russ.).

Heidegger, M. (2003), *Bytie i vremya* [Being and Time], Transl. by Bibikhina, V.V., "Folio", Kharkov [Online], available at: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-a.htm (Accessed 02 July 2022) (in Russ.).

Kangieva, A. M. (2017), "Communicative nature of Sufi prose", *Uchenye zapiski of the Crimean Engineering and Pedagogical University. Series: Philology. Story*, 3-4, 22-31 (in Russ.).

Kangieva, A. M. (2020), "Sufi communication studies as "Alchemy of the soul" (on the example of the sources of the Crimean Khanate)", *Voprosy krymskotatarskoy filologii, istorii i kul'tury* [Questions of the Crimean Tatar Philology, History and Culture], 9, 54-64 (in Russ.).

Kangieva, A. M. (2018), "The Death of a Book" at the end of the Gutenberg era", *Voprosy krymskotatarskoy filologii, istorii i kul'tury* [Questions of the Crimean Tatar Philology, History and Culture], 6, 76-84 (in Russ.).

Kangieva, A. M. (2019), "Theory of meaning in Sufi communication studies", *Philosophy and Culture*, 12, 1-10 (in Russ.).

Knyazhitskaya, T. V. (2019), "Visionary art – symbolism of the late 20th-early 21st century", *Academy*, 6 (45), 99-109 (in Russ.).

Knysh, A.D. (2004), *Musul'manskiy mistitsizm. Kratkaya istoriya* [Muslim mysticism. Short story], Transl. by M.G. Romanov, Dilya Publishing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Korben, A. (2006), *Svet Slavy i Svjatoy Graal'* [Light of Glory and the Holy Grail], transl. from French, English and Farsi, Volshebnaya Gora, Moscow, Russia (in Russ.).

Krachkovsky, I. Yu. (1965), *Nad arabskimi rukopisyami. Listki vospominaniy o knigah i lyudyah* [Over Arabic manuscripts. Leaflets of memories about books and people.], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Kumarasvami, A. K. (2018), *Vostok i Zapad. Religiya, mifologiya, simvolika, iskusstvo* [East and West. Religion, mythology, symbolism, art], transl. from English in M.V. Makovich], Belovodie, Moscow, Russia (in Russ.).

Kumarasvami, A. K. (2017), *Vremya i vechnost'* [Time and eternity], Transl. by Artamonova, A.A. St. Russkiy Mir, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Lorengan, B. (2010), *Metod v teologii* [Method in Theology] Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, Russia (in Russ.).

Maslova, A. V., Godava, Marchin (2017), "Dialogue as a value of culture", *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences*, 1 (768), 190-199 (in Russ.).

Mukhetdinov, D. V. (2016), "Principles of Sufi hermeneutics of al-Ghazali", *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world], 12 (3), 53-64 (in Russ.).

Osborn, G. R. (2009), *Germenevticheskaya spiral': obshhee vvedenie v bibleyskoe tolkovanie* [The Hermeneutic Spiral: A General Introduction to Biblical Interpretation], Euro-Asian Accreditation Association, Odessa, Ukraine (in Russ.).

Petrushko, I. A. (2015), "The principle of the hermeneutic circle in biblical hermeneutics", *Current trends of scientific research: from theory to practice*, 3 (5), 327-328 (in Russ.).

Rezvan, E. A. (2014), *Vvedenie v koranistiku* [Introduction to Koranism]. Kazan University Publishing House, Kazan, Russia (in Russ.).

Ricoeur, P. (1969), *Germenevtika i psikhoanaliz. Religiya i vera* [Hermeneutics and psychoanalysis. Religion and Faith], Iskusstvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Shekhtman, N. A. (2009), *Ponimanie rechevogo proizvedeniya i gipertekst* [Understanding speech work and hypertext], Vysshaya Shkola, Moscow, Russia, (in Russ.).

Smirnov, A. V. (1993), *Velikiy sheyh sufizma (opyt paradigmal'nogo analiza filosofii Ibn Arabi)* [The Great Sheikh of Sufism (Experience of Paradigm Analysis of the Philosophy of Ibn Arabi)], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Soloviev, S. V. (2001), *Tekstual'nyy internatsionalizm kak mirovozzrenie* [Textual Internationalism as a Worldview]. [Online], available at: https://www.litmir.me/br/?b=41218 (Accessed 12 February 2022) (in Russ.).

Ta'vil' (1983), [Ta'wil], in: Encyclopedia of Fiqh, 2nd ed. In 45 vols. Kuwait, 10, 43-49 (in Russ.).

Tiselton, A. (2011), *Germenevtika* [Hermeneutics], Colloevium, Cherkasy, Russia (in Russ.).

Vanhoozer, K. J. (2007), *Iskusstvo ponimaniya teksta. Literaturovedcheskaya etika i tolkovanie Pisaniya* [The art of understanding the text. Literary ethics and interpretation of Scripture], Colloquium, Cherkasy, Ukraine (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Седанкина Татьяна Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой систематической теологии, Российский исламский институт, ул. Газовая, д. 19, г. Казань, 420079, Российская Федерация; *tatiana-svetlaya@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana E. Sedankina, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Systematic Theology, Russian Islamic Institute, 19 Gazovaya St., Kazan, 420079, Russian Federation; *tatiana-svetlaya@mail.ru*

УДК 880(09) **DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-6**

Чжу Цзяньган[1], Лу Яо[2]

«Война и мир» Л. Н. Толстого: истолкования Н. Н. Страхова, актуальные контексты

[1] Сучжоуский Университет, ул. Шизы, д. 1. г. Сучжоу, 215006, провинция Цзянсу, КНР; *pipimao@mail.ru*
[2] Сучжоуский Университет, ул. Шизы, д. 1. г. Сучжоу, 215006, провинция Цзянсу, КНР; *emailluyao@126.com*

Аннотация. В статье представлены анализ и оценка толкования романа Л.Н. Толстого «Война и мир» Н.Н. Страховым. Основываясь на двух основополагающих органических понятиях – «жизни» и «почвы», – критик показывает, что «Война и мир» воплощает национальный характер России. Понимание Страховым «Войны и мира» также является одной из его попыток противостоять нигилизму в общественном сознании россиян XIX века и способствовать развитию и широкому народному принятию русской национальной культуры в ее лучших, вершинных образцах.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов; Л.Н. Толстой; «Война и мир»; национальная культура

Для цитирования: Чжу Цзяньган, Лу Яо. «Война и мир» в толковании Н. Н. Страхова // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 77-90. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-6

Zhu Jiangang[1], Lu Yao[2]

“War and Peace” in the interpretation of N. N. Strakhov: current contexts

[1]Soochow University, 1 Shizi St., Suzhou city, Jiangsu province, 215006, Jiangsu province, China; *pipimao@mail.ru*
[2]Soochow University, 1 Shizi St., Suzhou city, Jiangsu province, 215006, Jiangsu province, China; *emailluyao@126.com*

Abstract: The article presents an analysis and evaluation of N. N. Strakhov's interpretation of Tolstoy's novel “War and Peace”. Based on two fundamental organic notions – “life” and “soil” – the critic shows that “War and Peace” embodies the national character of Russia. Strakhov's understanding of “War and Peace” is also one of his attempts to counter nihilism in the public consciousness of nineteenth-century Russians and to promote the development and broad popular acceptance of Russian national culture in its best, pinnacle examples.

Keywords: Strakhov; Tolstoy; “War and Peace”; national culture

For citation: Zhu Jiangang, Lu Yao (2022), "War and Peace" in the interpretation of N. N. Strakhov: actual contexts", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 77-90 DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-6

В предисловии к полному собранию переписки Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова, опубликованному в 2003 году, канадский ученый А. Донсков, известный своими исследованиями творчества Толстого, писал: «Удивительно, что до сих пор было так мало академических исследований жизни и творчества Страхова, особенно когда речь идет о его важной роли в литературной связи с Достоевским и Толстым» ("It is surprising, in the view of the above, that so little critical study has been carried out to date on Strakhov's life and works, particularly of the pivotal role he played in his literary association with both Dostoevsky and Tolstoy") (Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов…, 2003: XV).

Действительно, Страхов являлся близким другом писателя и известен как «один из редких людей, глубоко понимавших Толстого» (Толстая, 2016: 271), который, в свою очередь, нашел в критике «чуткого, умного ценителя своего творчества» (Толстая, 2016: 291). Собрание его переписки с писателем было издано Ассоциацией толстовских музеев еще в 1914 году и является незаменимым материалом для исследований жизни и творчества Толстого. С другой стороны, самый выдающийся вклад Страхова как известного литературного критика XIX века заключается в его интерпретации средних и поздних произведений Толстого. Советский и российский литературовед Н.Н. Скатов отмечал: «Честь открытия и утверждения в критике этого Толстого во многом действительно остается за ним» (Страхов, 2000: 34). Репутация критика была подтверждена даже самим Толстым. В апреле 1877 года он писал Страхову: «Боюсь и не люблю критики и еще больше похвал, но не ваших. Они приводят меня в восторг и поддерживают силы к работе» (Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов…, 2003: 331). Толстой даже пересмотрел «Войну и мир», основываясь на мнениях Страхова.

По воспоминаниям Страхова, они впервые познакомились благодаря литературной деятельности. Толстой был чрезвычайно доволен рецензией Страхова на «Войну и мир», написанной между 1866 и 1869 годами. Страхов в это время был ведущим публицистом журнала «Заря», и он также надеялся, что Толстой станет его корреспондентом и автором журнала. С июня–июля 1871 года, когда Страхов впервые посетил Толстого в Ясной Поляне, и до смерти Страхова в начале 1896 года продолжалась их дружба. Взаимное восхищение двух писателей литературными достижениями каждого составляет основу их дружбы, оставившей яркий след в истории русской литературы и являющейся существенной частью биографии Толстого.

В настоящее время оценка Толстого как эпического поэта и поэта-психолога общепринята[1], а Н.Г. Чернышевский признан первым критиком, сделавшим такую оценку. Страхов, по сути, отходит от этого ограничения, подчеркивая, что одна из существенных черт творчества Толстого заключается «в необыкновенно тонком и верном изображении душевных движений». Кроме того, Страхов также поднял вопрос: «Что ищет поэт?» и сам же ответил: «Ответ один: художник ищет следов красоты души человеческой – ищет в каждом изображаемом лице той искры Божией… словом, старается найти и определить со всею точностью, каким образом и в какой мере идеальные стремления человека осуществляются в действительной жизни» (Страхов, 1901: 195, 196). «Искра Божия», «идеальные

[1] Русский критик Овсянико-Куликовский однажды сказал, что Толстой был одновременно Гомером и Шекспиром. Современный советский литературовед М. Храпченко также говорит: «Эпика и психологизм – это разные стороны толстовского отражения жизни, разные и в то же время тесно связанные между собою» (см.: Храпченко, 1980: 424).

стремления человека» – все эти концепты, ориентированные на человека и смысл человеческой жизни, являются отправной точкой для обсуждения Страховым Толстого. С их помощью Страхов вошел в творческий мир Толстого.

По мнению критиков, мощная творческая сила Толстого исходила из «веры в жизнь» и «любви к народу». Именно в «жизни» и «народе» писатель имел фундаментальную творческую основу. В первой статье о Толстом «Сочинения гр. Л.Н. Толстого» (1866 г.) критик впервые представил повесть Тургенева «Довольно» (1865 г.) и очерки Писемского «Русские лгуны» (1865 г.). По мнению Страхова, повесть «Довольно» отражала глубокий упадок и даже нигилизм Тургенева, а «Русские лгуны» свидетельствовали о мизантропии Писемского. Страхов считал, что, по сравнению с первыми двумя, «только у гр. Толстого задача, которая нас занимает, поставлена прямо, то есть прямо рисуются люди, у которых идеал оскудел, которые ищут прекрасного образа мыслей и чувств, и страдают среди этого искания» (Страхов, 1901: 151). Другими словами, в то время, когда так много писателей разоблачали отрицательную сторону общества и даже отчаивались в обществе, герои произведений Толстого пытались найти смысл жизни, который достоин утверждения в первую очередь. «Что же делают герои графа Толстого? Они буквально бродят по свету, нося в себе свой идеал, и *ищут идеальной стороны жизни*» (Страхов, 1901: 168). Понятие «жизнь» означает здесь жизнедеятельность. Это понятие используется Страховым для противопоставления термину «теория», который символизирует нигилизм как жизнеотрицание. Понятие «жизнь» будет всплывать снова и снова в следующих статьях[2].

Вторая и третья статьи критика – «Война и мир. Сочинение графа Л.Н. Толстого. Томы I, II, III, IV». Он полагал, что основная тема сочинения по-прежнему о жизни, особенно о жизни русских. Стоит отметить, что, хотя действие романа разворачивается на фоне войны 1812 года, Страхов не рассматривал это произведение как исторический роман или так называемый «разоблачительный роман» натуральной школы, как это делали многие его современники. Конечно, это связано с его абстрактным взглядом на проблему, но действительно отражает уникальное видение критика. Согласно пониманию Страхова, война 1812 года была выбрана в качестве исторической основы романа только потому, что это время было наиболее очевидным периодом взрыва жизненных сил русского народа. Это сознание жизни русских стало объектом описания писателя. В романе оно выражается как «чисто-русский героизм, чистое русское героическое во всех возможных сферах жизни, – вот, что дал нам гр. Л.Н. Толстой, вот главный предмет “Войны и мира”» (Страхов, 1901: 282). Русское чувство жизни особенно проявляется в трех аспектах: «простота, добро и правда». Значение романа заключается также в том, что «простота, добро и правда победили в 1812 году силу, не соблюдавшую простоты, исполненную зла и фальши» (Страхов, 1901: 281). По мнению Страхова, «весь русский душевный строй *проще, скромнее*, представляет ту гармонию, то равновесие сил, которые одни согласны с истинным величием» (Страхов, 1901: 282). Напротив, в Западной Европе во второй половине XIX века этой «гармонии» и «равновесия» уже не было. Хотя взгляды Страхова основаны на национальных чувствах, его замечания о западноевропейской культуре вполне оправданны. Взгляд Стра-

[2] Подчеркивание Страховым «жизни» стало, по сути, отправной точкой для последующих исследований Толстого. М. Храпченко говорит: «Огромным творческим завоеванием Толстого явилось также единство эпического повествования и изображения психологии человека» (см.: Храпченко, 1976: 119). В данной статье мы будем переводить его как “бытовая жизнь” или “жизнедеятельность”, как того требует контекст.

хова восходит к критике Герценом гражданского общества в Западной Европе и восхвалению славянофилами русской общины, а также может быть связан с будущими констатациями Ницше и Шпенглером вырождения европейской цивилизации. Вскоре после этого Ницше прокричал: «Бог мертв» и «Вернись к духу Бахуса», что подтвердило точку зрения Страхова. За что умер Бог? Почему Запад пал? Разве не чрезмерное развитие научного разума нарушило первоначальную гармонию и равновесие?

Однако, по мнению критика, недостаточно проводить понятие «жизнь» и указать на его значение. Необходимо также найти конкретные воплощения, образы в литературных произведениях, например, как Базаров в «Отцах и детях» стал синонимом нигилистов. Настоящим представителем жизненной силы русского народа в «Войне и мире» для критика становится Платон Каратаев. Страхов отмечал: «Немногие страницы, где является солдат Каратаев, имеющий столь важный смысл во внутренней связи целого рассказа, едва ли не заслоняют собою всю ту литературу, которая была у нас посвящена изображениям быта и внутренней жизнь простого народа» (Страхов, 1901: 270). В самом романе не так много информации о Каратаеве, но эти страницы имеют большое значение. Он был одной из причин идеологической перемены Пьера Безухова. «Платон Каратаев остался навсегда в душе Пьера самым сильным и дорогим воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго и круглого». Именно под влиянием Каратаева Пьер «чувствовал, что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, воздвигался в его душе» (Толстой, 1996: 271). Очарование Каратаева как представителя народных масс заключается в том, что у него не так много теорий, чтобы выразить недовольство или даже отрицание реальности. Он полон благодарности за жизнь[3]. Жизнь Каратаева проста и полноценна потому, что она основана на любви к жизни. Соответственно, даже если некоторые герои полны благородных теорий и готовы пожертвовать собой в жизни, они не считаются «истинными людьми» в глазах писателя, потому что они отделены от реальной жизни. Как Соня, двоюродная сестра Ростовых. Чтобы содействовать браку Ростова с Марией, Соня добровольно отказалась от помолвки. Такой герой рассматривается писателем как «бесплодный цветок» и теряет подлинность.

Однако если рассматривать Толстого только как выразителя на материале войны 1812 года основ жизни русского народа, то не совсем понятно, в чем состоит мировое значение писателя. Значение интерпретации Толстого Страховым заключается в том, что он раскрыл основную концепцию творчества писателя – отражение жизни во всем ее полноводном течении, в том числе и основ именно «русской жизни», без которых существование русского народа немыслимо. История создания произведения показывает, что целью Толстого было не только вспоминать об исторических образах дворянства, но и осмыслить современное русское общество и создать современный пример героев для русского народа. Ромен Роллан отмечал: «Действительно, слава “Войны и мира” заключается в воссоздании целой исторической эпохи, а также в воспоминании о национальной колонизации и национальных войнах» (罗曼·罗兰：《托尔斯泰传》，傅雷译，商务印书馆，1998年，第47页。 / Роллан, 1998: 47). Можно сказать, что книга «Война и мир» была первой попыткой русских найти свою национальную самобытность и обнаружить свои национальные корни. По мнению критика, результат этих усилий –

[3] Бахтин говорит: «Каратаев, это простота». Он также говорит, что простота – это «разоблачение ненужной сложности» (см.: Бахтин, 2000: 244).

«Война и мир» – это «борьба России с Европой» (Страхов, 1901: 296). В романе противостояние нации стало центром борьбы, а именно Отечественной войны 1812 года, особенно Бородинской битвы.

По мнению Страхова, «война была со стороны русских оборонительная и, следовательно, имела святой и народный характер; тогда как со стороны французов она была наступательная, то есть насильственная и несправедливая… Французы явились, как представители космополитической идеи, – способной во имя общих начал прибегать к насилию, к убийству народов; Русские явились представителями идеи народной, – с любовью охраняющей дух и строй самобытной, органически-сложившейся жизни. Вопрос о национальностях был поставлен на Бородинском поле, и Русские решили его здесь в первый раз в пользу национальностей» (Страхов, 1901: 213). Современный западный мир в лице Франции воспринял «дух Фауста» – дух постоянной экспансии и стремления. Хотя он развивал себя, он также принес миру катастрофу. Напротив, русские подчеркивают любовь к жизни и гармоничное сосуществование с миром, основа которого лежит в «духе и строе самобытной, органически-сложившейся жизни». Внешним проявлением данной основы является «русский героизм», то есть «простота, добро и правда». Страхов неоднократно отмечал, что «весь рассказ “Войны и Мира” как будто имеет целью доказать превосходство смирного героизма над героизмом деятельным, который повсюду оказывается не только побежденным, но и смешным, не только бессильным, но и вредным» (Страхов, 1901: 284-285). Глуповатый на вид Кутузов победил несравненного Наполеона, что является самым мощным проявлением русской национальной особенности. На самом деле, именно эта особенность, столь отличная от западного мира, стала одной из причин того, что, по мнению почвенников, таких как Страхов, Россия смогла спасти мир и стать Третьим Римом. Толстовство, поддерживаемое Толстым в его поздние годы, также в значительной степени основывалось на простоте, доброте и терпении русского народа.

Взгляды Страхова в данном вопросе разделял Достоевский, о чем свидетельствует его письмо критику: «Именно то, что Вы говорите, в том месте, где говорите о Бородинской битве, и выражает всю сущность мысли и Толстого и Вашу о Толстом» (Достоевский, 1986: 17). По мнению критика, «Война и мир» не только отражает борьбу между русской и западной мыслью, но и само появление этого произведения означает, что «после долгих уклонений от настоящей дороги, после всяких зараз, которые русская литература выносила в своем теле со всеми их последовательными симптомами, она, наконец, возвращается к своему прежнему здоровью» (Страхов, 1901: 308). Корень здоровья – в жизни, особенно в жизни России. Только создав прямую связь с русской жизнью, можно избежать западного влияния и нигилизма, это заключительный вывод Н.Н. Страхова.

«Война и мир» заключает в себе концентрацию жизненной силы русского народа и являет миру самые характерные национальные черты. Толстой, создавший все это, естественно, стал символом народности русской литературы. В 1884 году французский критик Вогюэ написал о Толстом в газете «Русь»[4]. Отвечая на некоторые тезисы этой работы в аналитической статье, Страхов в конце статьи отметил: «Религия есть, действительно, душа нашего народа, и святой человек – его высший идеал. В этой глубокой народной жизни наша сила и наше спасение. Л.Н. Толстой несомненно один из ее прямых выразителей и представителей, и потому, как бы его

[4] Через два года этот текст вошел в монографию Э.М. Вогюэ «Русский роман» (1886). Эта книга имела хорошую репутацию и способствовала пониманию русской литературы в европейских интеллектуальных кругах.

деятельность не представлялась нам неясною, одностороннею и даже ошибочною, она должна быть для нас в высшей степени важна и поучительна» (Страхов, 1901: 387).

По этому вопросу критик даже поссорился со старым другом Достоевским[5]. В своем письме к Страхову в конце 1868 года Достоевский указывал: «Мне хочется поскорее своего. Вы очень уважаете Льва Толстого, я вижу; я согласен, что тут есть и *свое;* да мало. А впрочем, он, *из всех нас,* по моему мнению, успел сказать наиболее своего и потому стоит, чтоб поговорить о нем» (Достоевский, 1985: 334). Писатель указывает на два пункта: во-первых, что Толстой оригинален; во-вторых, что оригинальность Толстого еще не очевидна. Это явно означает, что выступление Страхова в поддержку Толстого как выразителя народности русской литературы не вызвало полного согласия Достоевского.

Точка зрения Достоевского оставалась неизменной на протяжении всей его жизни: в частности, когда Страхов позже сравнил Толстого с Вольтером, Пушкиным и другими мастерами, Достоевский не мог принять эту точку зрения: «Две строчки о Толстом, с которыми я не соглашаюсь вполне, это – когда Вы говорите, что Л. Толстой равен всему, что есть в нашей литературе великого. Это решительно невозможно сказать!» (Достоевский, 1986: 114). Связана ли разница в их оценках Толстого с антагонизмом между писателями – это, конечно, другой вопрос, который стоит изучить[6]. Русский ученый Н. Мальчевский считает, что Страхов нашел своеобразный путь рационалистической философии между революционностью Белинского, Чернышевского и Добролюбова и религиозностью рубежа XIX и XX веков. Для него Страхов был «одним из первых представителей самостоятельной русской философии» (Мальчевский, 1992: 34). Мы считаем, что в литературе этот уникальный путь рационализма наиболее полно проявляется в обсуждении Толстого. Страхов в первую очередь раскрывал сознание жизни в творчестве писателя, затем утверждал это сознание как основу русского народа, и в конечном итоге определял Толстого как выразителя основы народа. Так Страхов развивал свою мысль о Толстом и искал русскую национальную самобытность.

Линда Герштейн, автор биографии Страхова, отмечала: «Его тема как писателя заключается в том, что Россия должна быть спасена от господства западной культуры, чтобы раскрыть свое собственное своеобразие» (“His major theme as a writer was that Russia must emancipate herself from the cultural domination of the West in order to discover her own personality”) (Linda Gerstein, 1971: 102). Это ярко отражено в изданной посмертно работе критика «Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки»[7]. На наш взгляд, эта тема делится на два этапа: первый – «оторваться»: оторваться от влияния западной мысли; другой – «установить»: установить

[5] Поскольку переписка Страхова с Достоевским до сих пор не была собрана зарубежной научной общественностью, мы можем только догадываться о комментариях Страхова, основываясь на ответах Достоевского в его письмах.

[6] Большинство советских и российских ученых, в частности А.С. Долинин и В.Я. Кирпотин, подчеркивали негативную роль Страхова в отношениях между Достоевским и Толстым, утверждая, что он намеренно не позволил им встретиться, особенно, что Страхов оклеветал Достоевского в письме Толстому после смерти первого. По этому вопросу китайские ученые придерживаются схожей позиции. Например, Ли Минбинь, профессор Пекинского университета, «Публичное дело в русском литературном мире: Несправедливость, стоящая за Достоевским, наконец раскрыта» в «Русско-советской литературе» (1986, № 2). Однако мы считаем, что отказ Толстого встретиться с Достоевским в большей степени связан с разными путями двух писателей.

[7] Этот трехтомный сборник, опубликованный между 1882 и 1895 годами, содержит в основном литературные и культурологические сочинения Страхова, начиная с 1870-х годов. Фотокопия была опубликована издательством Mouton в 1969 году, а в 2010 году Институт Русской Цивилизации опубликовал еще одну антологию с одноименным названием, но со значительными изменениями в содержании.

особенности самой русской культуры. Переход от антинигилизма к почвенничеству, по сути, является конкретным выражением именно этой темы. В конце 1850-х годов Страхов, который печатался в журнале «Светоч», познакомился с Достоевским, вернувшимся из сибирской ссылки. При его поддержке Страхов начал активно участвовать в литературной критике и стал одним из известных теоретиков почвенничества[8]. Начиная с этого периода, Страхов вместе с Аполлоном Григорьевым, братьями Достоевскими и другими соратниками участвовал в ряде дискуссий в русской интеллектуальной среде 1860-х годов, выступая антитезой нигилистической тенденции. Объективно говоря, Страхов не отрицал полностью нигилизм. Однако, по его мнению, ценностное отрицание в итоге должно быть привязано к какой-то более позитивной ценности, иначе легко попасть в странный круг отрицания. Сам он описывал свою позицию так: «Отрицание, сомнение, пытливость – это лишь первый шаг, думал я, это – неизбежное условие свободной работы мысли. А затем второй шаг будет уже – выход из отрицания, положительная мысль, подъем на более высокую степень понимания» (Страхов, 1901: IX). Если нигилизм был лишь одним из недостаточно развитых направлений русской культурной мысли 1860-х годов, антинигилизм должен был прийти к более конструктивным идеям, чтобы заменить его в конце концов. С этой целью Страхов предложил создать самобытную русскую культуру на основе русской национальной культуры, опираясь одновременно на западноевропейские достижения. Эта мысль полностью выражается в его известной политической публикации «Роковой вопрос».

В 1863 году, когда в Польше разгорелась борьба за независимость, большинство русских деятелей культуры были патриотами и порицали Польшу. В отличие от тех, кто занимал альтернативную позицию, Страхов предпочитал анализировать польское восстание с точки зрения культуры. В апрельском номере газеты «Время» он опубликовал статью «Роковой вопрос» за подписью «Русский». Отталкиваясь от текущего польского вопроса, в статье утверждается, что споры между двумя народами остаются только на поверхности, а суть проблемы кроется в культуре. «Поляки возбуждены против нас так же, как народ образованный против народа менее образованного, или даже вовсе необразованного. <…> Польша от начала шла наравне с остальной Европой. Вместе с другими западными народами она приняла католичество; одинаково с другими развивалась в своей духовной жизни. В науках, в искусствах, в литературе, вообще во всех проявлениях цивилизации, она постоянно братались и соперничала с другими членами европейской семьи и никогда не была в ней членом отсталым или чужим» (Страхов, 1897: 92-93). В данном контексте термин «отсталая, чужая страна» относится к России. Действительно, одним из главных парадоксов России XIX века была политическая и военная сила страны и ее культурная слабость по отношению к европейцам. Россия силой завоевала Польшу и даже стала «жандармом Европы». Но на культурном уровне Россия даже в большей степени копировала Запад и была менее оригиналь-

[8] Известный философ Владимир Соловьев назвал Страхова «не только *западником*, но еще западником *крайним и односторонним*» (см.: Соловьев, 1914: 143). Мы предполагаем, что высказывание Соловьева больше основано на споре со Страховым, а также подчеркивает образование Страхова в области естественных наук, но на самом деле это может быть не совсем так. Потому что Страхов позже сказал: «Как почвенники, Аполлон Григорьев и Достоевский часто подчеркивают, что они не являются ни западниками, ни славянофилами... Я думаю, что необходимо прямо определить себя как славянофил» (цит. по: Шестидесятые годы…, 1940: 256). Это признание показывает, что в итоге он сам опирался на русскую культуру. Более того, Страхов также высказал Толстому свою идеологическую позицию: «А мы, консерваторы, славянофилы и т. п. – мы только знаем, чего не делать» (цит. по: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, 1914: 72).

ной, чем Польша, поэтому Польша и восстала. Поэтому критик отмечал, что, если Россия хочет окончательно решить польскую проблему, она должна впервые подчеркнуть свои уникальные культурные особенности и избавиться от западного влияния. Польша не столь заслуживает симпатии, как говорят некоторые революционные демократы, потому что будучи славянской страной, она стремилась к западноевропейской культуре как к своему духовному истоку и поэтому погибла. Но ее судьба может стать опытом для России: подъем великой державы должен, по крайней мере в культурном развитии, быть независимым и идти по тому пути, который ей подходит. Следует отметить, что мышление Страхова выходит за рамки реальной политики. К польскому вопросу Страхов подходит с позиции культурного конфликта – это явно какое-то преувеличение[9].

Культура – это не бессодержательный термин; он должен иметь конкретное наполнение. Для Страхова, если культурные миссионеры, цивилизаторы не основаны на творческой практике местных писателей, их упорство в местной культуре бессмысленно. Поэтому необходимо найти подходящего представителя в литературном мире, который бы отражал особенности русского характера. В это время Толстой, стремительно поднявшийся к славе в литературном мире, вошел в поле зрения критика, уже опубликовав ряд произведений, таких как «Севастопольские рассказы» и «Война и мир». Важнее всего то, что сознание жизни и национальный дух писателя, проявившиеся в его произведениях, вызвали резонанс у критика. Таким образом, Страхов взял эти два начала как отправную точку для своего изучения Толстого. Страхов сам обозначил значение своего исследования: «Дело, конечно, не в том, что я первый, и уже давно, печатно провозгласил Толстого гениальным и причислил его к великим русским писателям. Главное всегда – в понимании духа писателя, в том внутреннем сочувствии, которое открывает нам самую глубину его произведений. Пусть судят читатели, насколько верно и полно я, уже тогда, понял смысл Толстого» (Страхов, 1901: III).

Обращаясь к истории русской литературы XIX века, стоит отметить одно явление: противостояние писателей и критиков. Лидер радикализма Н.В. Шелгунов в «Сочинениях Д.И. Писарева» (1871 г.) указал на это явление: «У сороковых годов был только один Белинский и целая плеяда беллетристов; у нашего времени, напротив, несколько одновременно выдавшихся критиков и публицистов и почти ни одного беллетриста» (Шелгунов, 1974: 264). Белинский писал о Гоголе, Добролюбов о Тургеневе – оба случая закончились расставанием. Есть много причин для конфликта или даже разрыва между критиками и писателями, но это тема для отдельной статьи. Тот факт, что анализ Толстого, сделанный Страховым, был подтвержден Толстым, и в результате этого возникло долгое и дружеское взаимодействие между писателем и критиком, является бесценным в контексте всего девятнадцатого века. Не случайно Толстой однажды сказал: «Одно из счастий, за которое я благодарен судьбе, это то, что есть Николай Николаевич Страхов» (Толстой, 2000: 140).

Мы думаем, что редкое гармоничное сосуществование и взаимное усиление этих двух явлений связано с несколькими факторами. Во-первых, из-за критического взгляда, называемого «теоретической терпимостью». В полемике с Чернышевским и другими Страхов установил некоторые основные критические принципы. Он писал: «Я шел правильным, надлежащим путем. Я

[9] Стоит отметить, что именно из-за оторванности статьи от реальности, неясности темы и, в частности, критики русской культуры, статья вызвала бурную реакцию в русских интеллектуальных кругах и даже насторожила правительство. В результате выпуск журнала «Время» был приостановлен, а Страхов был наказан запретом на участие в работе редакции журнала в течение 15 лет (см.: Страхов, 1883: 250).

не спорил с художником, не торопился стать к нему в положении судьи, не чувствовал желания противоречить его отдельным мнениям и высказывать свои собственные, будто бы более основательные взгляды на те же вещи. Прежде всего я постарался понять создание художника, проникнуть в смысл того очарования, которое так могущественно и неотразимо овладело мною: уразуметь, откуда и в чем эта сила?» (Страхов, 1901: 311). Полное уважение к творческому сознанию писателя, естественно, завоевало расположение писателя. Напротив, Добролюбов дал слишком радикальную оценку роману «Накануне» И.С. Тургенева в своей статье «Когда же придет настоящий день?» (1860 г.). Искажение субъективных наклонностей автора, хотя и оправданное, в конце концов противоречило истинным стремлениям писателя и привело к разрыву Тургенева с «Современником». Толстой уже имел известность и устоявшийся семейный уклад. Превосходные условия позволяют писателю, с одной стороны, стремиться к совершенству в написании, а с другой, сохранять параноидальную любовь к собственным словам перед редакторами и критиками. Страхов отмечал: «Лев Николаевич твердо отстаивал малейшее свое выражение и не соглашался на самые, по-видимому, невинные перемены» (Л.Н. Толстой в воспоминаниях…, 1978: 238). Такая ситуация была бы немыслима для Достоевского, для которого вопросы выживания часто выходили на передний план. Поэтому, если Страхов хотел, чтобы его статьи были признаны Толстым, он, очевидно, не мог выступать с критикой в духе Добролюбова. Он должен был провести тщательный анализ произведений Толстого на основе проникновения в его личность, чтобы убедить писателя в точности своих выводов. В итоге, как отмечали современники, советом Страхова Толстой «всегда дорожил в сфере своего творчества» (Л.Н. Толстой в воспоминаниях…, 1978: 184).

Во-вторых, схожесть мировоззренческих позиций по ряду важных вопросов – еще один фактор, способствующий гармоничному сосуществованию Страхова и Толстого. Как указывал Толстой в своем письме Страхову: «Ваше сочувствие ко мне и мое к вам основано на необыкновенной родственности нашей духовной жизни» (Толстой, 2006: 196). Автор считает, что «необыкновенная родственность» должна относиться к единому взгляду на некоторые вопросы, такие как западноевропейская культура и нигилизм. Во время путешествия в Западную Европу в 1857 году Толстой был полон сомнений и даже отрицал западноевропейскую культуру. Его произведения, к примеру, «Люцерн», критиковали фальшь западноевропейской цивилизации, показывая испорченность человечности, которая скрывается за процветанием науки и социальным прогрессом. Не отвергая полностью западноевропейскую буржуазную цивилизацию, Страхов всегда настороженно относился к материализму и утилитаризму на основе рационализма: «Не коммунисты, не материалисты и позитивисты суть истинные представители современного просвещения; это лишь уродства им порожденные, имеющие силу именно потому, что они столько же исполнены метафизики, фанатизма, слепой веры, как и самые древние учения» (Страхов, 1897: 241). Толстому не нравился радикальный и легкомысленный нигилизм. Он не только высмеивал Чернышевского и других в своих ежедневных сообщениях, но и написал «Зараженное семейство» (1862–1864 гг.), чтобы опровергнуть нигилизм. Отношение Страхова к нигилизму уже довольно широко освещено, так что мы не будем повторяться. Таким образом, очевидно, что единомыслие в некоторых вопросах было полезно для развития их дружбы.

Следует отметить, что высокая оценка Толстого Страховым не означает, что он полностью принимает взгляды писателя. Хорошо известно, что в «Войне и мире» Толстой с большим усердием описывал сцены из жизни, что является самым захватывающим в романе, но в конце он много и пространно рассуждал, надеясь изложить

центральную идею, которая не ясна даже ему самому[10]. В письме к И.С. Аксакову Страхов прямо заявлял: «Толстой *очень плохо* пишет все, что у него касается отвлеченного изложения христианства; но его *чувства*, которых он вовсе не умеет выразить и которые я знаю прямо по лицу, по тону, по разговорам – имеют необыкновенную красоту» (И.С. Аксаков - Н.Н. Страхов, 2007: 120)[11]. Особенность литературной критики Страхова заключается в том, что критик лучше всего постигает красоту произведения через детали жизни. На самом деле Страхов всю жизнь ненавидел системы и застывшие идеи[12], и, естественно, ему не нравились философские разглагольствования Толстого. После смерти критика в «Вестнике Московского психологического общества» (почетным членом которого Страхов был избран в 1894 году) было отмечено: «Человек разносторонне и широко образованный, мыслитель тонкий и глубокий, замечательный психолог и эстетик, Н.Н. Страхов представляет и как личность выдающиеся черты – …стойкостью своих убеждений, тем, что он никогда не боялся идти против господствующих в науке и литературе течений, восставать против увлечения минуты и выступать на защиту тех крупных философских и литературных явлений, которые в данную минуту подвергались гонению и осмеянию» (Грот, 1896: 3-4). Как можно было человеку с такими выдающимися способностями называть себя «придатком», хотя бы перед лицом такого великого человека, как Толстой? Критика Страхова о Толстом была фактически основной в советский период.

Заключение

Оценивая свою интерпретацию «Войны и мира», Страхов писал: «Не только я награжден тем, что смог понять безмерно-великую ценность “Войны и Мира”, но мне думается, я заслужил и более важную награду: в некоторой мере я понял душу этого произведения; я нашел те точки зрения, те категории, с которых его следует судить, и мне открылась связь его с историей и ходом нашей литературы» (Страхов, 1901: 312). Эта история в сегодняшних глазах – история пробуждения русского народного самосознания; произведения Толстого – самое яркое свидетельство этой истории. Конечно, связь между ними была выявлена Страховым. Стоит учитывать, что Страхов работал в конце 1860-х годов, когда главное русское литературно-критическое направление еще не осознавало огромное значение Толстого. Либеральный критик П. Анненков рассматривал «Войну и мир» по стандартам европейской исторической беллетристики, утверждая, что характер развития героя в произведении был застойным, и это есть недостаток романического развития» (Ни Жуй Цинь，1982: 71). Радикальный критик Д. Писарев просто анализировал образ аристократии с сословной позиции. В этом контексте интерпретация Страховым значения творчества Толстого сама по себе является новаторской. В то же время именно благодаря его интерпретации, Толстой и космополитическое явление его творчества постепенно воспринимались русской культурой. Учитывая становление русской литературы на мировой литературной арене в середине и конце XIX века, можно считать, что данная интерпретация Страхова – не просто анализ произведений писателей, а скорее исследование особенностей русской культуры. Это новаторское мышление русского критика после избавления от влияния западной мысли. Как сказал философ Н.Я. Грот в

[10] Вот почему было сказано: “Tolstoy was by nature a fox, but believed in being a hedgehog” («Толстой по натуре был лисом, но верил в то, что он еж») (Berlin, 1994: 24).

[11] Об этом также упоминал Флобер в своем письме к Тургеневу, хотя это было уже в 1880 году (см.: 参见陈燊主编：《欧美作家论列夫·托尔斯泰》，中国社会科学出版社，1983年，第1页。/ Chen Shen, 1983: 1).

[12] О разнице между Страховым и Толстым в этом отношении (см.: Paperno, 2011: 96-119; Мотовникова, Ольхов, 2012: 86-106).

надгробной речи, «Страхову великое спасибо за то, что он один из первых особенно энергично и ясно призывал русских людей мыслить самостоятельно» (Грот, 1896: 40). К сожалению, с наступлением XX века революции и войны вскоре оттеснили философа и литературного критика в область почти полного забвения. Однако забвение не означает исчезновение, и идеи могут быть вечными. После вступления в XXI век в российском интеллектуальном мире возникло увлечение культурным ретро. Теперь ученые пытаются найти силы, чтобы возродить «русскую мысль» с помощью культурного ретро. После почти столетнего забвения имя Страхова часто упоминается и вновь высоко ценится. По словам одного из исследователей: “An examination of the tensions of Strakhov’s thought will illustrate I hope some of the richness and complexity of Russian intellectual life in the nineteenth century” («Я надеюсь, что изучение напряженности мысли Страхова покажет известное богатство и сложность интеллектуальной жизни России XIX века») (Gerstein, 1971: XI).

В XXI веке в Китае Н.Н. Страхов и его интеллектуальное наследие привлекают все больше внимания: появляется ряд статей, в которых осмысляется его философское и литературно-критическое наследие. Мы считаем, что идеи Н.Н. Страхова имеют важное значение для строительства независимой и самостоятельной культуры в современном Китае. Во-первых, это размышления о западной цивилизации. Западная цивилизация имеет славную историю и является частью человеческой цивилизации. Но в настоящее время западная цивилизация все больше и больше показывает свою варварскую и лицемерную сторону, что в точности соответствует критике Н.Н. Страхова в адрес Запада сто с лишним лет назад. Во-вторых, Страхов подчеркивает диалогичность. Диалог подразумевает открытость и обмен между культурами и цивилизациями, а также плюралистическое сосуществование в мире. Это особенно актуально в нынешних условиях войн и эпидемий. В-третьих, Н.Н. Страхов подчеркивает национальное самосознание и национальную культурную особенность. Наглядным примером этого является Страховское исследование романа Толстого «Война и мир». Анализ «Войны и мира» показывает нам, как творить национально самобытный литературный образ и как создать национально самобытную культуру, основываясь на нашей собственной истории. Ввиду этого, без преувеличения можно сказать, что в Китае исследование наследия Н.Н. Страхова имеет большие перспективы.

Источники

Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: Полное собрание переписки: В 2 т. Т. 1. / сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова; ред. А.А. Донсков. Оттава; М.: Группа славянских исследований при Оттавском университете и Государственный музей Л. Н. Толстого, 2003. 1079 с.

Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым (1870–1894). СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1914. 478 с.

Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений [В 90 т.]. Т. 62. Письма 1873–1879. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. 573 с.

Толстой, Л.Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. Часть первая. М.: Лексика, 1996. 763 с.

Толстой, Л.Н. Собрание сочинений Льва Толстого. Т. 16. Война и мир / пер. Лю Ляо. Пекин: Издательство Народной литературы, 2000. С. 140.

Литература

Бахтин, М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Том. 2. М.: Русские словари, 2000. 798 с.

Грот, Н. Памяти Н.Н. Страхова: к характеристике его философского миросозерцания. М.: Типолитография Высочайше утв. товарищества И.Н. Кушнерев и К, 1896. 42 с.

Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 28. Л.: Наука, 1985. 616 с.

Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 29. Л.: Наука, 1986. 573 с.

И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка / сост. М.И. Щербакова; Группа славянских исследований при Оттавском университете и

ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Оттава, Квебек, 2007. 192 с.

Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2-х томах. Т. 1. М.: Художественная литература. 1978. 621 с.

Мальчевский, Н. К истории русской философии // Логос: Санкт-Петербургские чтения по философии культуры. Кн. 2. Русский духовный опыт / под ред. А.И. Бродского. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1992.

Мотовникова, Е.Н., Ольхов, П.А. Полемика и понимание: философские очерки мышления и личности Н.Н. Страхова: Монография. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 199 с.

Страхов, Н.Н. Борьба с Западом в Нашей литературе.: Исторические и Критические Очерки. Кн. 1. Киев., 1897.

Страхов, Н.Н. Борьба с Западом в Нашей литературе: Исторические и Критические Очерки. Кн. 2. Киев., 1897.

Страхов, Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки с портретом Ф.М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1883. С. 177-332.

Страхов, Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862-1885). Издание четвертое. Киев: И.П. Матченко, 1901. 387 с.

Страхов, Н.Н. Литературная критика. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 459 с.

Толстая, А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 714 с.

Храпченко, М.Б. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Лев Толстой как художник. М.: Худож. лит, 1980. 598 с.

Храпченко, М.Б. Художественное творчество, действительность, человек. М.: Советский писатель, 1976. 364 с.

Шелгунов, Н.В. Литературная критика. Л.: Художественная литература, 1974. 415 с.

Шестидесятые годы: материалы по истории лит. и обществ. движения / под ред. Н.К. Пиксанова и О.В. Цеховницера. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 490 с.

Berlin, I. Russian Thinkers. Penguin Books, 1994. 312 p.

Gerstein, L. Nikolai Strakhov. Harvard University Press, 1971. XI, 237 p.

Paperno, I. Leo Tolstoy's correspondence with Nikolai Strakhov : the dialogue on faith // Anniversary essays on Tolstoy / ed. by D.T. Orwin. Cambridge, 2010. P. 96-119.

参见陈燊主编：《欧美作家论列夫·托尔斯泰》，中国社会科学出版社，1983年，第1页。(Чэнь Шэнь (ред.). Европейские и американские писатели о Льве Толстом. China Social Sciences Press. 1983.).

罗曼·罗兰：《托尔斯泰传》，傅雷译，商务印书馆，1998年，第47页。 (Ромен Роллан, Биография Толстого / пер. Фу Лея. Commercial Press, 1998.).

倪蕊琴主编：《俄国作家批评家论列夫·托尔斯泰》，中国社会科学出版社，1982年，第71页。(Ни Жуй Цинь (ред). Русские писатели и критики о Льве Толстом. China Social Sciences Press, 1982.).

Sources

L. N. Tolstoy – N. N. Strakhov: Polnoe sobranie perepiski: V 2 t. T. 1 (2003) [L. N. Tolstoy – N. N. Strakhov: Full collection of correspondence: In 2 vols. Vol. 1], in Donskov, A. (ed.), Slavic Research Group at the University of Ottawa, the State L.N. Tolstoy Museum, Ottawa, Moscow, Russia (in Russ.).

Perepiska L. N. Tolstogo s N. N. Strakhovym (1870–1894) (1914) [Correspondence of L. N. Tolstoy with N. N. Strakhov (1870–1894)], Tipografiya B. M. Vol'fa, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Tolstoy, L. N. (1953), *Polnoe sobranie sochineniy [v 90 tomakh]. Tom 62. Pis'ma 1873–1879* [The complete works [In 90 vol.]. Vol. 62. Letters 1873–1879], State Publishing House of Fiction, Moscow, Russia (in Russ.).

Tolstoy, L. N. (1996), *Sobranie sochineniy: V 8 t. T. 4. Chast' 1* [Collected works in 8 volumes. Vol. 4. Part 1], Leksika, Moscow, Russia (in Russ.).

Tolstoy, L. N. (2000), *Sobranie sochineniy L'va Tolstogo. Tom 16. Voyna i mir* [Collected works of Leo Tolstoy. Vol. 16. War and Peace], translated by Lyu Lyao, Izdatel'stvo narodnoy literatury, Beijing, China (in Chinese?).

References

Bakhtin, M. M. (2000), *Sobranie sochineniy: V 7 t. T. 2* [Collected works in 7 vols. Vol. 2], Russkie slovari, Moscow, Russia (in Russ.).

Berlin, I. (1994), *Russian Thinkers*, Penguin

Books.

Dostoevsky, F. M. (1985), *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t. T. 28* [The complete works: In 30 vols. Vol. 28], Nauka, Leningrad, USSR (in Russ.).

Dostoevsky, F. M. (1986), *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t. T. 29* [The complete works: In 30 vols. Vol. 29], Nauka, Leningrad, USSR (in Russ.).

Gerstein, L. (1971), *Nikolai Strakhov*, Harvard University Press, Harvard.

Grot, N. (1896), *Pamyati N. N. Strakhova: k kharakteristike ego filosofskogo mirosozercaniya* [In Memory of N. N. Strakhov: on the characteristics of his philosophical worldview], Tipo-litografiya Vysochajshe utv. T-va I. N. Kushnerev i K, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

I. S. Aksakov – N. N. Strakhov: Perepiska (2007) [I. S. Aksakov – N. N. Strakhov: Correspondence], in Shcherbakova, M.I. (comp., ed.), Slavic Studies Group at the University of Ottawa and the Gorky Institute of the Russian Academy of Sciences, Ottawa, Quebec, CA (in Russ.).

Khrapchenko, M. B. (1976), *Khudozhestvennoe tvorchestvo, deystvitel'nost', chelovek* [Artistic creativity, reality, man], Sovetskiy pisatel', Moscow, Russia (in Russ.).

Khrapchenko, M. B. (1980), *Sobranie sochineniy: V 4 t. T. 2. Lev Tolstoy kak khudozhnik* [Collected works: In 4 vols. Vol. 2. Leo Tolstoy as an artist], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia (in Russ.).

L.N. Tolstoy v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 t. T. 1 (1978), [L. N. Tolstoy in the memoirs of contemporaries: In 2 vols. Vol. 1], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia (in Russ.).

Malchevskiy, N. (1992), "On the history of Russian philosophy", *Logos: Sankt-Peterburgskie chteniya po filosofii kul'tury. Kn. 2. Russkiy dukhovniy opyt* [Logos: St. Petersburg Readings on the Philosophy of Culture. Book 2. Russian Spiritual Experience], (in Russ.).

Motovnikova, E. N., Olkhov, P. A. (2012), *Polemika i ponimanie: filosofskie ocherki myshleniya i lichnosti N. N. Strakhova: monografiya* [Polemics and Understanding: Philosophical Essays of N. N. Strakhov's Thinking and Personality: monograph], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, St. Petersburg, Russia, (in Russ.).

Paperno, I. (2011), "Leo Tolstoy' s correspondence with Nikolai Strakhov: the dialogue on faith", in D. T. Orwin (ed.), *Anniversary essays on Tolstoy*, Cambridge University Press, Cambridge, 96-119.

Shelgunov, N. V. (1974), *Literaturnaya kritika* [Literary criticism], Khudozhestvennaya literature, Leningrad, USSR (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1883), "Memories of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky", *Dostoevsky, F. M. Polnoe sobranie sochineniy F. M. Dostoevskogo. T. 1. Biografiya, pis'ma i zametki iz zapisnoy knizhki s portretom F. M. Dostoevskogo i prilozheniyami* [Dostoevsky, F. M. The complete works of F. M. Dostoevsky. Vol. 1. Biography, letters and notes from a notebook with a portrait of F. M. Dostoevsky and appendices], Printing house of the Panteleev brothers, St. Petersburg, Russia, 177-332 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1897), *Bor'ba s Zapadom v nashey literature: istoricheskie i kriticheskie ocherki* [The Struggle with the West in Our Literature.: historical and critical essays], Book 1, Kiev, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1897), *Bor'ba s Zapadom v nashey literature.: istoricheskie i kriticheskie ocherki* [The Struggle with the West in Our Literature.: historical and critical essays], Book 2, Kiev, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1901), *Kriticheskie stat'yi ob I. S. Turgeneve i L. N. Tolstom (1862–1885)* [Critical articles about I. S. Turgenev and L. N. Tolstoy (1862–1885)], Fourth Edition, I. P. Matchenko, Kiev, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (2000), *Literaturnaya kritika* [Literary criticism], Publishing House RHGI, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Tolstaya, A. L. (2016), *Otets. Zhizn' L'va Tolstogo* [Father. The Life of Leo Tolstoy], Direkt-Media, Berlin, Moscow, Russia (in Russ.).

参见陈燊主编：《欧美作家论列夫·托尔斯泰》，中国社会科学出版社，1983年，第1页。 Chen Shen (ed.) (1983), *European and American writers on Leo Tolstoy*. China Social Sciences Press, China (in Chinese).

罗曼·罗兰：《托尔斯泰传》，傅雷译，商务印书馆，1998年，第47页。Rolland, R. (1998), *Biography of Tolstoy*, Translated by Fu Lei, Commercial Press, China (in Chinese).

倪蕊琴主编：《俄国作家批评家论列夫·托尔斯泰》，中国社会科学出版社，1982年，第71页。 Ni Rui Xin (ed.) (1892), *Russian writers and critics on Leo Tolstoy*, China Social Sciences Press, China (in Chinese).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор Сучжоуского Университета, улица Шизы, д. 1. г. Сучжоу, 215006, провинция Цзянсу, КНР; *pipimao@mail.ru*

Лу Яо, доктор-кандидат филологических наук, институт иностранных языков и литератур, Сучжоуский Университет, улица Шизы, д. 1. г. Сучжоу, 215006, провинция Цзянсу, КНР; *emailluyao@126.com*

ABOUT THE AUTHORS:

Zhu Jiangang, Ph.D. Professor of Soochow University, 1 Shizi St., Suzhou city, 215006, Jiangsu province, China; *pipimao@mail.ru*

Lu Yao, PhD in Philology, Institute of Foreign Languages and Literatures, Suzhou University, 1 Shizi St., Suzhou city, 215006, Jiangsu province, China; *emailluyao@126.com*

УДК 316.624 **DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-7**

Смолева Е. О.

Психическое самочувствие населения в контексте пандемии COVID-19 (на примере Вологодской области)

Вологодский научный центр Российской академии наук, ул. Горького, д. 56а, г. Вологда, 160014, Россия; *riolenas@rambler.ru*

Аннотация. Пандемию COVID-19 по воздействию на человека можно сравнить со стрессом чрезвычайных ситуаций или боевых действий. Как следствие этой пандемии ожидается бремя психических расстройств и рост использования психиатрических услуг, усиление недоверия к действиям властей и рост социального негативизма. Цель работы – исследование психического самочувствия населения региона в ситуации пандемии COVID-19 на примере Вологодской области. Метод – социологический опрос населения Вологодской области (выборка квотная, N = 1500). Проведенное исследование подтверждает выдвинутые гипотезы о том, что ситуация пандемии носит стрессогенный характер. Основной тенденцией является рост симптоматики тревожных и депрессивных расстройств. Распространенность симптомов психических расстройств различается в социально-демографических группах, в частности более тревожны лица молодого возраста; симптомы субклинической тревоги и депрессии чаще проявляются среди наименее обеспеченных жителей. Уровень удовлетворенности жизнью также демонстрирует тенденцию к снижению. Сделан вывод, что в условиях пандемии COVID-19 наибольшее влияние на психическое самочувствие населения Вологодской области оказывают социально-демографические переменные, в первую очередь возраст и материальное положение. Новизна исследования заключается в выявлении актуального состояния психического самочувствия населения области в период пандемии.

Ключевые слова: психическое самочувствие; пандемия COVID-19; симптомы психических расстройств; население региона; социально-демографический фактор

Для цитирования: Смолева Е. О. Психическое самочувствие населения в контексте пандемии COVID-19 (на примере Вологодской области) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 91-105. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-7

E. O. Smoleva

Mental well-being of population in the COVID-19 pandemic (on the example of the Vologda region)

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 56a Gorky St., Vologda ,160014, Russia; *riolenas@rambler.ru*

Abstract. The COVID-19 pandemic can be compared with the stress of emergency situations or combat operations. As a result of this pandemic, the burden of mental

disorders and an increase in the use of psychiatric services, an increase in distrust of the actions of the authorities and an increase in social negativism are expected in society. The purpose of the work is to study the mental well-being of the population of the Vologda region in the situation of the COVID-19 pandemic. The method is a sociological survey of the population of the region (N = 1500). The study confirms the hypotheses that the pandemic situation is stressful. The main trend is an increase in the symptoms of anxiety and depressive disorders. The prevalence of symptoms of mental disorders differs in socio-demographic groups. Young people are more anxious. Symptoms of subclinical anxiety and depression are more common among the least affluent residents. The level of satisfaction with the life of the population also shows a downward trend. It is concluded that the mental well-being of the population of the region is influenced by the variables that make up the socio-demographic risk factor for health, primarily age and financial situation. The novelty of the study consists in the identification of the current state of mental well-being of the population of the region during the pandemic.

Keywords: mental well-being; the COVID-19 pandemic; symptoms of mental disorders; the population of the region; socio-demographic factor

For citation: Smoleva E. O. (2022), "Mental well-being of population in the COVID-19 pandemic (on the example of the Vologda region)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 91-105, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-7

Пандемия COVID-19 выделяется из событий XXI века по своему воздействию на различные сферы. Угрозы здоровью и жизни; страхи от осознания беззащитности своей и своих близких; принимаемые правительствами различных стран «жесткие» меры по борьбе с эпидемией и их социально-экономические последствия придают стрессогенный характер создавшейся ситуации. Ущерб был нанесен и продолжает наноситься физическому, психическому и социальному здоровью человека. В качестве противоэпидемиологических мероприятий государствами использовались различные сценарии интервенций социального дистанцирования с различными эпидемиологическими и экономическими эффектами: от использования масок для лица до изоляции, в том числе «вертикальной» изоляции, когда ограничения касались уязвимых групп, например, лиц пожилого возраста (см.: Silva et al., 2020). В конце марта 2020 г. в России было принято решение о введении режима самоизоляции, который продлился с 29 марта по 14 июня прошлого года. Целью предпринятых мер было предотвращение массового заражения лиц, входящих в группы риска тяжелого течения инфекции, что могло привести к коллапсу всей системы здравоохранения. В октябре 2020 г. в связи с ростом заболеваемости в ряде субъектов Российской Федерации были повторно введены ограничительные меры. В мировой практике применение строго ограничительных мер социального дистанцирования в отношении населения показало себя достаточно эффективно в сокращении распространенности заболевания (см.: Bakker et al., 2020), однако возник и негативный сопутствующий момент. Как следствие пандемии COVID-19 ожидается бремя психических расстройств и рост использования психиатрических услуг, снижение доверия к власти и усиление социального пессимизма (см.: Макушева, Нестик, 2020). Опрос российских психологов, проведенный Институтом психологии РАН, показал, что, по мнению более половины опрошенных, психологические последствия пандемии будут проявляться в течение нескольких лет (см.: Ушаков и др., 2020).

Обзор исследований по тематике работы

Уже в апреле 2020 г. появляются научные сообщения о психологическом стрессе, связанном с изоляцией от COVID-19 (например, (Fiorillo, Gorwood, 2020)). На июнь 2021 г. база Pubmed содержала уже более 9,5 тысяч публикаций, найденных по запросу «covid 19 mental health». Основная проблематика касалась роста распространенности психических расстройств с акцентом на депрессивные и тревожные расстройства, проявлений стресса, отчуждения (см.: Goularte et al., 2021; Shi et al., 2020; Wang et al., 2020). В московском регионе, где был объявлен режим самоизоляции, в период с 23 марта по 4 апреля 2020 г. отмечались следующие изменения общественного психического здоровья: рост психопатологической симптоматики (соматизация, фибическая симптоматика, нарушения сна) (Ениколопов и др., 2020). Ученые приходят к выводу, что социальное дистанцирование, вызывая чувство отчуждения, изоляции и депрессию, может представлять угрозу для психического здоровья населения (см.: Zhuab et al., 2021).

Что вызывает изменения психического самочувствия населения в период пандемии? Во-первых, действует фактор стресса. К нему относят режимы самоизоляции и социального дистанцирования, финансовые проблемы, нарушения распорядка дня (изменения режимов сна и питания), сокращенная физическая активность, негативные эмоции (см.: Brooks et al., 2020; Salari et al., 2020), наличие родственников, заболевших COVID-19 (см.: Пизова, Пизов, 2020: 84), отчуждение (см.: Zhuab et al., 2021). Обострение ситуации долговременного стресса ограничениями на выход из дома усиливает потенциал деструктивности (см.: Голубева и др., 2020: 34), способствует снижению позитивных эмоций (см.: Рассказова и др., 2020), повышению конфликтности и уровня домашнего насилия (см.: Ениколопов, 2020: 118).

Ко второй группе факторов относится наличие психических заболеваний в анамнезе. Фактические данные свидетельствуют о том, что люди с психическими расстройствами более подвержены воздействию стресса (см.: Ениколопов, 2020).

Третью группу составляют социально-демографические факторы. Показано, что женский пол, низкий доход, более низкий уровень образования тесно связаны с более серьезными симптомами (см.: Goularte et al., 2021). Также риски уязвимости к влиянию пандемии связывают с более молодым возрастом, так как молодежь сталкивается с предпандемическим стрессом, вызванном образовательными, профессиональными или социальными трудностями. Пожилой возраст может служить защитой, так как выработаны адаптивные механизмы (см.: Goularte et al., 2021).

Не следует забывать о том, что российское общество – это общество травмы, что связано с повышенным уровнем тревожности, состоянием беспокойства, комплексом опасений и страхов, но дополнительный сильный стресс обусловливает и более высокие уровни психического нездоровья (см.: Меркин и др., 2021: 110).

Различие регионов по применяемым противоэпидемическим мерам, предэпидемическому уровню общественного психического здоровья актуализирует изучение региональной специфики влияния коронавирусной инфекции на психическое самочувствие и здоровье населения. Помимо явного дефицита социологических работ по указанной тематике, в настоящее время превалируют статьи на основании данных по московскому региону (Москва и Московская область), значительно реже и в усеченном виде – других регионов (см.: Слепцов, Потравная, 2020).

Дизайн исследования

На основании анализа работ теоретического и эмпирического склада нами выдвинуты следующие гипотезы:

1) Ситуация пандемии носит стрессогенный характер.

2) Основными тенденциями изменений психического самочувствия населения является рост симптоматики тревожных и депрессивных расстройств.

3) Распространенность симптомов психических расстройств различается в социально-демографических группах.

В регионе опрос осуществлялся Вологодским научным центром РАН на репрезентативной общеобластной выборке в рамках мониторинга общественного психического здоровья[1]. Для определения симптомов тревоги, депрессии, невроза и степени их проявления используются валидизированные методики экспресс-диагностики невроза К. Хека и Х. Хесса и госпитальная шкала тревоги и депрессии HADS, зарекомендовавшие себя при проведении крупных эпидемиологических исследований, целью которых является скрининг расстройств. При определении самочувствия населения Вологодской области мы использовали скрининговую шкалу удовлетворенности жизнью Э. Динера, вопрос «Оцените, пожалуйста, насколько Вы счастливы?» (10-балльная шкала). Анкетирование проведено в феврале 2021 г., когда в регионе начался спад второй волны коронавирусной инфекции.

Результаты

В 2021 г. произошло ухудшение психического самочувствия населения региона. По сравнению с 2018 г. снизилась доля людей, которые обладают прекрасным настроением или нормальным, ровным состоянием, с 73 до 59 % (табл. 1).

Таблица 1

Самооценки психического самочувствия населения Вологодской области в 2018 и 2021 гг.

Table 1

Self-assessments of the mental well-being of the Vologda Oblast population in 2018 and 2021

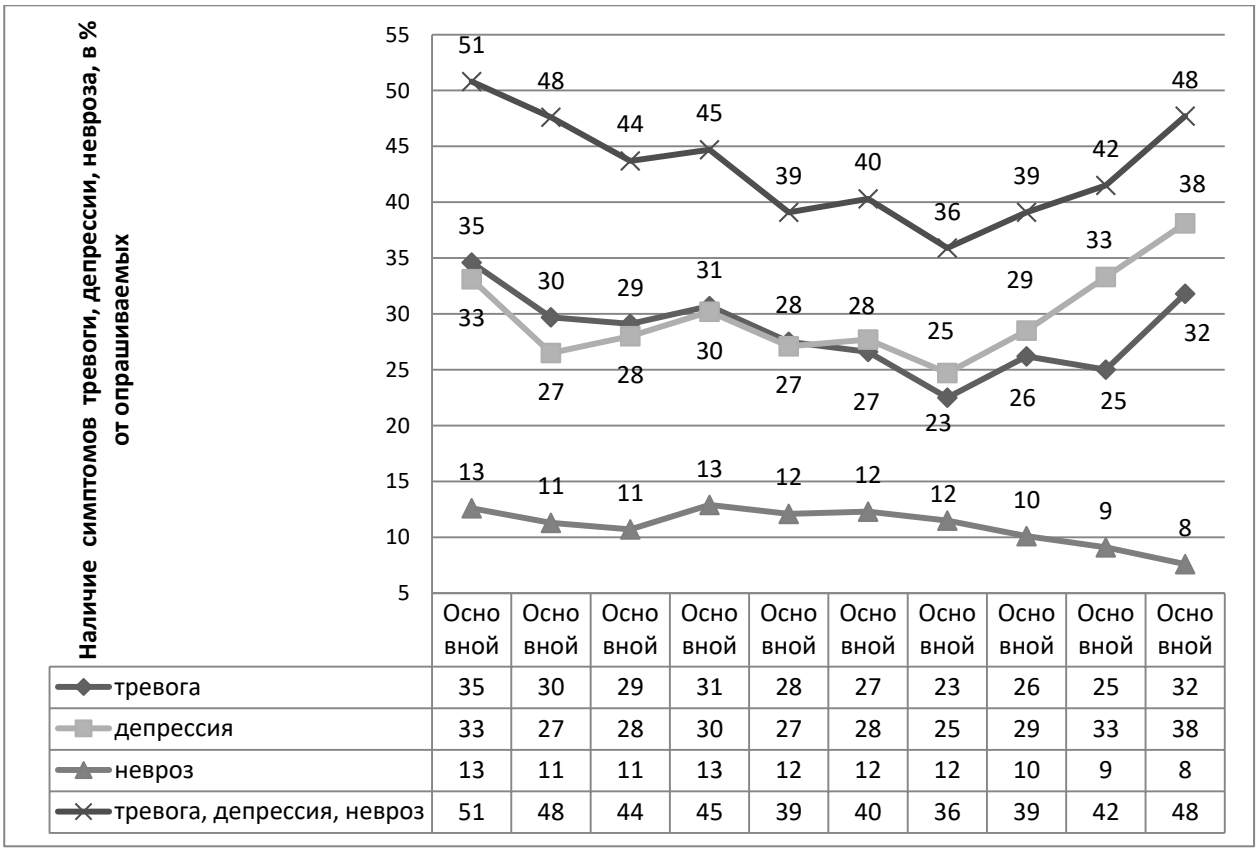
Варианты ответа / Answer options	Вологда / Vologda		Череповец / Cherepovets		Районы / Districts		**Область / Region**	
	2018	2021	2018	2021	2018	2021	**2018**	**2021**
Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни? / How would you describe your mood in recent days?								
Прекрасное настроение; нормальное, ровное состояние, в % / Great mood; normal, even state, in %	78	56	78	64	67	60	**73**	**59**
Испытываю напряжение, раздражение; испытываю страх, тоску, в % / I experience tension, irritation; I feel fear, longing, in %	19	38	19	30	24	28	**21**	**31**
Оцените, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены сегодня своей жизнью? *(по 10-балльной шкале, где 1 – полностью не удовлетворен, 10 – полностью удовлетворен) /* Please rate how satisfied you are with your life today? (*on a 10-point scale, where 1 - completely dissatisfied, 10 - completely satisfied)*								
Средний балл / GPA	7,5	6,7	7,7	6,9	7,2	7,0	**7,4**	**6,9**
Оцените, пожалуйста, насколько Вы счастливы? *(по 10-балльной шкале, где 1 – полностью несчастлив, 10 – полностью счастлив) /* Please rate how happy you are? *(on a 10-point scale, where 1 is completely unhappy, 10 is completely happy)*								
Средний балл / GPA	7,6	7,0	7,6	7,4	7,0	7,5	**7,3**	**7,4**

[1] Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Полученные данные используются в статьях сотрудников отдела исследования уровня и образа жизни населения; ответственный за разработку анкеты кандидат экономических наук М.В. Морев.

Наиболее значительное снижение произошло среди вологжан (с 78 до 56 %) при одновременном росте удельного веса жителей, испытывающих напряжение, раздражение, страх и тоску, в два раза (с 19 до 38 %). Также заметно снизилось чувство удовлетворенности жизнью (у населения области с 7,4 до 6,9 баллов). Заметного изменения уровня счастья по региону не наблюдается благодаря вкладу жителей районов, у которых отмечается рост показателя с 7,0 до 7,5 баллов. Негативные тенденции характерны для жителей крупных городов: по Вологде отмечается снижение уровня удовлетворенности жизнью с 7,5 до 6,7 баллов, уровня счастья с 7,6 до 7,0 баллов; по Череповцу отмечается снижение уровня удовлетворенности жизнью с 7,7 до 6,9 баллов, уровня счастья с 7,6 до 7,4 баллов.

В 2021 г. симптоматика тревожного, депрессивного или невротического расстройства присутствует практически у половины жителей Вологодской области (48 %, рис. 1). У 38 % респондентов проявляются признаки депрессивного расстройства, у 32 % – тревожного расстройства, при этом у 15 % жителей обнаружены симптомы и депрессии, и невроза, а у 8 % жителей симптоматика проявляется на клиническом уровне. Выявлены положительные корреляции симптомов депрессии и тревоги (r = 0,659 при p≤0,01).

Динамика распространенности симптомов тревоги, депрессии и невроза в регионе за последние 15 лет носит разнонаправленный характер: наблюдался спад проявлений психических расстройств в период 2006–2015 гг. (с 51 до 36 %, рис. 1), а начиная с 2016 г. – рост с 36 до 48 %.



	Основной	Основной	Основной	Основной	Основной	Основной	Основной	Основной	Основной	Основной
тревога	35	30	29	31	28	27	23	26	25	32
депрессия	33	27	28	30	27	28	25	29	33	38
невроз	13	11	11	13	12	12	12	10	9	8
тревога, депрессия, невроз	51	48	44	45	39	40	36	39	42	48

Рис. 1. Распространенность симптомов тревоги, депрессии и невроза у жителей Вологодской области в период 2006–2021 гг., в % от опрошенных
Fig. 1. Prevalence of symptoms of anxiety, depression and neurosis among residents of Vologda Oblast in the period 2006–2021, in % of respondents

Свой вклад во вторую тенденцию вносит повышение распространенности симптомов депрессивного (с 25 до 38 %) и тревожного расстройств (с 23 до 32 %). Распространенность симптомов невроза у жителей области находится на стабильно невысоком уровне – 11-12 %, а начиная с 2015 г. наблюдается спад проявлений невротических расстройств (с 12 до 8 %). Как тревожный сигнал следует выделить наличие 8 % жителей региона, у которых картина проявлений расстройств психики соответствует клиническому уровню, а значит, требует обращения за специализированной помощью. В ситуации повышенной нагрузки адаптационные ресурсы населения уменьшаются, следовательно, удельный вес дезадаптированных жителей увеличивается, что отражается на ухудшении психического здоровья.

Наиболее уязвимы к возникновению психических расстройств лица, относящиеся к старшим возрастным группам (табл. 2). Среди мужчин в возрасте старше 60 лет наличие в целом симптомов нарушений психики фиксируется у 65 % респондентов, в том числе симптомов тревоги – у 45 %, депрессии – у 58 %. Для женщин старше 55 лет эти показатели чуть ниже и составляют 40 и 53 % соответственно. Наименее уязвимой группой является молодежь до 30 лет. В этой возрастной группе наличие симптомов психических расстройств обнаружено у 26 % мужчин и 30 % женщин. Каждый пятый молодой мужчина отмечает наличие признаков тревожного (20 %) или депрессивного расстройства (22 %). Практически аналогичные показатели характерны и для молодых женщин (23 и 21 % соответственно). В средних возрастных группах симптомы нарушений психики обнаружены у 41 % мужчин и 42 % женщин. Таким образом, в старших возрастных группах выше риски возникновения психических расстройств (коэффициент корреляции $r = 0{,}245$ при $p \leq 0{,}01$), особенно депрессивного расстройства ($r = 0{,}261$ при $p \leq 0{,}01$).

Таблица 2

Распространенность симптомов тревоги, депрессии и невроза у жителей Вологодской области в 2021 г. в разрезе социально-демографических групп, в % от опрошенных

Table 2

The prevalence of symptoms of anxiety, depression and neurosis among residents of Vologda Oblast in 2021 by socio-demographic groups, in % of respondents

Описание ситуации / Description of the situation	Наличие симптомов тревоги / Having symptoms of anxiety	Наличие симптомов депрессии / Having symptoms of depression	Наличие симптомов тревоги, депрессии, невроза / Symptoms of anxiety, depression, neurosis
Пол/возраст / Gender/age			
Мужской / Male до 30 лет	20	22	26
30–60 лет	26	33	41
старше 60 лет	45	58	65
Женский / Female до 30 лет	23	21	30
30 – 55 лет	30	31	42
старше 55 лет	40	53	63
Образование / Education			
Н/среднее и среднее / Incomplete secondary and secondary	33	39	46
Среднее специальное / Secondary vocational	28	38	45

Н/высшее и высшее / Незаконченное высшее и высшее	35	37	50
Доходные группы / Income groups			
20% наименее обеспеченных / 20% of the poorest	42	45	57
60% среднеобеспеченных / 60% middle-income	34	43	51
20% наиболее обеспеченных / 20% of the wealthiest	16	19	26
Территории / Territories			
Вологда / Vologda	35	38	51
Череповец / Cherepovets	24	31	39
Районы / Districts	34	42	50
Область / Region	**32**	**38**	**48**

Наблюдаются и территориальные различия риска возникновения психических расстройств. Среди жителей г. Череповца зафиксирован более низкий процент населения с симптомами тревоги (24 против 32 % по области; табл. 2), депрессии (31 против 38 % по области) и в целом всех трех изучаемых расстройств (39 против 48 % по области). Доля жителей г. Вологды (51 %; табл. 2) и населения районов (50 %), отмечающих наличие симптомов психических расстройств, находится на региональном уровне (48 %).

Четверть вологжан не заметили существенных изменений в своей жизни, вызванных эпидемической ситуацией (24 %, табл. 3). В качестве основных последствий пандемии COVID-19, которые повлияли на жизнь семьи, население области выделяет рост расходов на продукты питания и товары первой необходимости (36 % респондентов), необходимость режима экономии (33 %), отказ от привычного досуга и планов на отпуск (26 %), более внимательное отношение к собственному здоровью (26 %).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как сказались на вашей семье последствия коронавируса?» и наличие симптомов психических расстройств у населения Вологодской области, в % от опрошенных

Table 3

Distribution of answers to the question: “How did the consequences of coronavirus affect your family?” and the presence of symptoms of mental disorders in the population of Vologda Oblast, in % of respondents

Описание ситуации / Description of the situation	% наличия ситуации / Presence of a situation, in % of respondents	Наличие симптомов тревоги /		Наличие симптомов депрессии /		Наличие симптомов тревоги, депрессии, невроза /		
		нет / missing	есть / present	нет / missing	есть / present	нет missing /	есть / present	рейтинг / rating
Возросли расходы на продукты питания и товары первой необходимости / Increased spending on food and essentials	36	56	44	59	41	45	55	8

Пришлось экономить, отказываться от запланированных покупок / Forced savings, refusal of planned purchases	33	60	40	59	41	46	54	9
Стали внимательнее относиться к своему здоровью, отказались от вредных привычек / More attentive attitude to your health, giving up bad habits	26	69	31	61	39	51	49	11
Отказались от привычного досуга (посещение театров, концертов, ресторанов, спортивных клубов) / Refusal of habitual leisure (theaters, concerts, restaurants, sports clubs)	26	67	33	68	32	52	48	12
Отказались от планов на отпуск / Cancellation of vacation plans	26	64	36	68	32	55	45	13
Почти никак не сказались, в жизни ничего существенно не изменилось / Almost nothing has changed significantly	24	85	15	71	15	67	33	15
Не смогли получить необходимую медицинскую помощь по проблемам, не связанным с COVID-19 / Failed to receive necessary medical care for problems not related to COVID-19	23	46	54	45	55	31	69	1
Сократился доход (зарплата) / Decreased income (salary)	19	52	48	53	47	40	60	4
Сами лично не пострадали, но пострадали близкие, и это косвенно сказалось на Вас / They themselves did not suffer personally, but relatives suffered, and this indirectly affected them	16	57	43	57	43	44	56	7
Пришлось потратить сбережения семьи частично либо полностью / Family savings had to be spent partially or completely	15	51	49	54	46	39	61	3
Сорвались многие планируемые мероприятия (деловые поездки, участие в конференциях и т.п.) / Many planned work activities failed	14	57	43	55	45	42	58	6
Перешли (временно, постоянно) на удаленный режим работы / Switched temporarily or permanently to a remote work mode	10	50	50	55	45	40	60	5
При сохранении работы и доходов повысились нагрузки, интенсивность занятости /	10	75	25	77	12	66	34	14

Increased workload, intensity of employment while maintaining income								
Потеряли работу / Loss of a job	6	45	55	46	54	33	67	2
Пришлось оформить кредит на текущие расходы или запланированные покупки / I had to take out a loan for current expenses or planned purchases	4	65	35	58	42	47	53	10

Практически каждый четвертый житель (23 %) не смог получить необходимую медицинскую помощь по проблемам, не связанным с COVID-19, и эта ситуация занимает первое место в рейтинге по наличию симптомов психических расстройств (у 69 % опрошенных, отметивших наличие ситуации в их жизни), в том числе депрессии (55 %) и тревоги (54 %). На втором месте по наличию проявлений депрессии, тревоги и невроза (у 67 % респондентов) находится ситуация потери работы, хотя она затронула только 6 % опрошенных. Также риск возникновения психических расстройств существует у населения, столкнувшегося с необходимостью потратить сбережения семьи частично либо полностью (у 61 % опрошенных при частоте ситуации в 15 %), сокращением дохода (60 и 19 % соответственно), переходом на удаленный режим работы (60 и 10 % соответственно), резким изменением планов (58 и 14 % соответственно). Наименее сказалась на психическом здоровье ситуация повышения рабочих нагрузок при сохранении работы и доходов (у 34 % опрошенных при частоте ситуации в 10 % случаев).

Даже среди тех респондентов, кто не заметил существенного влияния пандемии на свою жизнь, у каждого третьего обнаруживаются симптомы психических расстройств (33 %). Возможно, этот факт объясняется тем, что и помимо ситуации пандемии жители сталкиваются со стрессорами. Исследование социально-психологической адаптации населения Вологодской области в 2019 г. выявило, что 21 % жителей относятся к кластеру «Дезадаптация при отсутствии ресурсов» (Смолева, 2020). Эти жители характеризуются симптомами невроза, тревоги, депрессии, в том числе и на клиническом уровне, отсутствием жизненных перспектив, уверенности в завтрашнем дне. Часто не получают удовольствия от жизни. Причина подобного состояния кроется в отсутствии как внутренних, так и внешних адаптационных ресурсов.

По мнению респондентов, жизнь населения региона в 2020 г. по сравнению с 2018 годом стала более наполненной ситуациями стресса. Доля жителей, часто испытывающих стресс (практически ежедневно или несколько раз в неделю) возросла с 12 до 19 % (рис. 2). Напротив, удельный вес респондентов, которые уверены, что не испытывали стресс, снизилась с 24 до 19 %. В большей степени события 2020 г. сказались на восприятии жителей Вологды, так как удельный вес респондентов, заявляющих о наличии практически ежедневного стресса в их жизни, вырос почти в два раза (с 12 до 23 %). Рост произошел за счет снижения доли населения, испытывающего стресс несколько раз в месяц (с 23 до 17 %) или не испытывавшего его никогда (с 13 до 7 %). Также в 2020 г. больше жителей в районах сталкивались со стрессовыми ситуациями. Об этом сообщили 15 % респондентов против 9 % в 2018 г. При этом доля жителей, которые не подвергаются стрессу (кстати, в исследовании самая большая в процентном соотношении по региону), уменьшилась с 37 до 28 %. Таким образом, можем сделать вывод, что население региона в ситуации пандемии чаще испытывает психологический стресс.

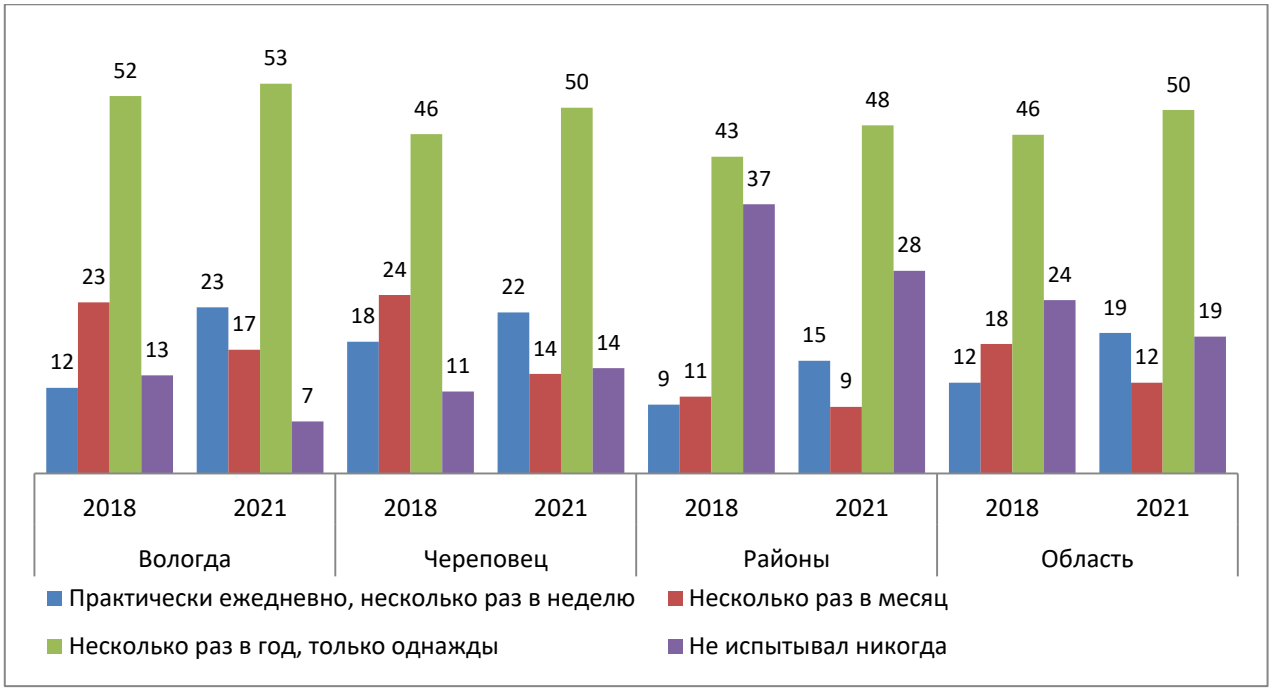


Рис. 2. Субъективные оценки наличия в жизни ситуации стресса, в % от опрошенных
Fig. 2. Subjective assessments of the presence of a stressful situation in life, in % of respondents

В качестве психологической проблемы население региона выделяет страх заразиться коронавирусом самому и/или болезни близких (45 %; табл. 4), ограничение свободы (31 %), повышение уровня тревоги, беспокойства и/или появление симптомов депрессии (23 %), невозможность получить новые впечатления (20 %), невозможность личного общения с близкими людьми (19 %). Каждый третий житель области отмечает отсутствие психологических проблем (32 %).

Таблица 4

Присутствие проблем психологического характера и наличие симптомов психических расстройств у населения Вологодской области, в % от опрошенных

Table 4

The presence of psychological problems and the presence of symptoms of mental disorders among the population of Vologda Oblast, in % of respondents

Описание ситуации / Description of the situation	% наличия ситуации / Presence of a situation, in %	Наличие симптомов тревоги / Anxiety symptoms		Наличие симптомов депрессии / Symptoms of depression		Наличие симптомов тревоги, депрессии, невроза / Symptoms of anxiety, depression, neurosis /		
		нет / missing	есть / present	нет / missing	есть / present	нет missing /	есть / present	рейтинг / rating
Очень боялся/боюсь заразиться сам(-а) и/или что заболеют мои близкие / Fear of getting infected yourself and / or that loved ones will get sick	45	59	41	56	44	45	55	8

Не испытал никаких новых психологических проблем. Ничего в моей жизни существенно не изменилось / Nothing in life has changed significantly	32	83	17	71	29	65	35	12
Ограничение моей свободы, введение жестких мер контроля (в т. ч. штрафов) за соблюдением режима самоизоляции / Restriction of freedom, strict control measures (including fines) for compliance with the self-isolation regime	31	55	45	56	44	43	57	7
Повышение уровня тревоги, беспокойства и/или появление симптомов депрессии / Increased levels of anxiety, worry, or symptoms of depression	23	48	52	49	51	35	65	3
Однообразие, ощущение «дня сурка», невозможность получить новые впечатления / Monotony, inability to get new impressions	20	56	44	60	40	45	55	9
Одиночество и невозможность личного общения с близкими мне людьми и /или разрыв отношений / Impossibility of personal communication with loved ones, breakup of relationships	19	49	51	49	51	36	64	4
Неверие в опасность вируса; ощущение, что нас обманывают / Disbelief in the danger of the virus; feeling of deceit	16	52	48	55	45	39	61	6
Нечем заняться, скука / Nothing to do, boredom	14	56	44	61	39	47	53	10
Негативное отношение окружающих вследствие моего/членов моей семьи заражения COVID-19 / Negative attitudes of others due to my/my family members being infected with COVID-19	12	53	47	50	50	37	63	5
Гибель близкого человека и/или пациента и /или коллеги от коронавируса / The death of a loved one, or an acquaintance, or a colleague from the coronavirus	8	54	46	51	49	34	66	2
Недоступность профессиональной психологической помощи / Unavailability of professional psychological assistance	6	63	37	59	41	49	51	11
Домашнее психологическое и/или даже физическое насилие / Domestic psychological or physical abuse	4	37	63	45	55	31	69	1

Хотя жители области практически не столкнулись с домашним насилием (только 4 % опрошенных), но именно эти ситуации связаны с наличием проявлений психических расстройств (69 %; табл. 4). Также достаточно предсказуемо нарушение психического здоровья в случае гибели близкого человека / пациента, коллеги / от коронавируса (66 % при наличии ситуации у 8 % респондентов), под влиянием одиночества (64 % при наличии ситуации у 19 % респондентов) или негативного отношения окружающих вследствие заражения COVID-19 (63 % при наличии ситуации у 12 % респондентов). С проблемой одиночества чаще сталкиваются представители старших возрастных групп: 18 % у мужчин старше 60 лет по сравнению с 11 % в группе лиц до 30 лет, у женщин – 19 % в группе лиц до 30 лет и 27 % в группе старше 55 лет.

По совокупности признаков наличия ситуации и проявления симптомов психических расстройств выделяются в качестве стрессогенных для населения региона следующие ситуации: страха перед заражением, ограничение свободы, одиночества. Даже в ситуациях стресса население региона не считает проблемой недоступность профессиональной психологической помощи (6 %; табл. 4), но и традиционно жители области редко обращаются за помощью к специалистам (по данным мониторингов общественного психического здоровья ВолНЦ РАН потенциальную готовность при наличии проявлений психического нездоровья выразили только 32–36 % опрошенных).

Наличие симптомов тревожного расстройства имеет слабые положительные корреляционные связи с частотой восприятия жизненных ситуаций как стрессогенных ($r = 0{,}209$ при $p \leq 0{,}01$). Жители области чаще отмечают возникновения стресса в ситуациях изменений планов ($r = 0{,}203$ при $p \leq 0{,}01$), перехода на удаленный режим работы ($r = 0{,}177$ при $p \leq 0{,}01$), роста расходов на продукты питания и предметы первой необходимости ($r = 0{,}173$ при $p \leq 0{,}01$), необходимости потратить сбережения ($r = 0{,}157$ при $p \leq 0{,}01$) и отсутствия необходимой медицинской помощи по проблемам, не связанным с COVID-19 ($r = 0{,}261$ при $p \leq 0{,}01$). При этом для последней ситуации характерны наиболее сильные корреляционные связи с наличием симптомов как тревожного, так и депрессивного расстройств. Риски возникновения депрессии слабо связаны с различными последствиями пандемии (корреляционный анализ не выявил значимых связей за исключением ситуации неполучения необходимой медицинской помощи), что объясняется, скорее всего, различной природой депрессивного и тревожного расстройства, так как депрессии чаще связаны с длительными психотравмирующими ситуациями (см.: Петрунько, 2017).

Обсуждение и выводы

Полученные данные перекликаются с результатами других отечественных исследований. Так, исследование Рассказовой Е.И., Леонтьева Д.А., Лебедевой А.А. (Рассказова и др., 2020) показало, что уровень удовлетворенности жизнью во время пандемии не снижается по сравнению с 2017 и 2019 годами, что частично согласуется с полученными нами данными по Вологодской области. Различие можно объяснить разницей в периодах проведения опросов (апрель 2020 г. и февраль 2021 г.). Возможно, жители Вологодской области продемонстрировали эффект кумулятивного стресса, который обусловил снижение уровня удовлетворенности жизнью. Также разницей в периодах проведения опросов можно объяснить более низкие данные о наличии симптомов тревожных расстройств по сравнению с исследованием А.Г. Меркина, С.С. Акинфиевой и А.В. Мартюшева-Поклада. При этом исследования совпадают по выявленной тенденции увеличения тревожности в старших возрастных группах (см.: Меркин и др., 2021: 108). Выявленные нами положительные корреляции симптомов депрессии и тревоги соответствуют положениям о тесной коморбидности депрессивных и тревожных расстройств (см.: Смулевич, 2012).

Проведенное исследование подтверждает выдвинутые гипотезы о том, что ситуация пандемии носит стрессогенный характер. Основными тенденциями психического самочувствия населения региона является рост симптоматики тревожных и депрессивных расстройств. Уровень счастья не демонстрирует тенденции к резкому снижению, однако накопленный стресс оказал влияние на удовлетворенность жизнью, что привело к снижению ее уровня.

На психическое самочувствие населения региона влияют переменные, составляющие социально-демографический фактор риска здоровью, в первую очередь возраст и материальное положение. В частности, симптоматика тревоги и депрессии чаще проявляется среди наименее обеспеченных жителей. Также с возрастом повышаются риски возникновения психических расстройств, особенно депрессивного расстройства (исследования показывают, что тревожные расстройства дебютируют в более молодом возрасте и достаточно редко – в пожилом возрасте (см.: Cullen, 2019)). Это говорит о том, что молодежь и пожилые люди избирательны к воздействию составляющих ситуации пандемии COVID-19: молодые люди значительно чаще демонстрируют реакцию в виде проявлений тревоги.

На основании исследования выявлено актуальное состояние психического самочувствия населения области в период пандемии, и полученные данные позволяют выделить социальные группы, которые необходимо взять на контроль в связи с повышенным риском психических расстройств: население старших возрастных групп, низкодоходные группы населения.

Литература

Голубева, Н.В., Иванов, Д.В., Троицкий, М.С. Панические расстройства во внутрисемейных отношениях, как последствия воздействия коронавирусной инфекции (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2020. № 2. С. 32-38. DOI: 10.24411/2075-4094-2020-16629

Ениколопов, С.Н., Бойко, О.М., Медведева, Т.И., Воронцова, О.Ю., Казьмина, О.Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 2. С. 108-126. DOI: 10.17759/psyedu.2020120207

Макушева, М.О., Нестик, Т.А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6 (160). С. 427-447. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1770

Меркин, А.Г., Акинфиева, С.С., Мартюшев-Поклад, А.В. и др. Тревожность: феноменология, эпидемиология и факторы риска на фоне пандемии, вызванной новым коронавирусом SARS-CoV-2 (COVID-19) // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2021. Т. 13. № 1. С. 107-112. DOI: 10.14412/2074-2711-2021-1-107-112

Петрунько, О.В. Депрессивное расстройство с хроническим течением // Acta Biomedica Scientifica. 2017. № 2 (114). С. 114-119.

Пизова, Н.В., Пизов, А.В. Депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство при новой коронавирусной инфекции // Лечебное дело. 2020. № 1. С. 82-88. DOI: 10.24411/2071-5315-2020-12197

Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 90–108. DOI: 10.17759/cpp.2020280205

Слепцов, А.Н., Потравная, Е.В. Влияние пандемии коронавируса на жизнь арктических регионов в оценках населения // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 144-147. DOI: 10.31857/S013216250009621-6

Смолева, Е.О. Социальная адаптация, социальный капитал и здоровье населения Вологодской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 136-161. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.983

Ушаков, Д.В., Юревич, А.В., Нестик, Т.А., Юревич, М.А. Социально-психологические аспекты пандемии COVID-19: результаты экспертного опроса российских психологов // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 5-17. DOI: 10.31857/S020595920011074-7

Bakker, M., Berke, A., Groh, M., Pentland, A.S. and Moro, E. Effect of social distancing measures in the New York City metropolitan area Tech. Rep., Boston: Massachusetts Institute of Technology, 2020. [Online] URL: http://curveflattening.media.mit.edu/Social_Distancing_New_York_City.pdf (дата обращения: 24.04.2021).

Brooks, S.K., Webster, R.K., Smith, L.E., Woodland, L., Wessely, S., Greenberg, N. and Rubin, G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // Lancet. 2020. Vol. 395. P. 912-920. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8

Cullen, P. Mental Illness in the Oldest-Old / In: Nagaratnam N., Nagaratnam K., Cheuk G. (eds) Advanced Age Geriatric Care // Springer, Cham. 2019. P. 145-157. DOI: 10.1007/978-3-319-96998-5_17

Fiorillo, A. and Gorwood, P. The consequences of the COVID-19 pandemic on mental health and implications for clinical practice // Eur Psychiatry. 2020. Vol. 63. No. 1. P. 1-4. DOI: 10.1192/j.eurpsy.2020.35

Goularte, J.F., Serafim, S.D., Colombo, R., Hogge, B., Caldieraro, M.A. and Rosa, A.R. COVID-19 and mental health in Brazil: Psychiatric symptoms in the general population // Journal of Psychiatric Research. 2021. Vol. 132. P. 32-37. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2020.09.021

Salari, N., Hosseinian-Far, A., Jalali, R., Vaisi-Raygani, A., Mohammadi, M. and Khaledi-Paveh, B. Prevalence of stress, anxiety, depression among the general population during the COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis // Global. Health. 2020. Vol. 16. P. 1-11. DOI: 10.1186/s12992-020-00589-w

Shi, L., Lu, Z.-A., Que, J.-Y., Huang, X.-L. et al. Prevalence of and risk factors associated with mental health symptoms among the general population in China during the coronavirus disease 2019 pandemic // JAMA Netw. Open. 2020. Vol. 3. P. e2014053. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2020.14053

Silva, P., Batista, P., Lima, H.S., Alves, M.A., Guimarães, F.G. and Silva, R. COVID-ABS: An agent-based model of COVID-19 epidemic to simulate health and economic effects of social distancing interventions // Chaos, Solitons & Fractals. 2020. Vol. 139. P. 110088. DOI: 10.1016/j.chaos.2020.110088

Wang, C., Pan, R., Wan, X., Tan, Y., Xu, L., Ho, C.S. and Ho, R.C. Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. No. 5. P. 1729. DOI: 10.3390/ijerph17051729

Zhuab, Y., Zhouab, L.X., Liab, C. and Yangab, D. The impact of social distancing during COVID-19: A conditional process model of negative emotions, alienation, affective disorders, and post-traumatic stress disorder // Journal of Affective Disorders. 2021. Vol. 281. P. 131-137.

References

Bakker, M., Berke, A., Groh, M., Pentland, A.S. and Moro, E. (2020), *Effect of social distancing measures in the New York City metropolitan area Tech*. Rep., Boston: Massachusetts Institute of Technology. [Online] available at: http://curveflattening.media.mit.edu/Social_Distancing_New_York_City.pdf (Accessed 6 April 2022).

Brooks, S. K., Webster, R. K., Smith, L. E., Woodland L., Wessely, S., Greenberg, N. and Rubin, G. J. (2020), "The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence", *Lancet*, 912-920, DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8

Cullen, P. (2019), "Mental Illness in the Oldest-Old", in Nagaratnam, N., Nagaratnam, K., Cheuk, G. (eds.), *Advanced Age Geriatric Care*, Springer, Cham. P. 145-157, DOI: 10.1007/978-3-319-96998-5_17

Enikolopov, S. N., Boyko, O. M. and Medvedeva, T. I., Vorontsova, O. U. and Kazmina, O. U. (2020), "Dynamics of Psychological Reactions at the Start of the Pandemic of COVID-19", *Psychological-Educational Studies*, 12. (2), 108-126, DOI:10.17759/psyedu.2020120207 (in Russ.).

Fiorillo, A. and Gorwood, P. (2020), The consequences of the COVID-19 pandemic on mental health and implications for clinical practice, *Eur Psychiat*ry, 63 (1), 1-4. DOI: 10.1192/j.eurpsy.2020.35

Golubeva, N. V., Ivanov, D. V. and Troitsky, M.S. (2020), "Panic disorders in family relations as consequences of the coronavirus effects (literature review)", *Journal of New Medical Technologies*, e-edition, 2 (32-38), DOI: 10.24411/2075-4094-2020-16629 (in Russ.).

Goularte, J. F., Serafim, S. D., Colombo, R., Hogge, B., Caldieraro, M. A. and Rosa, A. R.

(2021), "COVID-19 and mental health in Brazil: Psychiatric symptoms in the general population", *Journal of Psychiatric Research*, 132, 32-37, DOI: 10.1016/j.jpsychires.2020.09.021

Makusheva, M. O. and Nestik, T.A. (2020), Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes journal (Public opinion monitoring)*, 6, 427-447, DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1770 (in Russ.).

Merkin, A. G., Akinfieva, S. S., Martyushev-Poklad, A. V., Beloskurskaya, O. P., Dinov, E. N., Ostrovsky, S. L., Komarov, A. N., Zakharova, O. Yu., Kazhin, V. A., Nikiforov, I. A. and Glover, M. (2021), "Anxiety: phenomenology, epidemiology, and risk factors during the novel coronavirus SARS-CoV-2 (COVID-19) pandemic", *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*, 13 (1), 107-112, DOI: 10.14412/2074-2711-2021-1-107-112 (in Russ.).

Petrunko, O. V. (2017), "Chronic depressive disorders", *Acta Biomedica Scientifica*, 2 (2), 114-119, DOI: 10.12737/article_59a614fdd8d877.49078622 (in Russ.).

Pizova, N. V., Pizov, A. V. (2020), "Depression and Post-traumatic Stress Disorder in Patients with COVID-19", *Lechebnoe delo*, 1, 82-88, DOI: 10.24411/2071-5315-2020-12197 (in Russ.).

Rasskazova, E. I., Leontiev, D. A. and Lebedeva, A. A. (2020), "Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being: Anxiety and Coping", *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 28 (2) 90-108 (in Russ.). DOI: 10.17759/cpp.2020280205.

Salari, N., Hosseinian-Far, A., Jalali, R., Vaisi-Raygani, A., Mohammadi, M. and Khaledi-Paveh, B. (2020), "Prevalence of stress, anxiety, depression among the general population during the COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis", *Global. Health*, 16, 1-11, DOI: 10.1186/s12992-020-00589-w

Shi, L., Lu, Z.-A., Que, J.-Y., Huang, X.-L. et al. (2020), "Prevalence of and risk factors associated with mental health symptoms among the general population in China during the coronavirus disease 2019 pandemic", *JAMA Netw. Open*, 3, e2014053, DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2020.14053

Silva, P., Batista, P., Lima, H.S., Alves, M. A., Guimarães, F. G. and Silva, R. (2020), "COVID-ABS: An agent-based model of COVID-19 epidemic to simulate health and economic effects of social distancing interventions", *Chaos, Solitons & Fractals*, 139, 110088. DOI: 10.1016/j.chaos.2020.110088

Sleptsov, A. N. and Potravnaya, E. V. (2020), "Impact of the Coronavirus Pandemic on the Life of Arctic Regions in Population Estimates", *Sociological Studies*, 7, 144-147, DOI: 10.31857/S013216250009621-6 (in Russ.).

Smoleva, E. O. (2020), "Social Adaptation, Social Capital and Population Health in the Vologda Region", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, 4, 136-161, DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.983 (in Russ.).

Ushakov, D., Yurevich, A., Nestik, T. and Yurevitch, M. (2020), "Socio-psychological aspects of the covid-19 pandemic: results of an expert survey of russian psychologists", *Psikhologicheskii zhurnal*, 41 (5), 5-17, DOI: 10.31857/S020595920011074-7 (in Russ.).

Wang, C., Pan, R., Wan, X., Tan, Y., Xu, L., Ho, C. S. and Ho, R. C. (2020), "Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China", *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (5), 1729, DOI: 10.3390/ijerph17051729

Zhuab, Y., Zhouab, L. X., Liab, C. and Yangab, D. (2021), "The impact of social distancing during COVID-19: A conditional process model of negative emotions, alienation, affective disorders, and post-traumatic stress disorder", *Journal of Affective Disorders*, 281, 131-137.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Смолева Елена Олеговна, научный сотрудник; Вологодский научный центр Российской академии наук, отдел исследования уровня и образа жизни населения, ул. Горького, д. 56а, г. Вологда, 160014, Российская Федерация; *riolenas@rambler.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Elena O. Smoleva, Researcher; Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 56a Gorky St., Vologda, 160014, Russian Federation; *riolenas@rambler.ru*

УДК 130.2; 393 **DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-8**

Данчай-оол А. А.[1], Адыгбай Ч. О.[2]

Развитие религиозных верований тувинцев в условиях глобализации

[1]Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, ул. Партизана Железняка, д. 1, г. Красноярск, 660022, Россия; *dayas@inbox.ru*
[2] Независимый исследователь, ул. Академическая, д. 13, кв. 2, г. Новосибирск, 630090, Россия; *adygbay@yandex.ru*

Аннотация. В статье раскрывается диалектика исторического развития религиозных верований тувинцев в диалоге автохтонной и европейской культур. Представлены результаты проведенного в январе 2022 года пилотного онлайн-опроса населения Республики Тыва, в котором приняло участие 759 человек. Опрос проведен в рамках поиска подтверждений гипотезы о наличии трансформационных процессов в системе религиозных верований тувинцев под влиянием процессов модернизации и глобализации. Результаты выявили противоречия в представлениях современных тувинцев о религии, оперирующих субстанциальным пониманием Бога и искаженным пониманием буддистской лексики. Кроме того, выявлено поверхностное следование современных тувинцев религиозно-культурным традициям своего этноса. Анализируются причины линейной возрастной зависимости в картине мира респондентов, где старшие поколения сохраняют приверженность к марксистской диалектико-материалистической мировоззренческой системе и в то же время проявляют стремление к более глубокому изучению автохтонной религиозной традиции. Особой категорией оказались респонденты до 18 лет, так как в их понимании обнаруживается кардинально отличная интерпретация религиозных понятий и систем. Подчеркнуто влияние атеистической модели марксизма, не выходящей за границы субстанциальной теистической картины мира, на развитие тувинской культурно-исторической традиции. Обозначены перспективы проведения философско-антропологических исследований религиозной составляющей тувинской культурно-исторической традиции.

Ключевые слова: традиционная культура; тувинская культура; глобализация; философская антропология; шаманизм; буддизм; субстанциализм

Для цитирования: Данчай-оол А. А., Адыгбай Ч. О. Развитие религиозных верований тувинцев в условиях глобализации // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 106-115. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-8

A. Danchay-ool[1], Ch. Adygbay[2]

Development of religious beliefs of Tuvans in the conditions of globalization

[1]Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, 1 Zheleznyak St., Krasnoyarsk, 660022, Russia; *dayas@inbox.ru*
[2] Independent Researcher, apt. 2, 13 Akademicheskaya St., Novosibirsk, 630090, Russia; *adygbay@yandex.ru*

Abstract. The article reveals the dialectics of the historical development of the religious faith of the Tuvans in the dialogue of autochthonous and European cultures. The results of a pilot online survey of the population of the Republic of Tyva, conducted in January 2022, in which 759 people took part, are presented. The survey was conducted as part of the search for confirmation of the hypothesis about the presence of transformational processes in the system of religious belief of Tuvans under the influence of the processes of modernization and globalization. The results revealed contradictions in the ideas of modern Tuvans about religion, operating with a substantial understanding of God and a distorted understanding of Buddhist lexicology. In addition, superficial adherence to religious and cultural traditions by modern Tuvans was revealed. The features of the dynamic development of the religious faith of modern Tuvans are revealed. The reasons for the age linear dependence in the world view of the respondents are analyzed, in which the older generations remain committed to the Marxist dialectical-materialist worldview system and at the same time show a desire for a deeper study of the autochthonous religious tradition. Respondents under 18 turned out to be a special age category, since their understanding reveals a radically different interpretation of religious concepts and systems. The influence of the atheistic model of Marxism, which does not go beyond the boundaries of the substantial theistic picture of the world, on the development of the Tuvan cultural and historical tradition is emphasized. The prospects for conducting philosophical and anthropological studies of the religious system of the Tuvan cultural and historical tradition are outlined.

Keywords: traditional culture; Tuvan culture; globalization; philosophical anthropology; shamanism; Buddhism; substantialism

For citation: Danchay-ool A., Adygbay Ch. (2022), “Development of religious beliefs of Tuvans in the conditions of globalization” *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 106-115, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-8

Начало XXI века выявляет множество противоречивых и сложных процессов в развитии культур; подтверждения данного тезиса обнаруживаются и в тувинской культуре. Истоки этого процесса выявляются в начале XX века, когда в тувинскую котловину стремительно проникает иная традиция, начинается процесс диалога тувинской культуры, восточной в своей сути, с европейской культурой, основанной на понятиях и категориях, и оперирующей субстанциальным взглядом на трансцендентальные основы бытия и человека. Это проявилось в проникновении в тувинскую культуру новых предметов быта, методов хозяйствования, политизации социальной жизни, формировании новых экономических отношений. С момента модернизации происходит

секуляризация духовенства, распад синкретичности мировоззрения и формирование автономных культурных, социальных и политических сфер.

Религиозные верования имеют фундаментальное значение в культуре, основанной на приверженности традициям. Именно они формируют поле функционирования мысли и познания окружающего мира. Детально система автохтонных религиозных верований тувинцев раскрыта во множестве трудов исследователей тувиноведов. Однако согласно замечанию Ч.К. Ламажаа (см.: Ламажаа, 2021: 149), предметом научных исследований, посвященных тувинской культуре, не является ее современное состояние. Кроме того, в научной литературе не раскрыта проблема глубины трансформации современной тувинской культуры, а также положительные и негативные стороны этого процесса (см.: Kuzhuget, 2018). В этом аспекте актуальный результат трансформации традиционных автохтонных религиозных верований тувинцев является проблематикой, проявляющей новые феномены современной тувинской культуры.

Религиозные верования тувинцев сформированы в конструкте синкретичного единства шаманизма и буддизма (Хомушку, 1998: 177). Между тем, вследствие модернизации всех сфер тувинского общества по советскому проекту и глобализационной унификации культуры с необходимостью должны были начаться трансформационные процессы религиозных верований (см.: Фельдман, 2013). Более того, прямое насаждение атеистической идеологии и борьба с религией сдвигали акценты феноменов культуры в памяти тувинцев. Нами выдвинута гипотеза, что в XX веке конструкт шаманизма и буддизма был трансформирован онтологическими основами христианства, основанными на субстанциальном понимании Бога и человека. Конечно, явно христианская онтология не прививалась тувинцам, но она составляет фундамент атеистического материализма, в которой субстанция материи «определяет мышление». Кроме того, в период постсоветской жизни тувинского общества произошла экспансия протестантизма на атеистическое общество тувинцев, что также оставило определенные следы в картине мира (см.: Бадмаев и др., 2006: 112). Проявление европейского субстанциализма в понимании онтологических понятий (а точнее, религиозных понятий) тувинцами ранее не являлось предметом исследований. Этот факт позволил нам выдвинуть гипотезу о проявлении этого феномена и провести пилотный опрос населения. Целью опроса являлось определение признаков наличия в верованиях тувинцев сущностно противоречивых тезисов, которые приводят к непониманию и ошибочной интерпретации автохтонных культурно-религиозных феноменов (см.: Данчай-оол, Даваа, 2022). На основании данного исследования мы определили перспективность темы для дальнейшего более детального исследования.

Актуальность работы проявляется в необходимости детального понимания процесса трансформации традиционных культур в новейшее время. Культурно-исторические традиции обнаруживают свою автономность в процессе диалога культур, а также создают новые феномены, которые раскрываются в общественном сознании в противоречивых и сложных формах. Намечаются перспективы новых форм развития культуры, в которых простое возвращение к корням не может качественно изменить социально-культурную систему.

Теоретико-методологическую основу работы составляет философская антропология в ее попытке раскрытия полноты бытия человека в его конкретности. Раскрытие процесса диалога культур в развитии тувинской культуры в работе осуществлено на основе подходов М.М. Бахтина и В.С. Библера. Социально-философский анализ тувинской культуры в данном исследовании опирается на труды О.М. Хомушку, Ч.К. Ламажаа, А.К. Кужугет. Онтологические и метафизические основы буддистской философии проанализированы на основании трудов Е.А. Торчинова, И.С. Урбанаевой, Л.Е. Янгутова.

Для определения достоверности выдвинутой гипотезы нами был проведен пилотный онлайн-опрос тувинцев с использованием системы анкетирования Google форм с 31.12.2021 по 09.01.2022. Всего в опросе получено 759 ответов[1]. Анкета была составлена на русском языке с уточнениями на тувинском языке. Распространение анкеты опроса проводилось в самых значительных группах и пабликах мессенджера «Viber» (в виду его популярности в регионе), абсолютное большинство членов и подписчиков которых составляют тувинцы, а также посредством помощи коллег и представителей научного сообщества Республики Тыва. Вводные вопросы анкеты выявили уровень образования, принадлежность к одной из семи возрастных категорий: до 18 лет (17 ответов), до 25 лет (87 ответов), до 30 лет (43 ответа), до 35 лет (68), до 45 лет (183 ответа), до 60 лет (262 ответа), от 60 лет и старше (99 ответов). Далее в соответствии с выбранной возрастной категорией анкетируемые автоматически распределены в различные разделы формы, что позволило выявить различия в ответах для каждой категории. Разделение по возрастным категориям позволило косвенно определить динамику трансформации мировоззрения в отношении религиозных основ.

С точки зрения требований социологии к содержанию вопросов и ответов может быть выдвинуто множество критических замечаний, но предмет исследования все-таки является не социологическим, а философско-антропологическим, что и позволяет интерпретировать результаты исследования без критики релевантности. Вопросы были нацелены на определение понимания тувинцами значения слова «Бурган», понимания персоны Будды Шакьямуни, понимания возникновения мира, определения различий в понимании Бога в христианстве и буддизме, толкования ими эсхатологических идей и иных религиозно-мировоззренческих нюансов.

Первый вопрос анкеты был направлен на выявление владения респондентов тувинским языком. Независимо от возраста абсолютное большинство анкетируемых говорят о высоком уровне владения тувинским языком. Наименьшее значение варианта ответа «Да, владею (говорю, читаю, пишу)» в 82,4 % выявлено в возрастной категории до 18 лет. Это подтверждает известный факт, что тувинцы обладают высоким уровнем владения родным языком, и им доступны слова, означающие базовые структуры духовной сферы. В то же время, согласно С.С. Ооржак большая часть буддистской лексики остается непонятной тувинцам (Ооржак, 2019).

На вопрос «Являетесь ли вы верующим человеком?» во всех возрастных категориях от 50 % до 60 % выбрали вариант ответа: «Да, но храмы не посещаю или посещаю редко». От 25 % до 38 % опрошенных на этот вопрос выбрали ответ: «Да, постоянно посещаю службы». Около 15 % респондентов не смогли точно ответить на вопрос или определили себя в число атеистов.

Следующий вопрос был направлен на выявление степени религиозности тувинцев: «Как вы считаете, насколько религиозны тувинцы?». Разные возрастные категории выразили альтернативные точки зрения. Почти 53 % молодых людей до 18 лет не смогли определенно ответить на поставленный вопрос и выбрали вариант: «Не знаю, сложно ответить на вопрос». Такой же вариант в остальных возрастных категориях выбрало от 20 % до 30 %. Выбор варианта ответа «Слабо религиозны, только выполняют обряды, не вникая в суть учения» увеличивался линейно в зависимости от возрастной категории от 38 % (до 25 лет) до 57 % (от 60 лет и старше). Соответственно линейно снижается доля ответов «Очень религиозны, тщательно и глубоко изучают религиозные учения»: от 30 % до 11 %. В итоге выявляется качественное развитие религиозных верований тувинцев в ходе взросления, в котором обнаруживается

[1] См.: https://disk.yandex.ru/i/HOMmE80yIYd1vg.

необходимость вникания в суть учений и преодоления поверхностного следования традициям. Определение религиозной принадлежности россиянами является фактором культурной самоидентификации (см.: Пронина, 2012). При этом обособленное понимание текущей ситуации самой молодой категорией до 18 лет может стать признаком качественно отличного восприятия ими проблематики исследования.

Далее был предложен вопрос: «Лично вы какой веры придерживаетесь?». Во всех возрастных категориях от 67 % до 81 % респондентов выбрали ответ «И шаманизм, и буддизм (верю и ламам, и шаманам)». Таким образом, в соответствии с результатами множества исследований (см.: Чаажытмаа, 2012), основная часть тувинского населения стихийно причисляет себя в религиозном плане к последователям синкретичного единства аутентичного шаманизма и буддизма в форме ламаизма. Также установлено, что во всех возрастных категориях респондентов, выбравших вариант ответа «Строгий буддизм (к шаманам не обращаюсь и не верю им)», было от 9 % до 23 %. В целом, по совокупности всех ответов на поставленный вопрос во всех возрастных категориях, можно определить, что около 90 % респондентов причисляют себя к приверженцам буддизма. Последующие вопросы выявляли качественное содержание религиозных верований респондентов.

Одной из важных задач исследования являлось выявление знания и понимания божественных имен. Для этого респондентам был поставлен вопрос: «Как Вы считаете, Бурган – кто это?». В возрастных категориях от 18 лет и старше вариант ответа «Бог, создавший мир и человека (Чаяакчы-бурган)» выбрали 63-66 %. Вариант ответа «Просветленный» выбрали от 18 до 27 %. В то же время в возрастной категории до 18 лет распределение было иным: 86,7 % выбрало вариант «Бог, создавший мир и человека (Чаяакчы-бурган)», а 6,7 % выбрало вариант «Просветленный». Как известно, этимологически данное слово-понятие определяется большинством исследователей как историческая трансформация имени «Будда»[2]. При этом важно отметить, что понимание Бога в авраамических религиях и в буддизме кардинально отличается. Данное противоречие не проявляется в общественном сознании тувинцев, что является следствием процесса диалога культур и постепенного формирования новой традиции.

На вопрос: «Кем, по вашему мнению, является Будда Шакьямуни?» в возрастных категориях от 18 лет и старше также линейно увеличивалась доля ответов «Человек, достигший Просветления (Чырык Деннел четкен кижи)» от 46 % до 68 %.

Проблеме возникновения мира в анкете был посвящен вопрос: «Согласно буддизму, как возник мир?». В возрастных категориях от 18 лет и старше вариант ответа «Бог сотворил (Бурган чаяап каан)» выбрали от 35 % до 50 % респондентов. Вариант ответа «Буддизм не отвечает на этот вопрос (не имеет смысла)» в возрастных категориях от 25 лет и старше выбрали от 24 % до 28 %. В возрастной категории от 18 до 25 лет 16,1 % респондентов выбрали вариант «Буддизм не отвечает на этот вопрос (не имеет смысла)». В возрастной категории до 18 лет вариант «Бог сотворил (Бурган чаяап каан)» выбрали 58,8 % респондентов. В этой же категории вариант ответа «Буддизм не отвечает на этот вопрос (не имеет смысла)» выбрали 11,8 %.

Относительно личного восприятия сверхъестественного в анкете был поставлен вопрос: «По вашему убеждению, Бог один?». В возрастных категориях от 18 до 35 лет выбор варианта «Бог один» изменялся линейно в меньшую сторону с 49 % до 41 %. А в возрастных категориях от

[2] Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Электронный ресурс] URL: http://myths.kulichki.net/enc/item/f00/s06/a000696.shtml

35 лет и старше, наоборот, наблюдался линейный рост этого варианта ответа от 41 % до 63 %. Молодые люди до 18 лет так же кардинально отличались в своем выборе, как и в предыдущих вопросах: 47 % выбрали вариант «Богов много», и 17 % выбрали вариант «Бог один».

Следующий вопрос: «Бог в буддизме и христианстве отличается или нет?» выявил уже ожидаемое линейное снижение выбора варианта ответа «Бог совершенно по-разному понимается в этих религиях» в возрастных категориях от 18 лет и старше от 39 % до 17 %. Поэтому так же линейно увеличивается выбор в этих категориях от 43 % до 73 % ответа «Бог один, и имеет разные имена в разных религиях». 65 % молодых людей до 18 лет в этом вопросе выбрали вариант ответа «Бог один, и имеет разные имена в разных религиях». 29 % в этой же возрастной категории выбрали вариант ответа «Бог совершенно по-разному понимается в этих религиях».

Для выяснения глубины изучения тувинцами основ буддизма, формирующего основную религиозную лексику в тувинском языке, респондентам был представлен вопрос «Изучаете ли вы подробно учение буддизма?». В возрастных категориях от 18 лет и старше линейно от младших категорий к старшим повышается доля выбора варианта ответа «Нет, делаю то, что делают другие (посещаю храмы (хүрээ) и участвую в обрядах)» от 31 % до 56 %. В то же время выбор варианта «Мне что-то рассказывали старшие, дальше не изучал (а)» в этих же категориях линейно снижается от младших категорий к старшим возрастным категориям от 36 % до 18 %. Результаты данного пилотного опроса соответствуют результатам исследования Тензин Ч.М.-Х. (Тензин, 2018). Старшие поколения подражают окружающим в религиозном поведении и в то же время проявляют критическое отношение к степени религиозности соотечественников. Интуитивно ими схватывается необходимость преодоления поверхностного следования историческим традициям и формирования осознанного изучения автохтонной религиозной системы.

Нами выяснено, что постепенный переход человека в более старшие возрастные категории повышает степень интереса и глубины понимания религиозной лексики. Сильное отклонение в понимании религиозных понятий молодыми людьми до 18 лет может означать наличие большого влияния современной массовой культуры, сформированной под влиянием глобальной виртуальной среды общения. Кроме того, это может быть свидетельством кардинально иной интерпретации феноменов тувинской культуры.

В целом, гипотеза, выдвинутая перед проведением опроса, была подтверждена. С момента формирования независимой Тувинской Народной Республики в 1921 году культура претерпевает сильное внешнее политическое воздействие и переходит к процессу ускоренной модернизации. В республике создается идеологическая система, основанная на материалистическом атеизме советского образца, истоки которого содержатся в европейской культурной традиции.

Фундаментальные основы этой идеологической системы необходимо прояснить в целях определения ее влияния на все последующее развитие тувинской культурно-исторической традиции. Развитие европейской философской и социальной мысли при всех попытках создать атеистическое или строго рациональное знание не смогло выйти за рамки концептуальных основ субстанциализма, сформулированных в античной традиции, интерпретированных в эллинистической неоплатонической философии и синтезированных христианским богословием. Абсолютный идеализм немецкой классической философии цементировал эти концептуальные основы и субстанциализм в системе тотальной телеологии, что предельно искусно было использовано в марксистской идеологической системе. Модернизация культуры, экономики, политики Тувинской Народной Республики с 1920-х гг. происходила в ментально-языковых рамках формационного подхода марксистской идеологии, которая без восхождения к

конкретности феноменов тувинской культуры попыталась привить новую картину мира в отрыве от многовековой ценностной культурно-исторической традиции. Атеизм марксистской идеологии внутренне основывался на теистических концептах, позволяющих выявить телеологический характер всемирного исторического процесса. Даже в интерпретации диалектического материализма стремление сформулировать внутренне целостную концепцию становления неограниченного в познании субстанциального человека не позволило гармонично проанализировать неевропейские культуры, что в свою очередь является одной из важнейших черт кризиса глобализма, основанного на ценностях европейской цивилизации.

Идея Бога-творца, прямо не сформулированная, но заключающаяся в особом механизме взаимоотношения субстанциального человека с природой, социумом и политической системой, косвенно привита людям в системе европейской традиции образования (см.: Урбанаева, 2012). Простая подмена субстанции «Бога-творца» субстанцией «материи», осуществленная в атеистическом проекте марксизма, с точки зрения влияния на мировоззренческие установки народов традиционной культуры, не имеет значения (см.: Поросенков, Шишкина, 2020). Именно поэтому теистическая картина мира укоренилась в онтологической системе современных тувинцев.

Проблематичным для осмысления современными тувинцами является вопрос о Боге. И здесь необходимо разделять разные интерпретации этого понятия: субстанциальный Бог-творец, бог-дух, Бог-Будда. В этой ситуации определенное значение имеет ошибочный перевод религиозных текстов буддизма. Исторически тувинцы принадлежат к народам традиционной культуры, оперирующим натуралистическими паттернами в мировоззрении. В таких условиях объективно не было необходимости в создании всеохватной системы познания и мировоззрения, что влияет на локус мысли. Отсутствие тотального аналитического мышления у тувинцев приводит к простому оперированию понятиями в современности, которые дает глобализированная культура. Мышление тувинцев исторически в большей степени направлено на циклическую динамику и диалектичность природных процессов. Человек в своей сущности в традиционной тувинской культуре не разделялся на составляющие части (личность, индивид, индивидуальность) (см.: Данчай-оол, Монгуш, 2020).

Понимание Бога как Абсолюта в западном мировоззрении неизбежно требует поиска таких же абсолютных и трансцендентальных основ мышления. Поэтому европейская философия оперирует абсолютными образами (от Платона с идеей вечной души до Г.В.Ф. Гегеля с абсолютной идеей). Восточное мышление видит мир как бесконечный процесс, что присуще и тувинской культуре, опирающейся в построении своей картины мира на весь комплекс природных процессов. Однако в диалоге культур современности происходит переплетение двух традиций мышления, что проявляется в противоречивом понимании человеком себя и общества в тувинской культуре. В результате тувинцы оперируют «внешним» способом изучения буддизма, который основан на субстанциализме европейской традиции (см.: Янгутов, Урбанаева, 2015). Именно субстанциальное понимание Бога и личности человека составляют фундамент европейской картины мира. Конечно, большое значение имеет различие между авраамическими религиями и буддизмом. Например, категория «пустоты» является прямым доказательством отсутствия субстанциального мышления в буддистской философии (см.: Kang, 2018). Религиозные системы, основанные на самопричинном субстанциальном Боге, с необходимостью апеллируют к вере в виду раскрытия бытия в Абсолюте и понимания ограниченности человека в картине мира. В буддизме мировоззрение основано на учении, которое обосновывается аксио-

логически и логически. Для буддизма принципиальным является логическое обоснование пути к освобождению из сансары, что естественным образом отбрасывало проблематику причины и основы бытия, а также проблематику креационизма. Именно по этой причине в учении Будды отсутствует определенный ответ на вопрос о сотворении вселенной Богом-творцом (см.: Уланов, 2014).

Диалог европейской рациональной культуры с восточной созерцательной в тувинском обществе в идеальном варианте должен был привести к более глубокому пониманию духовных основ буддистской культуры. Но на современном этапе происходит синтез буддистско-натуралистической картины мира с европейской онтологией и теологией. В целом, такая ситуация соответствует концепции В.С. Библера, согласно которой культура является сферой общения многих поколений и многих народов (см.: Библер, 1991: 288). Однако с другой точки зрения, согласно И.С. Урбанаевой (Урбанаева, 2011), теистическое восприятие буддизма приводит к искаженной интерпретации его потенциала. Такие искажения возникают, в том числе, под влиянием научного метода, который рожден в европейской традиции (см.: Berezin, 2018). Утрата преемственности в развитии и последующее возрождение буддизма в Туве приводят к сложным процессам развития религиозных верований тувинцев. И на данный момент ее содержание соответствует общероссийской тенденции, в которой религиозность россиян носит поверхностный характер (см.: Пронина, 2012). Определенная динамика в понимании буддистской лексики и наличие рефлексивной критики у респондентов дает нам понять, что стремление к сохранению аутентичной культурно-исторической традиции может привести к осознанному изучению религиозной системы тувинцев. Именно в таком аспекте диалектика межкультурного взаимодействия может заново возродить на совершенно ином качественном уровне автохтонные религиозные верования.

Наличие таких взаимоисключающих тезисов в религиозной системе тувинцев выявляет динамичность культурно-исторической традиции, при этом сохранение стремления к познанию автохтонной религиозной системы позволяет делать вывод о том, что развитие тувинской культурно-исторической традиции будет продолжено и в будущем, и развиваться оно будет не в простом воссоздании древних образов, а в синтезе уникальной картины мира.

Таким образом, в процессах модернизации, глобализации и диалога культур в тувинскую культуру проникли теистическая картина мира, субстанциализм, идеи универсализма, тотального мышления и антропоцентризма. В синтезе локального мышления тувинской культуры и идеологии марксистского учения возникла почва для множества противоречий мышления, что ярче всего подчеркивает понимание тувинцами Бога, Будды.

В результате проведенного исследования выявляется широкий пласт философско-антропологической проблематики. Необходимо детально проанализировать интерпретации религиозно-культурных феноменов тувинцами, посредством чего прояснить перспективу трансформации традиционной культуры. Возможно проведение обширных и детальных переводов на тувинский и русский языки слов, раскрывающих религиозную лексикологию. Востребованной является разработка актуальной и полной интерпретации фундаментальных понятий, позволяющей сформировать целостную культурно-просветительскую политику.

Литература

Бадмаев А.А., Адыгбай Ч.О., Бурнаков В.А., Маншеев Д.М. Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность: монография. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2006. 158 с.

Библер, В.С. От наукоучения - к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 412 с.

Данчай-оол, А.А., Даваа, Е.К. Антропологические проблемы традиционной культуры

(на примере тувинской культуры) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3. С. 51-57.

Данчай-оол, А.А., Монгуш, С.О. Перспективы развития педагогических идей тувинской культуры в эпоху глобализации // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 5. С. 138-142.

Ламажаа, Ч.К. Очерки современной тувинской культуры. СПб.: Нестор-История, 2021. 192 с.

Ооржак, С.С. Лексика буддизма в тувинском языке // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 572-574.

Поросенков, С.В., Шишкина, М.К. Теизм и атеизм: гносеологическое тождество в различии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 4. С. 560-568.

Пронина, Т.С. Религиозность современных россиян: смена форм или содержания? // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 9. С. 312-319.

Тензин, Ч.М.-Х. Буддизм в духовной жизни тувинского общества // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 3. С. 87-93.

Уланов, М.С. Основные категории буддийской культуры в контексте компаративистики // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. 2014. № 2 (39). С. 286-293

Урбанаева, И.С. Трансформация парадигмы тибетологии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2011. № 7. С. 8-13.

Урбанаева, И.С. Что такое философия в контексте проблемы реальности и сознания: введение в сравнительный анализ буддизма и философской традиции Запада // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 14. С. 4–11.

Фельдман, В.Р. Идеология в процессе деградации и кризиса традиционного общества народов Центральной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 14. С. 145-153

Хомушку, О.М. Религия в истории культуры тувинцев. М.: Наука, 1998. 177 с.

Чаажытмаа, А.Б. Синкретизм буддизма и шаманизма в Туве // Новые исследования Тувы. 2012. № 3 (15). С. 129-132.

Янгутов, Л.Е., Урбанаева, И.С. Об актуальности совмещения «Внешнего» и «Внутреннего» подходов в исследовании буддизма // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 6. С. 144-152.

Berezin, P.A. A study of historical and current development of Russian Buddhism // Journal of International Buddhist Studies Vol. 10. No. 1 (June 2019). С. 31-48.

Kang, C. Emptiness and Presence in a Non-substantialist Formulation of Trinitarian Doctrine: A Trialogue of Madhyamika, Abe, and Torrance // Journal of Reformed Theology. 2018. Т. 12. № 2. С. 127-142.

Kuzhuget, A.K. Tuvan traditional culture as a Socio-Historical phenomenon // Polylinguality and Transcultural Practices. 2018. Vol. 15. No 4. С. 632-637.

References

Badmaev, A. A., Adygbay, Ch .O., Burnakov, V. A. and Mansheev, D. M. (2006), *Protestantizm i narody Yuzhnoy Sibiri: istoriya i sovremennost* [Protestantism and the Peoples of Southern Siberia: History and Modernity], Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, (in Russ.).

Berezin, P. A. (2019), “A study of historical and current development of Russian Buddhism”, *Journal of International Buddhist Studies*, 10 (1) (June 2019), 31-48.

Bibler, V. S. (1991), *Ot naukoucheniya - k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervy vek* [From Science to the Logic of Culture: Two philosophical introductions into the twenty-first century], Politizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Chaazhytmaa, A. B. (2012), “Syncretism of Buddhism and Shamanism in Tuva”, *New Research of Tuva*, 3 (15), 129-132 (in Russ.).

Danchaj-ool, A. A., Davaa, E. K. (2022), “Anthropological problems of traditional culture (the case of Tuvan culture)”, *Society: Philosophy, History, Culture*, 3, 51-57 (in Russ.).

Danchaj-ool, A. A., Mongush, S. O. (2020), “Prospects of The Tuvan culture’s pedagogical ideas development in the globalization age”, *Manuskript*, 5, T. 13, 138-142 (in Russ.).

Feldman, V. R. (2013), “Ideology in the process of degradation and crisis of the Traditional Society of the peoples of Central Asia”, *Bulletin of Buryat State University*, 14, 145-153 (in Russ.).

Homushku, O. M. (1998), *Religiya v istorii kul'tury tuvintsev* [Religion in history of culture of Tuvans], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Kang, C. (2018), "Emptiness and Presence in a Non-substantialist Formulation of Trinitarian Doctrine: A Trialogue of Madhyamika, Abe, and Torrance", *Journal of Reformed Theology*, 12 (2), 127-142.

Kuzhuget, A. K. (2018), "Tuvan traditional culture as a Socio-Historical phenomenon", *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 632-637.

Lamazhaa, Ch. K. (2021), *Ocherki sovremennoy tuvinskoy kul'tury* [Essays on modern Tuvan culture], Nestor-Istoriya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Oorzhak, S. S. (2019), "The vocabulary of Buddhism in the Tuvan language", *The world of science, culture and education*, 6, 572-574 (in Russ.).

Porosenkov, S. V. and Shishkina, M. K. (2020), "Theism and atheism: epistemological identity in difference", *Perm university herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, 4, 560-568 (in Russ.).

Pronina, T. S. (2012), "Religion of modern Russians: change of form and content", *Tambov University Review. Series: Humanities*, 9, 312-319 (in Russ.).

Tenzin, Ch. M.-H. (2018), "Buddhism in the Spiritual Life of Tuvan Society", *Bulletin of Buryat State University*, 3, 87-93. (in Russ.).

Ulanov, M. S. (2014), "The main categories of Buddhist culture in the context of comparative studies", *The Caspian region: Politics, Economics, Culture*, 2 (39), 286-293 (in Russ.).

Urbanaeva, I. S. (2011), "Transformation of the Paradigm of Tibetology", *Transbaikal State University Journal*, 7, 8-13 (in Russ.).

Urbanaeva, I. S. (2012) "What is Philosophy in the context of the Problem of Reality and Consciousness: An Introduction to the Comparative analysis of Buddhism and the Philosophical tradition of the West", *Bulletin of Buryat State University*, 14, 4-11 (in Russ.).

Yangutov, L. E. and Urbanaeva, I. S. (2015), "On the Relevance of Combining "External" and "Internal" Approaches to the Study of Buddhism", *Bulletin of Buryat State University*, 6, 144-152 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Данчай-оол Аяс Анатольевич, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, ул. Партизана Железняка, д. 1, г. Красноярск, 660022, Россия; *dayas@inbox.ru*

Адыгбай Чечек Ондаровна, кандидат философских наук, независимый исследователь; ул. Академическая, д. 13, кв. 2, г. Новосибирск, 630090, Россия; *adygbay@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Ayas A. Danchay-ool, Candidate of Philosophy, Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, 1 Zheleznyak St., Krasnoyarsk, 660022, Russia; *dayas@inbox.ru*

Chechek O. Adygbay, Candidate of Philosophy, Independent Researcher; apt. 2, 13 Akademicheskaya St., Novosibirsk, 630090, Russia; *adygbay@yandex.ru*

УДК 7201. +7203 **DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-9**

Портнова Т. В.

Проблемы использования дизайнерских решений при оформлении культурного пространства больших и малых городов

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, ул. Садовническая, д. 33, г. Москва, 117997, Россия; *infotatiana-p@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается городская среда в аспекте проблем использования дизайнерских решений в современной культурной картине развития преимущественно российских городов. Автор отмечает, что более половины населения мира уже проживает в городских центрах, и через два десятилетия эта цифра составит более 60 %. К 2039 году наш мир станет домом как минимум для сорока трех мегаполисов – городских районов с населением более десяти миллионов человек. Основываясь прежде всего на историко-культурном, а также на архитектурно-композиционном, стилистическом, морфологическом и типологическом видах анализа, автор обращается к постсоветским дизайнерским решениям, периодам 1990-х, 2000-х гг. и периоду после 2010-х гг. Особую важность в работе имеют такие методологические принципы, как принцип разнообразия в единстве, учет регионального своеобразия и хронологическая последовательность. Делается вывод о том, что большое значение в нынешних культурных тенденциях следует придавать архитектурно-строительным традициям нации и территориям, обеспечивающим преемственный подход к визуальному облику поселений и городов. При этом дизайнерские решения, включающие изобразительную, абстрактно-ассоциативную группу пластических искусств и декоративно-художественные свойства материалов способны создать единую эстетически оформленную и благоприятную среду для человека.

Ключевые слова: дизайнерские решения; оформление городов; культурное пространство города; большие города; малые города; развитие городов; развитие территорий

Для цитирования: Портнова Т. В. Проблемы использования дизайнерских решений при оформлении культурного пространства больших и малых городов // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 116-128. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-9

T. V. Portnova

Problems of using design solutions in the design of cultural space of large and small cities

Kosygin Russian State University, 33 Sadovnicheskaya St., Moscow, 117997, Russia; *infotatiana-p@mail.ru*

Abstract. The article examines the urban environment in the aspect of the problems of using design solutions in the modern cultural picture of the development of mainly Russian cities. The author notes that more than half of the world's population already

lives in urban centers, and in two decades this figure will be more than 60 %. By 2039, our world will be home to at least forty-three megacities – urban areas with a population of more than ten million people. Based primarily on historical and cultural, as well as architectural and compositional, stylistic, morphological and typological analysis, the author turns to post-Soviet design solutions, the periods of the 1990s, 2000s. and after the 2010s, methodological principles such as the principle of diversity in unity, regional uniqueness and chronological sequence are used at each stage of the study. It is concluded that great importance in the current cultural trends should be given to the architectural and construction traditions of the nation and territories that provide a consistent approach to the visual appearance of settlements and cities. At the same time, design solutions that include a visual, abstract-associative group of plastic arts and decorative and artistic properties of materials are able to create a single aesthetically designed and favorable environment for a person.

Keywords: design solutions; design of cities; cultural space of the city; big cities; small towns; urban development; development of territories

For citation: Portnova T. V. (2022), "Problems of using design solutions in the design of cultural space of large and small cities", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 116-128, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-9

Введение

Если рассматривать общий культурный аспект средовой проблематики, свойственной постмодернистской картине мира, то следует отметить, что интерес к городской среде, которая сформировалась исторически, весьма высок. Этот интерес неразрывно связан с особенностями культурно-исторического наследия как больших, так и небольших и средних городов. Наследие это далеко не всегда представлено знаковыми историческими и культурными памятниками; как правило, особенности городов обусловлены прежде всего архитектурным пространством. При этом не все города являются предметом активного исследования. Однако для того чтобы создать единую пространственно-временную картину становления архитектуры и дизайна в нашей стране, необходимо заниматься тщательной проработкой данной темы. В соответствии со сформировавшейся в советскую эпоху традицией архитектуру каждого российского региона принято рассматривать отдельно, в отрыве от остальных. Это во многом было обусловлено барьерным, как отмечал В.Л. Каганский, характером административных границ между разными российскими регионами. Но важно помнить, что единую картину становления отечественной архитектуры нельзя сводить только к совокупности столичной и региональной архитектуры. Нынешней социокультурной ситуации свойственен переход к новой стадии осмысления важности дизайна и архитектуры. Эта сфера обладает огромным потенциалом и является очень востребованной, но при этом весьма хрупкой и уязвимой в условиях активно меняющейся картины мира.

Материалы и методы настоящего исследования обусловлены особенностями интегральной тематики статьи, находящейся на пересечении культурологии, дизайна и архитектуры. Для того чтобы решить поставленные задачи, необходимо использовать методы историко-архитектурных исследований. Анализируя градостроительный компонент, мы воспользовались такими методами, как градостроительный анализ, ландшафтный анализ, ретроспективный анализ. При изучении архитектурных объектов использовались архитектурно-композиционный анализ, стилистический анализ, морфологический и типологический анализ. На

каждой стадии исследования мы обращались к таким методам, как сравнительный и историко-культурный анализ.

В данной статье мы взяли за основу следующие методологические принципы:

- принцип разнообразия в единстве, согласно которому анализируемые города рассматриваются как единая территориальная структура, составляющие которой обладают общими и отличительными чертами;

- региональное своеобразие, подразумевающее различия в градостроительных традициях разных регионов и в используемом дизайне; эти отличия обусловлены факторами национально-культурного, экономического и географического порядка;

- хронологическая последовательность.

Вначале обратимся к обзору историко-теоретических исследований, касающихся дизайна, архитектуры, градостроительства небольших и средних российских городов, а также вопросов охраны наследия этих городов.

В общем виде такие вопросы, как градостроительное проектирование малых городов, их расположение в системах расселения рассматривал в своих работах Е.М. Марков. Воздействие факторов градообразующего характера на архитектурно-планировочное устройство небольших исторических городов и вопросы преемственного развития этих городов изучала в своих трудах М.С. Гнедовская.

В числе ученых, специализировавшихся на отдельных городах, следует выделить работы таких исследователей, как Е.Б. Долгов (Чистополь), С.С. Попадюк (Елабуга, Плес, Свияжск), Э.А. Шевченко (Дмитров), Е.В. Гевель (Енисейск), Б.М. Матвеев (Сестрорецк) и пр. Отдельные стороны архитектуры, дизайна и градостроительства небольших и средних городов российских регионов рассматривались в трудах таких исследователей, как Н.Н. Ляпцев, В.И. Симиненко, Л.П. Холодова, Л.Н. Вольская, Н.А. Попова, В.И. Есаулов, В.В. Куликов, А.В. Лисицына, Е.В. Пономаренко, Б.М. Матвеев и др.

Результаты

1. Понятие архитектуры и дизайна в реновации малых и средних исторических городов

С глубокой древности города представляли собой главные очаги цивилизации, экономического, культурного и общественного развития. Для архитекторов и градостроителей город – это основное пространство, в котором они могут использовать свои творческие и профессиональные навыки. Обращаясь к вопросам создания городской среды, рассматривают, как правило, какой-либо один аспект проектных, строительных и организационных работ, ориентированных на горожан, на их восприятие и отношение. В связи с этим осуществление целенаправленной эстетической деятельности в проектировании городов всегда подразумевает необходимость сформировать городскую среду. Кроме того, такая деятельность связана с остальными сферами эстетизации, такими как промышленная эстетика, монументальное искусство и городской дизайн (Гельфонд, 2019: 26).

Рассмотрим *практический аспект реновации небольших и средних исторических городов.* Надо отметить, что исторический центр некоторых из этих городов ЮНЕСКО включила в Список Всемирного наследия. В частности, это города Чески Крумлов, Тельч, Кутна Гора в Чехии, Авиньон во Франции, Урбино, Сиена, Сан-Джиминьяно в Италии, Толедо, Сеговия, Сантьяго-де-Компостела, Авила в Испании, Регенсбург и Бамберг в Германии, Несебр в Болгарии, Брюгге в Бельгии и пр. В качестве объектов Всемирного наследия выступают и целые города, обладающие уникальным характером (Rodwell, 2002; Roland, 1992; Petrovi, Boltižiar, Rakytová, Tomčíková, Pauditšová, 2021; Turtinen, 2000). В частности, это Венеция, Виченца, Верона, Ассизи в Италии, Каркассон во Франции, Бат в Великобритании. Когда принимается решение о том, чтобы включить в Список Всемирного наследия подобный объект, внимание обращается прежде всего на существование характеристик культурного наследия, взятых в

комплексном формате, и на потребность в их сохранении (Black, Wall, 2001; Sarah, 1995; Munjeri, 2004). В числе таких характеристик – единая градостроительная композиция, неотделимая от окружающего ландшафта, исторически сформировавшийся архитектурный облик, традиционный экономический профиль, образ жизни, духовная область – все то, что обусловливает индивидуальный характер и уникальную культурную значимость конкретного города (рис. 1).

Рис. 1. Вид на площадь Сан-Марко. Венеция[1]
Fig. 1. View of Piazza San Marco. Venice

2. Постсоветские решения при оформлении культурного пространства больших и малых городов

После того как закончилась перестройка, СССР распался и наступило очередное затишье в строительной сфере, произошли, как казалось, положительные изменения в общекультурном контексте. В первую очередь, стало заметным усиление самоидентификации большинства малых и средних городов, которые были признаны историческими, то есть имеющими важное историко-культурное наследие. В середине 1990-х годов власти стали постепенно восстанавливать разрушенные в период СССР здания церквей, не полностью утраченные. Практически все они были возвращены к своему первоначальному историческому облику. Также это был период появления первых «контекстуальных» архитектурных объектов, при создании которых было отмечено сознательное стремление удержать своеобразие и уникальность сохранившейся архитектуры (см.: Лисицына, 2019: 50)

При этом наметились и тенденции глобального характера. В частности, население стало концентрироваться главным образом в крупных городах и мегаполисах. Этот процесс имел и негативные последствия; реформирование, проведенное во время перестройки, также привело к неблагоприятным результатам: были закрыты промышленные

[1] Фото везде, где не оговорено иное, взяты из открытых источников Internet.

организации, сократились объемы жилищного строительства, свернулась инфраструктура обслуживания и транспорта.

Как утверждают С.М. Михайлов и Р.Р. Хафизов, город является живым и непрерывно изменяющимся организмом. С давних пор города меняли внешний облик своих скверов, парков, улиц. Это происходило в основном тогда, когда проводились какие-нибудь общественно важные события (см.: Михайлов, Хафизов, 2015: 24). Однако в 2000-х годах исторические центры многих городов оказались в условиях тесной застройки ввиду чисто количественной активизации строительных работ. Положительной тенденцией в начале XXI века можно назвать тот факт, что внимание к благоустройству исторических центров городов существенно повысилось (рис. 2).

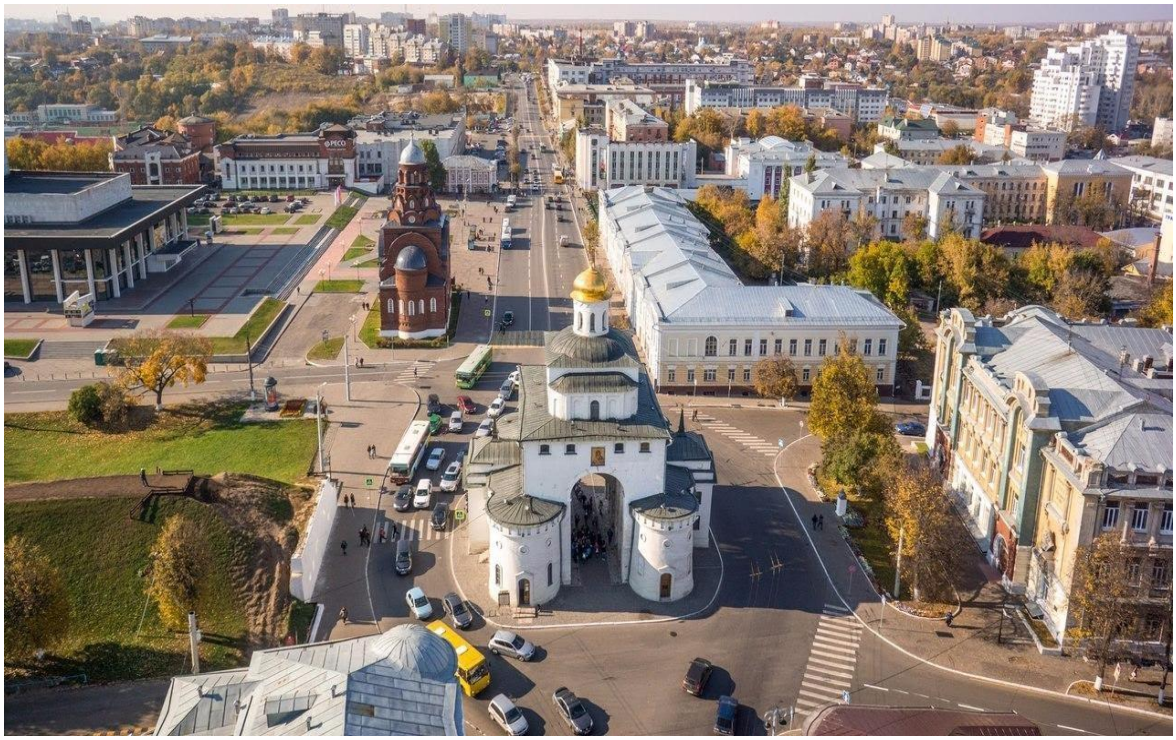


Рис. 2. Исторический центр. Владимир
Fig. 2. Historical center. Vladimir

На улицах с сохранившейся исторической застройкой было введено транспортное ограничение, спроектированы и замощены тротуары, проводились работы по их озеленению. В городах, расположенных на берегах рек, большое внимание было уделено набережным. В самых главных исторических местах было установлено множество памятных знаков, малых форм, благодаря которым эти пространства стали более информативными и указывающими на связь с традициями данного региона. Многие города стали стремиться к тому, чтобы совершенствовать туристическую сферу, в результате чего были открыты разнообразные небольшие музеи, располагающиеся в исторических зданиях. Более активно стали возводиться и объекты туристической инфраструктуры, такие как выставочные залы, магазины, рестораны и кафе, гостиницы и пр. (см.: Попов, 2019: 133).

Рассматривая стагнирующие малые города и поселки, их архитектуру и дизайн, которых практически не коснулось современное развитие, следует отметить, что они стали постепенно разрушаться «естественным» образом, так как в течение истекших 40–50 лет в их архитектуру практически не вторгались. Специфика территориального расположения, отсутствие комфортных

транспортных подъездов, остановка общественного производства стали причиной уменьшения населения. В исторических центрах было прекращено строительство, закрылись промышленные предприятия. С одной стороны, современные факторы практически не оказывают негативного влияния на архитектуру и дизайн. Но, с другой стороны, регионы зачастую не находят экономической возможности для поддержания их в хорошем состоянии. В результате памятники архитектуры подвергаются разрушению, меняют свой облик по мере того, как в них проводятся грубые, неквалифицированные ремонтные работы и обновления (см.: Железняк, Мурашова, Корелина, 2013).

3. Решения при оформлении культурного пространства больших и малых городов в 1990-е годы

После того как в российских городах исторические центры стали заполнять типовыми застройками, пришло время осмыслить важность архитектуры и дизайна как единого феномена. Но возможность внедрения новых средовых концепций в архитектуру появилась только в 1990-х годах, когда после распада СССР в сфере строительства наступило затишье. Закончился диктат индустриальных методов застройки, и архитекторы и инвесторы получили неслыханную свободу творческого самовыражения. Объекты, на создание которых повлиял постмодернизм, стали более сложными с композиционной точки зрения, они были перегружены деталями. Это представляло собой ожидаемую реакцию на однообразные дома-коробки прошлых лет. У зодчих-профессионалов вновь появилась возможность открыть для себя исторические аспекты архитектуры и дизайна, однако они обращались к ним в основном в форме «игры в историю».

Вопросы удобства визуального пространства изучаются в мире с давних пор. В основе принципов построения пространства лежит специфика психического и чувственного восприятия визуальной формы людьми. Говоря о проблемах формообразования в городском пространстве, следует изучить психоэмоциональную специфику визуального восприятия (см.: Чалая, Анисимов, 2017: 97). В качестве яркого примера архитектуры и дизайна 1990-х годов можно привести офисное здание (площадь Крестьянина, 6в) в городе Муроме. Несмотря на незначительную площадь застройки, план имеет сложную и неправильную форму, в границах которой можно увидеть взаимодействие двух объемов, развернутых под углом друг к другу, а также силуэт, в котором присутствуют два повышенных угловых акцента. При этом детали (ступенчатые карнизы и пояса, большие арочные ниши, выступающие П-образные элементы над оконными проемами) указывают на то, что архитектор пытался связать новое строение с расположенным по соседству корпусом, в котором располагаются торговые ряды. Однако используемые решения в пропорциях членений оконных проемов и фасадов являются весьма неудачными (см.: Анисимова, 2017: 42) (пример см. на рис. 3).

В середине 1990-х годов в юго-восточной части площади по проекту архитектора В.Н. Хаберева были возведены три офисных строения. Они заменили утраченные исторические объекты (площадь Минина, 3, 4; проспект Революции, 5). Высокий трехэтажный объем возведенных сооружений перекрыл вид на Покровский монастырь XVI–XVII вв., который в свое время имел прямую визуальную связь с основным городским соборным комплексом. Эти строения приблизительно в одно и то же время возвел один и тот же автор, однако они воспринимаются не как ансамбль, а как единичные объекты (см.: Бондаренко, 2017: 48). Симметричный основной фасад, на котором предусмотрен колонный портик, фланкируется двумя повышенными объемами на флангах (рис. 4).

Рис. 3. Пример неудачной пропорции фасада с оконными проемами
Fig. 3. An example of an unsuccessful proportion of a facade with window openings

Рис. 4. Фасад с колоннами
Fig. 4. Facade with columns

Над крышей можно наблюдать массивную ротонду, которую венчает пологий купол. Фасады отличаются сложной детализировкой с выдвинутым вперед портиком. Главная композиционная проблема состоит в том, что у площади уже есть доминанта: Дом культуры 1100-летия Мурома (улица Л. Толстого, 23). Второе строение, которое имеет схожий объем и повторяет симметричную организацию первого, воспринимается как неуместная конкуренция между

ними. И, несмотря на то что здание банка автор отодвинул от красной линии и оставил свободный угол квартала, все же нарушается доминантное значение Дома культуры в пространстве площади. В труде А.В. Алексеевой и Р.А. Шлендера (Алексеева, Шлендер, 2019) отмечается, что самый эффективный и при этом перспективный инструмент создания комфортного городского пространства – это дизайн-код, представляющий собой комплекс положений, регламентирующих процесс проектировки городского пространства, действующий в отношении большого количества показателей этого пространства (стилистика и специфика расположения вывесок, размещение объектов благоустройства улицы, таких как фонари, скамейки, урны и пр., подбор материалов мощения тротуаров и фактуры дорожных покрытий и пр.). Этот комплекс правил представляет собой технический документ. Его разрабатывают из средств городского бюджета. В его составлении участвуют специалисты в таких сферах, как планирование территорий, градостроительство, архитектура и другие (см.: Алексеева, Шлендер, 2019: 732).

4. Решения при оформлении культурного пространства больших и малых городов в 2000-е годы

Если в 1990-х годах объемы застройки были незначительны, то в 2000-е годы возведение объектов с сохранением исторической стилистики в малых и средних городах превратилось в главную тенденцию; теперь они сильно возросли, и главным образом это касалось развивающихся средних городов.

В последнее время стали возводиться в большом количестве совершенно непрофессиональные объекты, которые полностью портят вид центральных и общественно важных пространств города. Эти строения выглядят очень агрессивно по отношению к архитектуре и дизайну, и этот эффект становится еще ощутимее в связи с неграмотным применением отделочных материалов, таких как пластмассовый сайдинг, зеркальное стекло, цветной кирпич (см.: Бондаренко, 2017b: 23). Свидетельством тому являются два строения на площади Сенной в Павлове. Здесь торговый центр «Мечта» (по улице Сенной, 19), занимающий северную часть площади, находится неподалеку от построек конца XIX века, выполненных в «кирпичном стиле». Здание торгового центра значительно уступает остальным строениям: это небольшого размера трехэтажное строение. Портит вид и дробное цветовое решение. На западной части площади располагается намного более удачное с архитектурной точки зрения строение – ресторан «Династия» (улица Ленина, 8). Архитекторы предусмотрели восьмигранную двухъярусную башню, которую завершает пологий купол (архитектором является Н.В. Барляева).

Следует сказать также еще об одной современной тенденции в архитектуре. Это контекстуальная архитектура, подразумевающая использование современных форм. Однако эта архитектура связывает новые объекты и историческую среду благодаря тому, что используются сомасштабные объемы и членения, уместные композиционные приемы.

Дом правосудия по улице Первомайской, 35 в городе Алатыре, возведенный в 2004 году, находится на углу с улицей Комсомола (рис. 5). Это строение является компактным, в нем предусмотрено три этажа, поэтому оно выглядит достаточно элегантным и строгим. За счет соотношения между небольшими проемами и протяженными глухими плоскостями стен это здание кажется монументальным и выразительным. Исторические элементы используются достаточно ограниченно, а потому не способствуют прямому воспроизведению исторических аналогов, являясь как бы намеком на них. Белый фон стен красиво оттеняется пластически решенными полихромными фрагментами в обрамлении входа.

Рис. 5. Дом Правосудия. Алатыр
Fig. 5. The House of Justice. Alatyr

5. Решения при оформлении культурного пространства больших и малых городов после 2010 года

В 2008 году в центральном общественном пространстве Балахны, которое мы упоминали выше, появилось еще одно строение: культурно-досуговый центр «Дом Москвы» (площадь Минина, 1). С точки зрения масштаба площади это строение является очень большим. В его облицовке использовался керамогранит. В здании предусмотрены сплошные застекленные участки, столь характерные для нового стиля высоких технологий. Это полностью нарушает масштабы застройки данной площади и подчиняет себе последние из выстоявших строений XIX века. В настоящее время площадь почти полностью реконструирована (рис. 6).

Рис. 6. Дом Москвы. Балахна
Fig. 6. The House of Moscow. Balakhna

Можно отметить еще одну тенденцию, сложившуюся в последние десятилетия. В стране стали активно возводиться коттеджи. Главным образом это можно заметить в маленьких городах с удобными путями сообщения и живописной природой. Прежде всего, это относится к таким городам, как Городец и Гороховец, которым свойственно довольно редкое единство архитектуры и дизайна. Но бесконтрольная частная застройка может разрушить это единство, а такие примеры уже есть. У коттеджей, при возведении которых в основном руководствовались проектами из журналов, отсутствует генетическая связь с традициями региона. Они чужды местному архитектурному контексту. Так, они невелики по объему, характеризуются главным образом вертикальным развитием, вычурными и чрезмерно усложненными формами, громоздкими мансардными крышами (см.: Путинцев, 2011: 52). В этом регионе особенно заметно, как современные отделочные материалы способны разрушить дизайн и архитектуру. Поэтому мы считаем, что частное строительство в данном регионе должно контролироваться соответствующими органами архитектуры и дизайна и государственной охраны объектов культурного наследия. В противном случае могут быть утрачены прекрасные и живописные архитектурные формы, разрушающиеся по мере того, как возникают подобные объекты весьма сомнительной архитектуры.

Также необходимо подчеркнуть, что слой «городской плазмы» (понятие А.Э. Гутновой и И.Г. Лежавы), представленный временными постройками, элементами благоустройства и городского дизайна, тоже богат разнообразными примерами несоответствия исторически сформировавшейся застройке. Чрезмерно яркие и открытые цвета глухих металлических ограждений как с физической, так и с визуальной точки зрения «вырывают» из городского контекста частные строения. Кроме того, цветная фигурная бетонная плитка, при помощи которой замощены некоторые тротуары, тоже не всегда смотрится гармонично по отношению к историческим строениям (см.: Горбачев, 2016: 15). Наблюдается также отсутствие художественной культуры в размещении таких объектов, как указатели, вывески, в расположении объявлений и афиш. Уровень благоустройства, таким образом, во многом снижается.

Заключение

Разрушающаяся целостная классическая архитектурная традиция в малых и средних городах приводит к более заметным негативным последствиям по сравнению с крупными городами и мегаполисами. Это связано с тем, что только в пределах этой традиции, чьи сообразность и соразмерность восхищают по сей день, можно было развивать единое городское пространство. В связи с этим в качестве самого эффективного фактора происхождения форм, появляющихся в исторических районах городов, следует рассматривать непосредственно градостроительное пространство.

Большое внимание в контекстах нынешних культурных тенденций должно уделяться архитектурно-строительным традициям нации или территории, обеспечивающим преемственный подход к облику поселений и городов. Эти традиции представляют собой исходные профессиональные ограничения (регламентации), так же, как и требования целесообразности, согласно которым все лица, участвующие в градостроительном процессе, наделяются как этической, так и социальной ответственностью. Законодательные нормы, предусматривающие те или иные запреты, не смогут в полной мере исключить плохие дизайн и архитектуру в городе. Поэтому должна быть выработана единая комплексная стратегия, которая сможет на законодательном уровне ограничить права застройщиков и владельцев домов и обеспечить согласованные действия инвесторов, проектировщиков, властей города, органов охраны памятников и таким образом защитит и сохранит архитектурную уникальность малых и больших городов РФ.

Архитекторы, инженеры и градостроители уже думают о городах завтрашнего дня. Создание ярких сообществ, связей между людьми и местом, востребованность пространства имеют первостепенное значение (см.: Закусина, 2015). Для разных географических точек не существует универсальных решений, поскольку городское планирование будет все больше основываться на местной культуре. Вместе с тем, города должны быть способны выдерживать модернизационные преобразования и решать крупные проблемы, включая здравоохранение, изменение климата и выработку энергии. Чтобы создать процветающие города будущего, дизайнеры должны заниматься такими вопросами, как общественное здравоохранение и строительство общественной инфраструктуры. Создание оживленных районов в центре города, мест смешанного использования, систем человеческого транзита и зеленых зон – все имеет важное значение для горожан. В городах должно быть отличное качество воздуха, чистая вода и здоровые жители. Общественный транспорт, включая удобную связь между видами транспорта и транспортными узлами, также должен быть значительно улучшен. Такая отлаженная система освободит уличное пространство, ранее использовавшееся водителями, создавая открытое пространство для торговли, спорта и отдыха. Этот радикально ориентированный на пешеходов городской пейзаж будет отдавать приоритет тротуарам и велосипедным дорожкам перед автомобилями, а также стимулировать людей проводить больше времени на свежем воздухе. Поскольку здания являются одним из крупнейших потребителей энергии во всем мире, они станут собственными децентрализованными, возобновляемыми электростанциями. Используя высокоэффективные фасады, фотоэлектрические панели, а также геотермальную и ветровую энергию, они будут генерировать свою собственную энергию, а интеллектуальные технологии помогут им распределять ее сверхэффективно. При этом дизайнерская деятельность, привлеченная к оформлению как старых, так (и особенно) новых городов, будет реализовывать инновационные программы синтеза, создающие сложную архитектурно-пространственную диалектику частей и целого, без учета которой художественный образ города окажется несостоявшимся.

Литература

Алексеева, А.В., Шлендер, Р.А. Необходимость дизайн-кода современному российскому городу (на примере г. Омска) // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 11 (39). С. 731-738.

Анисимова, Л.В. Методические основы регенерации исторической городской среды: Уч. пособие / Л.В. Анисимова, Л.Ю. Анисимов, Е.Н. Тинторенко, В.Ю. Анисимов. Вологда: ВоГУ, 2017. 98 с.

Бондаренко, И.А. Каркас и ткань города. Между твердым порядком и динамическим хаосом // Теория в истории архитектуры и градостроительства: Публикации разных лет. СПб.: Коло, 2017. С. 48-58. (a)

Бондаренко, И.А. Об органическом градостроительстве // Теория в истории архитектуры и градостроительства: Публикации разных лет. СПб.: Коло, 2017. С. 23-29. (b)

Гельфонд, А.Л. Концепция формирования потенциальных пространственных каркасов исторических поселений // ACADEMIA. Архитектура и строительство. 2019. № 1. С. 26-34.

Горбачев, В.Т. Архитектура сибирских городов XIX – начала XX века (опыт малоэтажного строительства). СПб.: Коло, 2016. 152 с.

Железняк, О.Е., Мурашова, С.В., Корелина, М.В. Дизайн: имидж города и жизнепригодность урбанизированных территорий // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 11 (82). С. 160-169.

Закусина, А.Н. Графический дизайн как элемент эстетики городского пространства // Человек в мире культуры. 2015. № 1. С. 39-43.

Лисицына, А.В. «Кирпичный стиль» рубежа XIX–XX вв. в архитектуре малых и средних городов Нижегородской области // Строительные материалы. 2019. № 4. С. 50-55.

Михайлов, С.М., Хафизов, Р.Р. Суперграфический подход в дизайне города. Основные этапы становления и развития // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 3 (33). С. 24-31.

Попов, В.А. Архитектурное наследие в свете разного восприятия истории и прогресса //

Музей – памятник – наследие. 2019. № 1 (5). С. 133-146.

Путинцев, П.А. Принципы дизайна имиджа города // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 13. С. 171-176.

Чалая, А.И., Анисимов, Н.В. Влияние визуально воспринимаемых показателей городской среды на физическое и эмоциональное здоровье граждан (на примере Южного мегаполиса) // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 4 (71). С. 96-100.

Black, H., Wall, G. Global-Local Inter-relationships in UNESCO World Heritage Sites // Interconnected Worlds: Tourism in Southeast Asia / ed. by P. Teo, T.C. Chang and K.C. Ho. Advances in tourism research series Oxford and New York: Pergamon, 2001. Pp. 121-136.

Munjeri, D. Tangible and Intangible Heritage: from difference to convergence // Museum International. 2004. Vol. 56. Issue 1-2. Pp. 12-20.

Rodwell, D. The World Heritage Convention and the Exemplary Management of Complex Heritage Sites // Journal of Architectural Conservation. 2002. Vol. 8. Pp. 40-60.

Roland, R. Globalization. Social Theory and Global Culture. London; Newbury Park, Calif: Sage Publications, 1992. 211 p.

Petrovi, F., Boltižiar, M., Rakytová, I., Tomčíková, I., Pauditšová, E. Long-Term Development Trend of the Historical Cultural Landscape of the UNESCO Monument: Vlkolínec (Slovakia) // Sustainability. 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 1-20.

Turtinen, J. Globalising Heritage – On UNESCO and the Transnational Construction of a World Heritage. Stockholm Center for Organizational Research, 2000. 25 p.

References

Alekseeva, A. V. and Shlender, R. A. (2019), "The need for a design code for a modern Russian city", *Skif. Voprosy studencheskoy nauki* [Skif. Student science issues], 11 (39), 731-738 (in Russ.).

Anisimova, L. V. (2017), *Metodicheskie osnovy regeneratsii istoricheskoy gorodskoy sredy: Uchebnoe posobie* [Methodological foundations of the regeneration of the historical urban environment: a textbook], Vologda State University Publishing House, Vologda, Russia (in Russ.).

Black, H. and Wall, G. (2001), "Global-Local Inter-relationships in UNESCO World Heritage Sites", *Interconnected Worlds: Tourism in Southeast Asia*, in Teo, P. Chang, T. C. and Ho, K. C. (eds), Pergamon, Advances in tourism research series Oxford and New York, 121-136.

Bondarenko, I. A. (2017a), "The frame and fabric of the city. Between solid order and dynamic chaos", *Teoriya v istorii arkhitektury i gradostroitel'stva: Publikatsii raznykh let* [Theory in the History of Architecture and Urban Planning: Publications of different years], Kolo, St. Petersburg, Russia, 48-58 (in Russ.).

Bondarenko, I. A. (2017b), "About organic urban planning", *Teoriya v istorii arkhitektury i gradostroitel'stva: Publikatsii raznykh let* [Theory in the History of Architecture and Urban Planning: Publications of different years], Kolo, St. Petersburg, Russia, 23-29 (in Russ.).

Chalaya, A. I. and Anisimov, N. V. (2018), "The influence of visually perceived indicators of the urban environment on the physical and emotional health of citizens", *Cultural Studies of Russian South*, 4 (71), 96-100 (in Russ.).

Gelfond, A. L. (2019), "The concept of the formation of potential spatial frameworks of historical settlements", *ACADEMIA. Architecture and construction*, 1, 26-34 (in Russ.).

Gorbachev, V. T. (2016), *Arkhitektura sibirskikh gorodov XIX – nachala XX veka (opyt maloetazhnogo stroitel'stva)* [Architecture of Siberian cities of the XIX – early XX century (experience of low-rise construction)], Kolo, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Lisitsyna, A. V. (2019), "'Brick style' of the turn of the XIX–XX centuries in the architecture of small and medium-sized cities of the Nizhny Novgorod region", *Stroitel'nye materialy* [Construction materials], 4, 50-55 (in Russ.).

Mikhaylov, S. M. and Hafizov, R. R. (2015), "Super graphic approach in city design. The main stages of formation and development", *News of the Kazan State University of Architecture and Engineering*, 3 (33), 24-31 (in Russ.).

Munjeri, D. (2004), "Tangible and Intangible Heritage: from difference to convergence", *Museum International*, 56 (1-2), 12-20.

Petrovi, F., Boltižiar, M., Rakytová, I., Tomčíková, I. and Pauditšová, E. (2021), Long-Term Development Trend of the Historical Cultural Landscape of the UNESCO Monument: Vlkolínec (Slovakia), *Sustainability*, 13 (4), 1-20.

Popov, V. A. (2019), "Architectural heritage in the light of different perceptions of history and progress", *Museum. Monument. Heritage*, 1 (5), 133-146 (in Russ.).

Putintsev, P. A. (2011), "Principles of city image design", *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 13, 171-176 (in Russ.).

Rodwell, D. (2002), "The World Heritage Convention and the Exemplary Management of Complex Heritage Sites", *Journal of Architectural Conservation*, 8, 40-60.

Roland, R (1992), *Globalization. Social Theory and Global Culture*, Sage Publications, London, Newbury Park, Calif.

Turtinen, J. (2000), *Globalising Heritage – On UNESCO and the Transnational Construction of a World Heritage*, Stockholm Center for Organizational Research.

Zakusina, A. N. (2015), "Graphic design as an element of the aesthetics of urban space", *Chelovek v mire kul'tury* [A man in the world of culture], 1, 39-43 (in Russ.).

Zheleznjak, O. E., Murashova, S. V. and Korelina, M. V. (2013), "Design: the image of the city and the livability of urbanized territories", *Proceedings of Irkutsk State Technical University*, 11 (82), 160-169 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Портнова Татьяна Васильевна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры искусствоведения, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, ул. Садовническая, д. 33. г. Москва, 117997, Россия; *infotatiana-p@mail.ru*
AuthorID: 413631
ORCID: 0000-0002-4221-3923

ABOUT THE AUTHOR:

Tatiana V. Portnova, Doctor of Art History, Associate Professor, Professor of the Department of Art History, Kosygin Russian State University, 33 Sadovnicheskaya St., Moscow, 117997, Russia; *infotatiana-p@mail.ru*
AuthorID: 413631
ORCID: 0000-0002-4221-3923

АРХИВ
ARCHIVE

УДК: 930.25(575.172) **DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-10**

Сайманов С. С.

Вклад И. Г. Котенева в развитие архивного дела в Каракалпакстане

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, ул. Академика Ч. Абдирова, д. 1, г. Нукус, 230112, Республика Каракалпакстан; *s.sultanbay@karsu.uz; sultan_71@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена деятельности Ивана Григорьевича Котенева, уроженца Белгородской области, являвшегося во второй половине 30-х годов XX столетия управляющим Центральным архивным управлением (ЦАУ) Каракалпакской АССР. Волею судьбы Иван Григорьевич был вынужден переселиться из родных мест сначала в Казахстан, затем в Узбекистан и оказался в Каракалпакстане. Осенью 1937 года он был направлен ЦАУ УзССР в г. Турткуль в качестве управляющего, с целью улучшения архивного дела в республике. В статье рассматривается вклад И.Г. Котенева в развитие архивного дела в Каракалпакстане. В частности, он в качестве управляющего Центральным архивным управлением ККАССР помог поставить архивное дело на должный уровень, смог добиться увеличения штата, самостоятельности в вопросах финансирования, провел большую работу по организации и упорядочению архивов местных учреждений и предприятий. Данная работа открывает новые страницы в истории изучения развития архивного дела в Каракалпакстане.

Ключевые слова: Центральное архивное управление; архив УзССР; архив ККАССР; И.Г. Котенев; районный архив; архивные фонды

Для цитирования: Сайманов С.С. Вклад И. Г. Котенева в развитие архивного дела в Каракалпакстане // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 129-136. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-10

S. S. Saymanov

Ivan Kotenev’s contribution to the development of archives in Karakalpakstan

Berdakh Karakalpak State University, 1 Academician Ch. Abdirov St., Nukus, 230112, Republic of Karakalpakstan; *s.sultanbay@karsu.uz; sultan_71@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the activities of Ivan Grigorievich Kotenev, a native of the Belgorod region, who was the manager of the Central Archival Administration of the Karakalpak ASSR in the second half of the 30s of the twentieth century. As fate would have, Ivan Grigorievich was forced to move from his native places, first to Kazakhstan, then to Uzbekistan, and ended up in Karakalpakstan. In the autumn of 1937, he was sent to the Central Archive Administration of the Uzbek SSR to the city of

Turtkul, as a manager, with the aim of improving archival business in the republic. During this period, the Central Archive Administration KKASSR was going through difficult times, since the insufficient attention of the governing bodies and the allocation of the necessary funds by them, the lack of the necessary archival and technical work due to the small number of employees, the disastrous condition of archival material, both in the Central Archive and in the local places did not make it possible to establish archiving to the proper level. The article deals with the contribution of I. G. Kotenev to the development of archives in Karakalpakstan. In particular he as the manager of the Central Archival Administration of the KKASSR, helped to raise the archives to the proper level, was able to achieve an increase in staff, independence in matters of financing, did a lot of work on organizing and streamlining the archives of local institutions and enterprises. This work opens new pages in the history of studying the development of archives in Karakalpakstan.

Keywords: Central Archival Administration; archive of the Uzbek SSR, archive of the Karakalpak ASSR; I. G. Kotenev; regional archives; archival funds

For citation: Saymanov S. S. (2022), “Ivan Kotenev’s contribution to the development of archives in Karakalpakstan”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 129-136, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-10

Архив – это хранилище документов, ценность которых растет с годами, документов, на которых базируется история, в том числе и история Каракалпакстана. Архивные документы являются богатым историческим наследием нашего народа, носителем его исторической памяти. Без архивных документов нельзя помыслить становление и развитие науки и культуры, понять нравственные ценности народа. Архивные документы – незаменимый источник для научной разработки актуальных проблем истории, имеющих глубокие исторические корни в обычаях, традициях и культуре. Архивные документы, если их беречь и использовать в научных целях, не допустят неправильного толкования и измышления страниц истории, которая в своем развитии не терпит искусственных поправок.

В этом смысле изучение истории становления и развития архивного делопроизводства Каракалпакстана как частное имеет большое значение для изучения истории Каракалпакстана в целом, так как до сегодняшнего дня эта тема была маргинальной для историков и не подвергалась научному исследованию, по ней до сих пор не существует фундаментальных трудов. В годы независимости в средствах массовой информации появилось некоторое количество публикаций, в основном, архивных работников Центрального государственного архива Республики Каракалпакстан, но они были посвящены значению архивов, правилам учета и хранения архивных документов, другим техническим вопросам. Также имеются пропагандистско-публицистические статьи ко дню архивиста и другим юбилейным датам, в которых много внимания уделено краткой исторической хронологии архивного дела, его популяризации.

Развитие архивного делопроизводства Каракалпакстана в 20-30-е годы XX столетия проходило в три этапа, связанные с периодами его нахождения в составе трех республик. Дело в том, что Каракалпакская автономная область (ККАО, с 1932 года – ККАССР) с момента своего образования в 1924 году была включена в состав Казахской АССР, которая в свою очередь подчинялась РСФСР. В середине 1930 года Каракалпакская Автономная область была

выведена из состава Казахской АССР и передана непосредственно в ведение РСФСР, а уже в 1936 году ККАССР по новой Конституции СССР входит в состав Узбекской ССР.

Центральный государственный архив Республики Каракалпакстан как самостоятельная единица был организован в феврале 1924 года в качестве архивного бюро ККАО и его первым руководителем был Л.А. Клугин, проработавший в этой должности до 1928 года. Нужно отдать ему должное, он много сделал для становления архивного дела в Каракалпакстане. Благодаря энергичным и настойчивым обращениям к местным властям он добился расширения штата, выделения помещения для архивохранилищ. К большой его заслуге следует отнести и кропотливую работу по упорядочению всех документальных источников, имеющих историческое значение.

Период с 1928 по 1938 годы явился самым тяжелым в развитии архивного строительства в Каракалпакстане. В это время работа архивов оказалась в значительной степени парализованной, что было вызвано многими причинами. Архив Каракалпакстана был передан в подчинение Областного отдела народного образования (ОблОНО) Наркомпроса, не имел самостоятельной сметы и бюджета. Сказывалась малочисленность штата, и местные власти не собирались его увеличивать. Набиравшие в стране размах репрессии привели к большой сменяемости руководителей. С 1930 по 1934 годы сменилось пять руководителей, а с 1934 по 1937 годы архив вообще не имел руководителя.

Необходимо отметить, что в 30-е годы XX века в работе советских архивных учреждений произошли некоторые изменения. В это время был обозначен новый принцип структурной организации архивных учреждений. Отныне они должны были перестроиться таким образом, чтобы вместо деления по исполнительным функциям (научной, справочной, технической) все работники жестко распределились по группам фондов с полной ответственностьюза определенную группу архивных материалов. И вопреки второмупятилетнему плану, первоочередной для архивных учреждений называлась задача упорядочения архивных фондов, а проблема их использования была отодвинута на второй план.

Если раньше значительная часть архивных работников была на положении обслуживающего аппарата у научных работников, то теперь центральной фигурой архивного дела должен был стать архивно-технический работник. Первой задачей объявлялась необходимость архивно-технической разработки архивного материала, приведение его в порядок путем составления инвентарно-учетных документов разных видов, а также обеспечение надлежащей охраны архивов силами рабоче-крестьянской милиции на основе соответствующих договоров между архивными учреждениями и органами НКВД. Второй задачей провозглашалась очистка архивов от политически невыдержанныхи не соответствующих этой работе лиц. Все силы работников архивных учреждений отныне и в течениепоследующих лет были обращены на разборку, описание и ревизию документов (см.: Цеменкова, 2019: 66-67).

Согласно постановлению ЦИК ККАССР от 11 марта 1934 года Архивное Бюро ККАССР было преобразовано в Центральное архивное управление Каракалпакской АССР, которое было передано из подчинения Наркомата просвещения в ведение Центрального Исполнительного Комитета.

В декабре 1936 года Каракалпакская АССР вошла в состав Узбекской ССР, что положительно отразилось на решении ряда проблем архивного строительства. В 1936 году в Узбекистане выросло количество окружных, городских и районных архивов, что привело к реорганизации Центрального архивного управления УзССР. При архивном управлении были организованы отделы центральных, окружных, городских и районных государственных архивов (см.: Исакова, 2012: 84). Заведующим отделом Каракалпакской АССР, окружных,

городских и районных архивов Центрального Архивного Управления УзССР был назначен Н.Г. Манин, который в мае 1937 года побывал в Каракалпакстане с инспекционной проверкой с целью ознакомления с положением дел в работе ЦАУ ККАССР.

В своем докладе, адресованном Председателю ЦИК Каракалпакской АССР Н. Сапарову, Н.Г. Манин указал, что изучение состояния работы Центрального архива ККАССР показывает крайне неудовлетворительное состояние архивного дела в республике, особо подчеркнув: «Центрального Архивного Управления как республиканского органа возлагающего архивное дело и самостоятельно осуществляющего контроль за выполнение постановления правительства СССР и УзССР по архивному делу, не существует. В настоящее время в ККАССР имеется государственный Центральный архив, имеющий печать и штамп “ЦЕНТРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРИ ЦИКе ККАССР”. Докладов о работе Центрального архива Президиум ЦИКа ККАССР не заслушивал с 1934 года. Положения о Центральном архиве нет. Нет плана работы архивов за 1937 год /за предыдущие годы работа архива также не планировалась/. Отчетность в работе отсутствует» (сохранена орфография и стилистика языка оригинала. – *С.С.*) (ЦГА РК - Ф. 229, оп. 1, д. 295, л. 13-13 об.). Наряду с этим, Н.Г. Манин указал на ряд недостатков в работе ЦАУ ККАССР, которые отрицательно влияли на развитие архивного дела.

Во-первых, несмотря на то, что Центральное архивное управление еще в марте 1934 года, согласно постановлению Президиума ЦИКа ККАССР, было передано из ведения Наркомпроса в подчинение ЦИК, последний совершенно не руководил работой Центрального архива и в 1937 году все еще не принял его от Наркомпроса в свое ведение. Самоустранение ЦИКа ККАССР от руководства Центральным Архивом привело к нарушению законодательства по архивному делу, поскольку Постановлением ВЦИКа от 30 января 1922 года и ряда последующих постановлений Правительства СССР архивные органы СССР должны были быть в подчинении ЦИК СССР и ЦИКов автономных и союзных республик.

Во-вторых, местные власти г. Турткуля так и не выполнили своего обещания перевести архив в соответствующее требованиям помещение; архив находился в старом, обветшалом здании, построенном еще в 1874 году. «Архив занимает помещение в г. Турткуле (первая столица Каракалпакстана. – *С.С.*) по Базарной улице в доме ГОРКОМХОЗА. Помещение глинобитное, и состоит из 2-х комнат: 1-я комната, пл. 26 кв. м, без отопления и совершенно недостаточным естественным светом /окно наверху в стене, выходящее на крышу, без решеток/. Пол в комнате земляной. Имеются стеллажи; 2-я комната смежная с первой и выходящая на улицу пл. 26. кв. м, имеет недостаточный естественный свет /два маленьких окна граничащих с дверью и составляющее одно целое, без решеток/. В комнате пол деревянный. Дверь комнаты закрывается на маленький замок и не опечатывается до окончания занятий. Имеется 2 огнетушителя. В комнате имеется печь, обитая железом, неисправная, комнаты не нагревающая. По заявлению заведующего архивом в зимнее время используется железная печка с железными трубами, что с точки зрения противопожарной безопасности является совершенно недопустимым. Помещение архива старое, потолок как в первой, так и во второй комнате грозит обвалом, стены также разрушаются. Кроме того, данное помещение совершенно недостаточно по своему размеру и Центральный Архив не может вести в нем нормальную работу по концентрации и обработке архивных материалов, а также и предоставления возможности исследователям заниматься изучением архивных материалов в научных целях» (ЦГА РК – Ф. 193, оп. 1, 2).

В-третьих, штат архива не был укомплектован, в нем работал только один работник – Матрёна Задорожная

(проработала в архиве с мая 1925 года по сентябрь 1938 года. – *С.С.*), которая являлась работником техническим. Она не имела определенного образования и специальности, в результате чего архивные материалы Центрального Архива не были упорядочены и не использовались в научно-исследовательских целях.

В-четвертых, не были организованы районные архивы, вследствие чего ценнейшие материалы РИКов, сельсоветов, колхозов, совхозов, МТС, подверглись гибели и сдаче в союзутиль, как макулатура. Также Центральный Архив совершенно не проводил обследования Наркоматов (центральных правительственных учреждений) ККАССР, где архивные материалы хранились в недопустимых условиях, способствующих расхищению их и гибели (ЦИК ККАССР, Наркомпрос, Турткульский РайОНО, Турткульский РайФО и т. д.).

В-пятых, точного учета фондов не было, как не существовало ни фондовой книги, ни книги учета поступлений. На момент проверки в Центральном архиве имелось 54 фонда, из которых 12 фондов относились к историческому архиву, а общее количество единиц хранения составляло 17 000. В архиве хранились и военные фонды (Петро-Александровский Уездный Военный Комиссариат, Аму-Дарьинский Военный Комиссариат и др.) за 1918–1924 годы.

В-шестых, в Центральном архиве для исследователей не имелось читального зала, и посетители просматривали материалы в разборочной комнате архива. Никакого учета посетителей не велось, а допуск к просмотру архивных материалов разрешался на основании письменных ходатайств учреждений. Также в Центральном Архиве имели место случаи выдачи архивных материалов исследователям на дом, что являлось грубым нарушением архивного законодательства. В частности, 24 декабря 1936 года архивные материалы были выданы на дом ассистенту Нукусского педагогического института Н. Давкараеву, что являлось грубейшим нарушением законодательства, запрещавшего выдачу на дом кому-либо архивных материалов. К тому же в данном случае не было даже письменного требования от института (ЦГА РК – Ф. 229, оп. 1, д. 295, л. 15 об.).

На основании обследования заведующего отделом Каракалпакской АССР, окружных, городских и районных архивов Центрального Архивного Управления УзССР Н.Г. Манина, ЦИК ККАССР принял 27 мая 1937 года постановление «О мероприятиях по упорядочению архивного дела Кара-Калпакской АССР».

В целях улучшения архивного делопроизводства в Каракалпакстане и для оказания практической помощи осенью 1937 года в Центральный архив Каракалпакстана из Ташкента был командирован инспектор военного архива Среднеазиатского военного округа Иван Григорьевич Котенев, который был назначен управляющим архивом.

Котенев Иван Григорьевич родился 12 июня 1912 года в семье крестьянина-бедняка Центральной черноземной области, село Котенёвка (ныне Белгородская область РФ. – *С.С.*). Летом 1914 года его родители переехали из Центральной черноземной области в Ново-Шульбинский район Восточно-Казахстанской области. По приезде в Казахстан отец И.Г. Котенева пошел работать по найму к кулакам. Осенью 1914 года его призвали на военную службу рядовым солдатом, где он пробыл до 1919 года. По возвращении из армии Григорий Котенев начал заниматься сельским хозяйством, которое состояло из лошадей и коровы. У родителей Ивана Григорьевича было четверо детей. В 1920 году И.Г. Котенев начал помогать отцу подпаском, пасти по найму деревенский скот, а после смерти отца осенью 1921 года он самостоятельно стал работать, параллельно обучаясь в начальной школе. В 1929 году семья вступила в колхоз «Красный партизан» Ново-Шульгинского сельсовета Восточно-Казахстанской области, где проработала до

1932 года. Весной 1929 года Иван Григорьевич окончил начальную школу в Ново-Шульге и в этом же году поступил учиться в «школу крестьянской молодежи», где проучился до 1931 года. После окончания школы работал заведующим опытным полем при этой же «ШКМ», а осенью 1931 года поступил учиться в Выдрихинский агропедагогический техникум, где проучился до 1933 года. Из-за болезни он не смог окончить техникум и в 1933 году поступил работать агротехником в Семипалатинскую зональную опытную сельскохозяйственную станцию, где проработал до 1934 года. В октябре 1934 года он был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА).

В период с 1934 по 1937 годы служил в войсках НКВД в Ташкенте. За время службы Иван Григорьевич окончил две школы: школу младшего начсостава и школу среднего начсостава. По окончании школ полтора года проработал командиром и год секретарем командира дивизиона, а затем секретарем командира полка. 5 января 1937 года И.Г. Котенев был демобилизован в долгосрочный отпуск командиром запаса. С января по сентябрь 1937 года проходил обучение в Ташкентской Высшей сельскохозяйственной школе, которую в связи с ее ликвидацией окончить не смог. С 1 сентября 1937 года он был зачислен инспектором в военный архив Среднеазиатского военного округа, где проработал до октября 1937 года. Приказом от 19 октября 1937 года по Центральному архивному управлению УзССР Иван Григорьевич Котенев был направлен в распоряжение ЦИК ККАССР на должность управляющего ЦАУ ККАССР (ЦГА РК - Ф. 193, оп. 2, д. 97, л. 9).

С именем И.Г. Котенева связаны значительные изменения и улучшение в архивном деле Каракалпакстана. В первую очередь, ему удалось при непосредственном участии Центрального исполнительного комитета, а также Президиума Верховного Совета ККАССР в апреле 1938 года добиться нового помещения под архив. Оно состояло из трех комнат: канцелярии, разборочной, архивохранилища и пристроенной кладовой общей площадью 136 кв. м. Здание было глинобитное, сухое, светлое, чистое, с земляной крышей. В канцелярии и хранилище имелся кирпичный пол, а в разборочной комнате пол был деревянным. Кладовая с земляным полом также могла быть использована как добавочное архивохранилище, с соответствующим стеллажным оборудованием. В новом здании имелось противопожарное оборудование, состоявшее из огнетушителей и четырех ведер, а также в 15 метрах от здания архива имелся колодец, который мог быть использован в случае возникновения пожара (ЦГА РК – Ф. 193, оп. 1, д. 27, л. 5).

Архивохранилище было оборудовано шестью двухсторонними и тремя односторонними стеллажами, протяженностью 155 метров. В разборочном помещении, которое одновременно являлось и комнатой для работы посетителей, имелось 26 стульев и пять столов. Один стол выделен специально для работы посетителей с архивными документами (ЦГА РК - Ф. 193, оп. 1, д. 27, л. 6).

Еще одним вкладом И.Г. Котенева в организацию деятельности Центрального архива ККАССР было увеличение штата архива. Если штат ЦАУ ККАССР до 1937 года состоял всего из двух человек, то на 1938 год он был утвержден в составе семи человек: управляющего архивом (И.Г. Котенев), научного сотрудника (В.В. Хорошев), старшего инспектора (Кузнецова), старшего архивного технического работника (Гориченко), бухгалтера, сторожа, уборщицы-рассыльной.

В Центральном архиве огромное значение придавалось качеству подготовки и повышению профессиональной квалификации кадров. В качестве управляющего Центральным архивом ККАССР И.Г. Котенев окончил месячные курсы для руководящих и научных работников в Москве при ЦАУ СССР. Кроме этого, в 1939 году Иван Григорьевич вместе с научным сотрудником

архива В.В. Хорошевым прошел курсы повышения квалификации научных и технических работников архивов (ЦГА РК – Ф. 193, оп. 1, д. 29, л. 23).

Большой заслугой И.Г. Котенева явилось то, что он сумел добиться от местных властей увеличения годового бюджета Центрального архива ККАССР. Годовой бюджет ЦАУ ККАССР на 1938 год составил 47 200 рублей, из них на содержание штата было выделено 27 180 рублей, 13 020 рублей на приобретение инвентаря и административно-хозяйственные расходы, а 7 000 рублей на капитальный ремонт здания ЦАУ. Для сравнения: годовой бюджет Центрального архива в 1938 году по сравнению с 1937 годом вырос на 150 % и больше чем в три раза относительно 1936 года (ЦГА РК – Ф. 193, оп. 1, д. 27, л. 3).

За счет увеличения бюджета ЦАУ ККАССР полностью выполнил постановление Президиума ЦИК УзССР от 14 апреля 1938 года «Об упорядочении архивных материалов в Государственных архивах УзССР». Была проведена полная разборка и инвентаризация всех архивных материалов в архиве. Всего на 1 января 1939 года в ЦАУ имелось 86 фондов (21 601 ед. хр.), из них исторических – 9 фондов (5 006 ед. хр.) (ЦГА РК – Ф. 193, оп. 1, д. 27, л. 8).

После назначения на должность управляющего ЦАУ ККАССР И.Г. Котеневу удалось наладить в республике работу районных архивов, которых ранее не существовало. В период его нахождения в должности управляющего, в республике были организованы архивы в девяти из 12 районов, входивших в состав ККАССР. Надо признать, что положение дел в районных архивах было удручающим. Причинами столь незавидного положения было то обстоятельство, что работники по архивному делу для районов были утверждены не как заведующие районными архивами, а как архивариусы районных исполнительных комитетов. Эти архивные работники, не имевшие специального архивного образования, не занимались непосредственно улучшением архивной работы в районах, а использовались Райисполкомами на других работах и по совместительству выполняли работу архивариусов РИК. Вместе с тем, в этот период в районных архивах отсутствовали квалифицированные работники по архивному делу, а низкая заработная плата районных архивных работников не позволяла привлечь на эту работу грамотных людей, отвечающих всем требованиям архивной работы.

В целях улучшения работы районных архивов И.Г. Котенев в своей «Объяснительной записке к отчету Центрального Архивного Управления Кара-Калпакской АССР за 1938 год» внес в ЦАУ УзССР ряд предложений. Во-первых, провести двухмесячные архивно-технические курсы по подготовке районных работников в 1939 году, во-вторых, повысить зарплату заведующих районными архивами до уровня инструкторов РИКов, в-третьих, внести в штат районов архивного работника не как архивариуса РИКа, а как заведующего Райархивом (ЦГА РК – Ф. 193, оп. 1, д. 27, л. 9).

Иван Григорьевич Котенев проработал на своей должности неполные два года, и его дальнейшая судьба, к большому сожалению, нам неизвестна. Но можно утверждать, что он внес большой вклад в развитие архивного дела Каракалпакстана. Ведь находясь в должности управляющего ЦАУ, И.Г. Котенев проявил себя прекрасным организатором, наладил работу Центрального архивного управления ККАССР, поднял его на новый качественный уровень.

Источники

Центральный государственный архив Республики Каракалпакстан – Фонд 229, опись 1.

Центральный государственный архив Республики Каракалпакстан – Фонд 193, опись 1, 2.

Литература

Исакова, М. Становление и развитие архивного дела в Узбекистане. Ташкент: Университет, 2012. 201 с.

Цеменкова, С.И. История архивов России: XX - начало XXI века. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. 200 с.

Sources

Central State Archive of the Republic of Karakalpakstan – Fund 193, inventory 1, 2.

Central State Archive of the Republic of Karakalpakstan – Fund 229, inventory 1.

References

Isakova, M. (2012), *Stanovlenie i razvitie arkhivnogo dela v Uzbekistane* [Formation and development of archives in Uzbekistan], Universitet, Tashkent, Uzbekistan, (in Russ.).

Tsemenkova, S. I. (2019), *Istoriya arkhivov v Rossii: XX – nachalo XXI veka.* [History of the archives of Russia: 20th– beginning of the 21st century], Ural University Press, Yekaterinburg, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Сайманов Султанбай Сыргабаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История Узбекистана и Каракалпакстана», Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, ул. Академика Ч. Абдирова, д. 1, г. Нукус, 230112, Республика Каракалпакстан; *s.sultanbay@karsu.uz; sultan_71@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Sultanbai S. Saymanov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Uzbekistan and Karakalpakstan, Berdakh Karakalpak State University, 1 Academician Ch. Abdirov St., Nukus, 230112, Republic of Karakalpakstan; *s.sultanbay@karsu.uz; sultan_71@mail.ru*

РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ, ЭССЕ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-11

V. Stojanovich | **Human understanding (toward a hermeneutic of the norm)**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; *vstojanovich_26@yahoo.com*

Abstract. Human understanding of many phenomena and appearances depends, first of all, on experience of the self and understanding of the self. Through this starting point we lay the foundations of our attitudes towards the environment. Insufficient analysis of experience (presented in this article as platform perception) can call into question the correctness (by correctness I understand everything that is in tune with objective logic, but also something that is useful in a positive (good) sense – a good intention followed by a good process and a good result) of one's understanding of normality. However, the thing that can be confusing in trying to understand the modern concept of normality is the well-known fact that it covers two different categories – what is usual and what is correct. The usual is not necessarily correct, and the correct is not necessarily usual. The relativizer of normality is the ever-present possibility of its change. Normality and non-normality not only influence each other, but are also conditioned by each other. Together they essentially constitute an understood and evaluated known physical reality. The changeability of human understanding, needs, attitudes, assessments, as well as change of circumstances affect the transformation of normality. The article discusses, among other things, the difference between the normal as a subject and an object. The consideration of these problems was approached from a multidisciplinary aspect, mainly relying on sociological, philosophical and psychological sources.

Keywords: understanding; norm; normality; normal; non-normal; transformation of the normal

For citation: Stojanovich V. (2022), “Human understanding (toward a hermeneutic of the norm)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 137-151, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-11

Стоянович В. | **Человеческое понимание (к герменевтике нормы)**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г Белгород, 308015, Российская Федерация; *vstojanovich_26@yahoo.com*

Аннотация. Человеческое понимание многих феноменов и явлений зависит, прежде всего, от собственного опыта человека и понимания им себя. Через эту отправную точку мы закладываем основы наших отношений к окружающей среде.

Недостаточный анализ опыта (представленного в данной статье как платформальная перцепция) может поставить под вопрос правильность понимаемой человеком нормальности. Однако современную концепцию нормальности мешает понять общеизвестный факт, что она охватывает две разные категории – то, что является обычным, и то, что является правильным. Обычное не обязательно правильно, а правильное не обязательно обычно. Релятивизатором нормальности является всегда присутствующая возможность ее изменения. Нормальность и ненормальность не только влияют друг на друга, но и обусловливаются друг другом. Вместе они, по существу, представляют собой понятую и оцененную известную физическую. реальность. Изменчивость человеческого понимания, потребностей, отношений, оценок, а также изменение обстоятельств влияют на трансформацию нормальности. В статье, среди прочего, обсуждается различие между нормальным как субъектом и объектом. Рассмотрение перечисленных проблем осуществляется в мультидисциплинарном аспекте, в основном, с опорой на социологические, философские и психологические источники.

Ключевые слова: понимание; норма; нормальность; нормальное; ненормальное; трансформация нормального

Для цитирования: Стоянович В. Человеческое понимание (к герменевтике нормы) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 137-151. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-11

Introduction

"To talk behind one's back" is one of the expressions that is not in accordance with the message it carries. Physically talking behind someone's back is talking to their face, and talking to a person's back is talking behind their face. This illuminates the incorrectness of the usual expression which many unconditionally accept as something normal. Why would anyone accept something incorrect as an unwritten rule? It is of great importance to emphasize that this expression is not characteristic of the linguistic philosophy of only one group of people or its one part, but of a series of languages belonging to the same or different language groups[1]. This makes it more probable that the form of this expression in languages was not formed and accepted under influence from the outside, that is, under the influence of the understanding of another person or one group of people, but from inside, by one's own understanding. So, we most likely accept it unconditionally because we understand it that way. The linguistic relativity hypothesis could be an explanation of this, but if we thoroughly analyzed this expression, it would be clear that it is not the result of the influence of language structure on thought, it is the result of the influence of human understanding of the self on an expression's structure. The very expression (behind one's back) was created within the limits of insufficient analysis of experience[2]. Human perception through the field of these limits could be simply termed *platformal perception*. "Platformed" (what) should be distinguished from "platformal" (from whom), and platformal perception should not be considered a limitation, but as understanding a possible fact through limits of insufficient analysis of experience (understanding that can be both logically correct and logically incorrect). Expression is limited and has form, but it is not a limitation in itself.

[1] In French "parler *derrière* le dos", Russian "говорить *за* спиной", German "*hinter* dem Rücken reden", Serbian "причати *иза* леђа"...

[2] Senses are our physical platform, but insufficient analysis limits our limitations. Logically, "what we can" platform and "what we do" platform is not the same.

Empirical cognition, without objective analysis, can lead to "deception" in making conclusions. Thus, limited observation can lead to the adoption of incomplete and even incorrect as the norm. Perhaps our subjective attitude would always be completely correct if our known physical reality were the complete reality of the physical universe, and our understanding was not limited by our limitations. In the mentioned paradox, central is the experience of the self as a subject of understanding. The way we understand ourselves in relation to the other affects the extent to which we formulate the expression of an already limited and determined language. Here, the "back" could be identified either with something that is between the person being talked about and the person talking, or with the person as a whole. In the first case, the back would be something that is ours (what we relate to) but not a part of us (something between ourselves and the other). The second option would be more logical if we used the expression behind *me* and not behind *my back*. Even then, we would not be completely precise, because "in front of" and "behind" is a matter of subjective feeling, understanding and attitude. It can be in front of one, while being behind another side of the face that we have, quite possibly, accepted as the main platform of expression of the self. After all, in the vacuum of the universe there is no front, behind, up or down... Everything is about the observer's subjective experience (oneself in relation to the other and the other in relation to oneself).

Understanding the incorrectness of the expression "behind one's back", which is frequent, but does not correspond to the message it carries, can put us in a position to doubt our understanding of correctness and the correctness of our understanding, and thus the correctness of our correctness. Epistemic logic[3] influences deontic one. If correctness of our understanding is questioned, then value, norm, normality… are automatically questioned as well. Therefore, it is important to point out the variability, and thus the instability of the definition of some phenomena, the forms of which depend on the perception of human. Normality (as well as non-normality) is a phenomenon which value depends on our understanding. Now, is it normal that in front of the back is understood and unconditionally accepted as behind the back? Is it normal for an incorrectly formulated (wrongly worded) message to almost reach the status of a lingual axiom? It may be accepted as normal, but is it correct, exact (or at least accurate), precise...? What is normal, and do most or any of us understand it "the right way" all the way?

The "normal" is a phenomenon that is not examined within just one scientific field, or that concerns only one scientific branch. It is related to everything that is within the framework of human perception, precisely because it is an assessment of the understanding of experience and the environment. Understanding reality, one evaluates it at the same time. For example, the normal state of nitrogen at "normal" temperature is gaseous, and the normal state of nitrogen at low temperature is liquid. The gaseous state of nitrogen at low temperature would be considered not normal. Snowing is a normal occurrence, but not in summer time. A volcanic eruption is also normal, but the consequences it can cause for the living world are considered not normal. The person feels normal, but what exactly is meant by normal here? For a person who was healthy all their life, being ill is not a normal condition. For a person who had health problems all their life, being ill is, conditionally speaking, a normal condition. This article is not an attempt to explain the normal and the non-normal through the prism of one scientific field, but to point to its "other name" – the human assessment of physical reality.

1. Normal, majority, usual and correct

The typical prejudice of a human of conformist instincts, according to which the generally accepted and commonness are "the best and safest option", is that "normal is

[3] We are both physical and spiritual beings. However, this work refers only to physical perception. Spiritual perception has other dimensions and is not discussed in this paper.

correct and positive, and non-normal – incorrect and negative"[4]. An implication of correctness, when we talk about norm and normality, calls into question the correctness of accepted correctness. Identifying the normal with the correct can lead to not understanding and to the indistinguishability of good and bad.

1.1 Defining the norm

In order to understand the contemporary concept of the "normal", we should first mention some of the explanations of its mold, "norm". In one of the Latin dictionaries, the norm (norma) is translated/explained as "*a square*, employed by carpenters, masons, etc., for making right angles", but also as "*a rule, pattern, precept*" (Lewis, 1879: 1216, emphasis original). This translation shows that the norm is the basis by/through which something should be built, formed and shaped. Thus, a norm is a certain type of pattern, something that has its own frameworks, by which the normality of what is in accordance with those frameworks will be recognized and what is built, formed and shaped according to them.

Mentioning that the word "norm" means an authoritative standard, and the "normal" – something that abides by that standard, psychologist Gordon Allport pointed to two different types of standards that can separate the normal from the abnormal – statistical and ethical (Allport, 1958: 176). Peter Alexander indicates that the statistical concept of normality implies the description, that is, "to point to a matter of fact, without any value-judgement to the effect that the usual is the best" (Alexander, 1973: 139). In the *Oxford Latin Dictionary*, the norm (norma) is translated as "a square" and "a right angle", but also as "a standard, pattern (of practice or behavior)" (Glare, 1968: 1189), while in the *Cambridge International Dictionary of English* it is marked as "an accepted standard or a way of behaving or doing things that most people agree with" (Procter, 1995: 960). Here, the standard (in terms of something accepted by the majority) is mentioned as one of the key terms that defines the norm. This shows that monitoring and analysis of the process of formation and acceptance of standards is an important moment for understanding the norm, and thus normality. It can be noticed that in the last of the above definitions, the standard is exclusively a question of quantity, i.e., the acceptance[5] of a larger percentage of society.

Definitions with an ethical moment within them go further. In *The Cambridge Dictionary of Philosophy* the norm is described as "an ought-statement, a principle of correctness or standard" (Soniewicka, 2015: 728). Here, with the standard mentioned in several examples, correctness appears, which indicates that normality can imply something else, not just a number. So, not just as it is (factual situation), but also as it is supposed to be (imagined framework). Normal is the word that "also implies what is correct or good" (Cryle, 2017: 1). The fact that the norm implies two different categories raises the question of the coincidence of these two categories.

Fairly often (not to say almost always), researching the deviance of the minority, it seems as if it has already been determined that the majority is correct. We explore why the minority deviates, forgetting that the majority also deviates from the minority. The assumption that quantity is a measure of quality lays the foundations for the instability and relativity of that quality, because quantity, or the number (amount), is a variable category which can change. This causes the norm to be identified with correctness, and in fact, the norm is just something generally accepted, which is not a guarantee of correctness. Hence, it can be not correct. That is why a clear distinction should be made between the ordinary and the correct, the right, the righteous.

Let us imagine that a plant has a growth (excrescence), something that is not usual for

[4]Although the positive does not always have to be good, and the negative to be bad, in this article the positive refers exclusively to the good, and the negative to the bad.

[5] Something "normal" may be completely unwanted, due to a natural aversion to it. Biological death is part of the natural process, part of natural normality, part of the chains of the biological side of existence. Regardless of its "naturalness", the human being has never accepted it as something desired. It is an unwanted normality.

that plant. Certainly, negative deviance is considered an aberration from something that is usual, so in this case, the growth would be a negative deviance. Over time, this growth spreads so much that it becomes physically larger than the basic part of the plant's body. Now, is a growth larger than a plant still a deviance, or is the plant a deviance of that growth? Probably, no matter how much it spreads, the growth will always be a deviance, because the plant is the one "attacked" by deviance, it comes "before the growth", it is the basis. In other words, if there is something that is useful (in terms of goodful), regardless of the quantity that opposes it, it will always remain useful. Thus, the majority that is not in tune with the useful is deviant, regardless of its abundance, because quality is not determined by the number, but by "positive usefulness". Only when the numerical value is separated from the value of utility, a clear boundary will be shown between what "is" and what "is the best". This boundary between the factual and "the best" state reveals the extent to which the normal, in the sense of the ordinary, is not necessarily correct. Accordingly, correctness is a basis from which one can deviate and which can be found outside the framework of the normal (just as the normal can be found outside the framework of the correctness, depending on the position from which it is observed).

1.2 The power of the majority's norm

Here we must emphasize that if something that is usual is not acceptable to the majority, then it is not normal and is not within the norm of society as a whole. Thus, it is not the usual what is exclusively normal, but accepted as such. However, if the accepted by the majority is not in accordance with the correct, the right, and the righteous, then a normal society in such circumstances is neither correct, nor right, nor righteous. That is why the legitimacy of both the accepted normality of human and the accepted normality of society is called into question. By comparing normality and justice, we can see the extent to which society is "sick" or "healthy", the way in which a person becomes alienated from another person, and how the underdevelopment of empathy affects the formation of harsh (interpersonal) standards. Ronald David Laing criticizes society for its high evaluation of "its normal man", claiming that (society) "educates children to lose themselves and to become absurd, and thus to be normal" (Laing, 1967: 12). Society can not only make mistakes, but also be a role model as such. The intense influence of the group, as well as the tendency of the individual to become and remain part of that group, increase the possibility that a person identifies with the group's model of the normal self more than with the original self.

In the already mentioned *The Cambridge Dictionary of Philosophy*, norm is represented as something that, "in a descriptive sense indicates a certain regularity or general average" (Soniewicka, 2015: 728). This "general average" shows that the norm is firmly bounded by conformism. The influence of the majority on the individual is as important as the propensity of the individual to belong to that majority. It is not uncommon for individuals not to express their different opinion for fear of gaining the status of not normal in a negative sense, of being rejected, or of bearing other types of consequences. Many of those who express different attitudes, under pressure "adapt" to the majority. Notable experiment of Solomon Asch discovered that a person often adjusts own opinion to a larger group of people, even knowing that the group is wrong (Asch, 1956). A situation in which individuals would find themselves (opposing the majority), "fostered an oppressive sense of loneliness" (Asch, 1956: 32). This example of conformism reveals the "power" of the majority and what emotional pressure it can exert on an individual. For a social being, loneliness is rejection by society and, adjustment to society, even against one's own logic, is an aspiration to remain in that society. Again, we come to the conclusion that the accepted form of normality and non-normality depends on quantity, i.e., the number of people who accept it as such. We also see that "majority pressure" has a significant impact on many individuals, whether that majority is wrong or right.

The normal in nature and the normal in society often pass by each other, and could even be opposites. It may not be wrong to say that, due to this disharmony of the social in relation to the natural normal, personal and social defects appear as a reaction to erroneously set criteria. When we talk about normality in the social sense, we must also mention social values, the intensity of which depends exclusively on man, and thus on society. Social psychologist Muzafer Sherif points out that "like any other common norm, social values come into existence as a consequence of the contact of individuals or groups of individuals" (Sherif, 1936: 113). When more individuals give significance to the "same", then that "same" becomes commonly significant, that is, socially significant, important, valuable… Social values "may form or even standardize common attitudes, likes and dislikes, aversions, and preferences in the individual members of the group" (Sherif, 1936: 113). It is obvious here that the standardized common attitudes of one group are the norm to that group and that this norm can influence individuals in forming their own attitudes. Thus, the social norm is established by society and adapts to society, and the individual adapts or does not adapt to the social norm.

The norm of culture can sometimes be inconsistent with what is understood as naturally expected. Mentioning the example of the battle and sacrifice of one's own life, for the sake of the comrades, communities or nations, sociologist Allan V. Horwitz explains that "cultural norms can be so significant that they override even the most deeply rooted natural instincts" (Horwitz, 2016: 204). Something that is culturally normal, that has reached the peak of humanness for one group of people, can simply contradict the law of innate instinct (although, it is questionable what society would look like if everything coincided with the innate instinct of each individual).

***

Due to its variability, the norm is relative. Normal today does not have to be normal tomorrow. If today's norm, under various challenges, changed in future, and with its new form be devalued, then good and evil, beautiful and ugly, modern and unmodern... can easily change their significance in the life of human and society. In other words, they can change their intensity to the point that they can become own opposite. The instability of the norm reveals that custom is not a measure of either correctness or incorrectness, but only the stability of decisions, deeds, activities, understanding... Therefore, the usual, standard, that is the norm, and thus normal, does not necessarily have to be correct, right and righteous. One should never ignore the fact that "useful" and "usual" are not synonyms.

2. Not (yet) normal

General normality does not imply an individual matrix, but a set of all individual matrixes with acceptable differences that are within the boundaries of a common matrix and that can, more or less, affect those boundaries. According to Michel Foucault, normalization does not nullify differences, but harmonizes them.

"In a sense, the power of normalization imposes homogeneity; but it individualizes by making it possible to measure gaps, to determine levels, to fix specialties and to render the differences useful by fitting them one to another. It is easy to understand how the power of the norm functions within a system of formal equality, since within a homogeneity that is the rule, the norm introduces, as a useful imperative and as a result of measurement, all the shading of individual differences." (Foucault, 1977: 184)

Thus, a norm can be considered a product of a certain kind of consensus of individual differences. But where is the limit, the border, an imaginary line, which leaves the difference on the "other side"? It is clear that the extremes, due to their noticeable opposite, differ, but it is not clear where the neutral point separating plus and minus is. Does this precise boundary point, which concerns non/normality, exist at all or is it a set of several points that reduce concreteness? Since this border depends on people, i.e., on a huge set of differences, it is increasingly certain that it is a

set of a large number of acceptable points which, due to their number, reduce the concreteness of the border. Leon Anderson has largely answered the questions outlined above by claiming that "one of the key features of deviance is its *blurred boundaries*" (Anderson, 2017: 4, emphasis original). The ambiguity of where exactly the deviance begins reveals the flexibility and changeability of normality. The standard that determines the normality of a person is not immutable, and, therefore, one of its forms does not have to be valid for every generation. It is not impossible that one generation can change the standard, and thus the form of normality, several times. Through changing the form of the normal, society naturally changes the form of the non-normal, which does not have to be exclusively negative and incorrect, even though it is out of the norm.

2.1. Deviance potential

"Not normal" or "abnormal" is usually associated with a deviance, especially a negative one. Negative deviant behavior is a frequent occurrence, to some extent usual, which is not accepted as normal. Such a deviance is not in accordance with the generally established ethical, legitimate, interhuman rules of conduct. It is clear that the "usualness" does not help to perceive negative deviant behavior as neither normal nor correct. On the other hand, the existence of a positive deviance reveals that "not normal" does not always have to be incorrect, not right and negatively evaluated. One of the typologies indicates four types of deviance:

"*Negative deviance*, the traditional focus of the sociology of deviance, refers to behaviors that involve underconformity or nonconformity to normative expectations and negative evaluations. *Rate-busting* refers to overconformity to normative expectations that is negatively evaluated. *Deviance admiration* denotes underconformity or nonconformity that is positively evaluated. Finally, *positive deviance* designates overconformity that is positively evaluated." (Heckert, 2002: 451, emphasis original)

Each of these definitions emphasizes the fact that the deviance, due to its *under*, *non* and *over*, is out of normal. Some of them are negatively, and some positively evaluated, but none of them is within the borders of the normal. If none of these types of deviance has caused the adaptation of either the whole or at least the majority of society to it, then it remains outside the boundaries of the normal and retains its status of the not normal.

Negative and positive deviance are two extremes of abnormality, the first of which violates the current shape, and the second – the current scope of the normal. Because of its positivity towards the normal, "positive deviance could be considered a deviant concept within the substantive area of deviance" (Heckert, 2002: 455). It threatens the boundaries of the normal (and in that way of the abnormal), but it also threatens the essence of the deviance because through its positivity, the deviation can turn into the norm. When a "positive deviance is analyzed as behavior or conditions that surpass normative expectations rather than violate norms" (Heckert, 2002: 456), we should not neglect the possibility that, in a certain sense, surpassing normative expectations is already a violation of the norm. Normative expectation is the norm's limit. Positive deviance can violate the norm, retaining its essence, but threatening its scope. Negative deviance, on the other hand, can be an instrument in the process of fighting for realization of normality. For example, demonstrations in the streets often lead to disturbance of public order and peace, but their goal is achieving a higher standard of living, changing the dysfunctional system, equality of all citizens... Disturbance of public order and peace is not considered normal, but the pursuit of achieving a "higher standard" of living is. Therefore, negative deviant behavior is often the path to achieving a positive goal.

Georges Canguilhem notices that, according to a theory of the relations between the normal and the pathological, pathological phenomena are only "quantitative variations" (Canguilhem, 1978: 13). He states that "the pathological is designated as departing from the normal not so much by *a* or *dys* as by *hyper* or *hypo*" (Canguilhem, 1978: 13, emphasis

original). So, if something is just a "quantitative variation", then there is a possibility that for a human being there is no complete abnormality, but only a more or less unbalanced equilibrium of currently accepted normality. Continuing Plato's example of a craftsman who does not make mistakes, that is, he makes mistakes when he is not a craftsman (Plato, *The Republic*), Canguilhem concludes:

"No healthy man becomes sick, for he is sick only insofar as his health abandons him and in this he is not healthy. The so-called healthy man thus *is not* healthy." (Canguilhem, 1978: 179, emphasis original)

If we use the logic of this statement to understand the relation normal-not normal, we can conclude that the growing absence of normality increases the presence of lack of normality, that is, the presence of non-normality. Therefore, the ***ab***sent-***normality*** is the measure made by normality and for normality.

The non-normal is not necessarily the opposite of the normal. It just has to be outside the frame of the accepted normal and that is what makes it out of the normal, that is, not normal. For example, the opposite of love is hatred. Non-love is not love, but it does not have to be hatred either. To some extent, any difference, which goes out the limits of differences accepted by the majority, is a potential non-normality. But why potential and not certain? The answer to this question can be obtained through the adaptation to deviance. A hyper version of the generally accepted and understood as useful can be a positive challenge. It can become something to strive for and can expand the limits of acceptance of deviance, change the standard and thus change the form of normality. In other words, positive deviance has the power to move the standard to a "more intense level" and thus the non-normal moves the boundary of the normal, becoming normal itself. This kind of deviance reveals that something does not have to be exclusively abnormal because of its essence, but also because of its intensity. Deviation potential is reflected in the ever-present possibility of human understanding of normality to change.

2.2. More potentials…

We will not focus much on the paranormal in this text but it should be emphasized that the frequent identification of "paranormal" and "not normal" (non-normal) is not entirely correct. The main difference between these two phenomena is that the non-normal is, in essence, outside the generally accepted norm, but it is most likely understandable, and the paranormal exceeds the limits of materialized human reason, the limits of our physical logic. It is outside the limits of both our normality and our non-normality. If the non-normal. is outside the limits of the accepted normal, the paranormal is outside the limits of the logic of the human mind. Even though paranormal phenomena could be understood as "those supposedly due to powers of the mind that go beyond the normal" (Blackburn, 2005: 268), perhaps it can be added that those are more than that. Following the fact that "beyond something's limits" is "outside something's limits" we can claim that beyond the normal is outside the normal, which means that it is not normal, simultaneously being incomprehensible. But if the paranormal has become frequent, which due to its frequency (conditionally) has begun to be considered "normal occurrence" (in terms that it happens often and does not harm anyone), it still can remain incomprehensible. Thus, we can claim that something is *this* because it is not *that* and vice versa, without noticing that it is none of it. Therefore, it may be more precise to present it as "outside the understandable" or "outside the limited logical" rather than just "beyond the normal". To a human of limited, materialistic logic, the paranormal is the paralogical. It is neither normal nor abnormal, but once understood (if it is possible to be understood through materialistic logic) it can become both.

We have not fully explored and understood complete physical reality, so that we can rightly claim that our assessment of something is accurate. Our normality/non-normality is just a small segment in the total physical side of reality. That reality has a dual value for man (human) – known and unknown. The normal

changes through changing the value assessment, but also through the cognition of the unknown. Cognition increases the known, and decreases the abstract reality, which is our potential normality-abnormality. This cognitive transformation of human physical reality affects the transformation of both human normality and abnormality.

***

Moving from the potential form of normality – abnormality to our present one, I would like to propose that platformal perception is the reason why the result (what we notice) is often identified exclusively with the cause. For example, if a person has dysfunction, the majority (if not all) will consider[6] him abnormal (not only as an unusual, but also a dysfunctional). However, what we understand as abnormal could be understood as a normal reaction to dysfunction. It may not be wrong to claim that a person's normality is reflected in the response to dysfunction. Therefore, what is perceived as not normal at the macro level can be presented as normal at the micro level, because it is in accordance with the relations of cause and effect. A person with dysfunction may deviate from the social average (formal non-normality), but reacts to the dysfunction as expected (essential normality). Our final assessment may be incomplete due to not taking into account every fact, that is, focusing only on dysfunction.

3. Transformation of the normal

The main feature of the normal is the standard, which is, in a sense, a limitation whose extent depends on society. In other words, the standard is the boundary of our need, understanding, adjustment, and adaptation, which we manage through own limitations[7]. It does not mean that we do not need and understand something what is not the standard, but we simply do not accept it as such. Thus, that boundary is managed by us and can be moved, sometimes to the level that what used to be normal is no longer, and, on the contrary, what used to be not normal, is normal at that moment. Muzafer Sherif points to the potential of the abnormal to contribute to the formation of later respectable norms in the same society (Sherif, 1936: 15). This ability to contribute reveals the influential power of the deviation. There is also the statement that the same behavior or conditions can be first negatively and later positively evaluated (for example, the French Impressionists) (Heckert, 2002: 468; see also: Heckert, 1989). If we discuss the power of deviation and the power of the norm, we also discuss their weakness. The flexibility of the norm is reflected in the fact that the deviation is a potential norm and vice versa.

3.1 The normal as a subject and an object

Normality is constant but changeable. It is also constant in its changeability, which is reflected in flexibility and unstableness. It depends on whether the normal is observed as a subject or as an object. As a subject, it can change the form, and as an object, it can change the status. The transformation of the subject affects the understanding of the object. Ian Hacking compares normality with determinism, explaining it as "both timeless and dated", taking into account its co-presence with us, but also its ability to "adopt a completely new form of life" (Hacking, 1990/2005: 160). The normal, and therefore the abnormal, coexist with us because they are our understanding and acceptance of reality. They are imaginary, but at the same time an evaluation that is inseparable from us.

We have already mentioned that a positive deviance can affect the change of standards becoming the standard itself. However, it is not only the positive deviance that affects the change of normality. Negative deviance also plays a part in this. Emile Durkheim writes about usefulness of crime:

"Crime implies not only that the way remains open to necessary changes but that in certain cases it directly prepares these changes.

[6] Labeling by the society (Tannenbaum, 1938/1963; Lemert, 1951; Becker, 1963/1966) is very similar to this "considering" but it is not the same. By "considering" here I mean only understanding, not labeling.

[7] A standard can be a limit to a need, but a need can also be a limit to a standard. We manage need, but need manages us as well.

Where crime exists, collective sentiments are sufficiently flexible to take on a new form, and crime sometimes helps to determine the form they will take" (Durkheim, 1938/1962: 71).

However, there are natural and social challenges that put society in a position of changing, not in terms of raising standard or changing laws, but adapting to harsher circumstances (for example climate change). Basically, anything that causes a change in nature and society affects the change of norms. This means that the norm is an inseparable element of society that changes along with, or even more precisely, through the adaptation of society. All changes, to a greater or lesser extent, lead to a changed form of reality, which for humans is a new form of normality-abnormality. Regardless of its scope and intensity, any change which society faces and adapts to (whether it is caused exclusively by nature or by society as well), may be better to understand as a part of the process of the *transformation of the normal*. Society lives in a constant change of the normal, which transforms as much as conditions and circumstances. Transformation of the normal has a direct impact on the change of the boundaries of the norm. The normal as a subject can never go out the boundaries of the norm, because it creates them from inside. The norm is, therefore, normal in the form of a subject and its variability is reflected in flexibility. The normal in the form of an object can be found outside the boundaries of the norm, as no longer being covered by the norm. In this sense, the normal as an object is unstable. A person can become not normal not only if that person changes and the majority does not, but also if the majority changes and that person does not. If a member of one society accepted the norm, he or she would logically be normal. If, during the transformation of the norm, a person kept the previous form of the norm as normal and did not accept the new form, that person would no longer be covered by the norm. Non-coverage with the norm makes a person not normal for society. This means that man is as much an object as he is a subject of the normal. To the extent that the individual, through society, establishes normality, to that extent the generally accepted normality influences the positioning of the individual within or outside the borders of the norm.

Each period ends with a slight or sudden transition to another period, rather than stopping for the other to begin (the human boundary in the form of dates is used to make it easier to understand the "time" which is life in a physical consequence of space). In each of them there is a connection with the past period and the potential of the next[8]. The normal is an inseparable element of every period understood and determined by man. Hence, it may not be wrong to conclude that as long as there is a society, there will be a general normal that is in constant transformation. Social transformation reveals that, so far, there has been no new society without members of the old. If it has, it would mean that the society, at one historical moment, ceased to exist, and that, then, appeared a society without any members of the previous one. The transformation of the normal is an indicator of the transformation of society and values, it shows that society is one, but that it is changing. We can be a "new generation", but we are born in certain circumstances with already set norms that will, during our biological-social presence or later, suddenly or gradually, less or more change. So, another or the "new normal" (a term that is already widely used) is, in fact, a transformed form of the already existing normal.

3.2 Three types of the need for change

In the late sixties of the twentieth century, a conference was held in New Delhi, at which the main topic was Personnel Administration. Shri K. Hanumanthaiya (the Chairman of the Administrative Reforms Commission) noted that about two decades after gaining independence, India continued to face problems with how this functioned, as the necessary changes were not made after the

[8] Periods may be logical wholes, but, actually, each of them is a transformed previous period. These wholes are constituent parts of the continuous flow of the process of change.

British left (Hanumanthaiya, 1968: 62). The very title of the conference report reveals what was emphasized and what stood out as the conclusion: *"Personnel Administration – The Need for Change"*. This is one of the examples where the non-functioning of the same principle in different conditions requires a change of either the principle or the society, i.e., adjustment to each other. Some changes in circumstances, to a greater or lesser extent, can cause a person (or group of people) to need to change (to change the way of own functioning in nature and society). That need is, in fact, the accelerator of human adjustment and adaptation to circumstances.

Change is an inseparable element of life that makes it more or less dynamic. For example, biological change, which we termed "aging", is a constant process. Nature and society within it are constantly changing due to various factors. Whether the change is noticeable or not, it is always present. Changes that affect man, logically affect the form of normality. One of the main factors in the intensity and velocity of transformation of the normal is the already mentioned need for change. The need is a basic prism through which a person sees normality, so is the need for change, the prism through which the reason for transforming normality is observed and understood. The need can be understood as an internal factor, and the circumstances in which the individual and society find themselves as external[9]. The need for change, depending on how it was provoked, could be possibly divided into three basic types: *creative*, *forced* and *consumer-conformist*. The need for change can also be a combination of these types.

Creative need is the product of a critical attitude[10] and is critical of the standard. The constant need for something new, but also returning the old (which is potentially new to the current), or changing the intensity of the current, constantly changes the standard. This type of need represents a society's propensity to adjust the normal to its own needs, that is, the normal to comply with society.

Another type is a forced need, which is the response to the perceived deterioration of both non-social or social conditions. Then the human existential need for adaptation is activated. The way someone will adapt to the changed conditions is individual. The individual can adapt to the consequences, bear the consequences due to an inadaptation, but sometimes can both, not to adapt, and not to bear the consequences. Abraham Maslow indicates that "personality syndromes can sometimes maintain a relative constancy under the most surprising conditions of external change" (Maslow, 1954: 39). Anyway, for a large number of people, changed circumstances affect a certain adjustment, adaptation and acceptance. These changed circumstances are potential normality, and to what extent society has adapted to it, to that extent the normal will be transformed. Here we can notice that there is a need to change and a need to be adjusted to the change (in order to sustain the intensity of harmonious correlation between self and environment). Both cases, when normality adapts to society, or when society adapts to sudden or gradual changes, with great potential that the changed reality will be a new form of normality, uncover the characteristic of the changeability of the normal.

The third, consumer-conformist need for change, is the conscious or unconscious propensity of the individual to adapt to the majority. It can both speed up and slow down the process of change, depending on what the general need of society is. Every expressed idea carries the risk of non-acceptance, but also the possibility of being accepted. An individual, through their own idea, can influence other individuals, and when a large number of people accept that idea, then it and its significance spread through the multitude

[9] The external factor should be understood conditionally (in accordance with the subject). For society, everything outside society is an external factor, but for individual, everything outside society and society itself is an external factor.

[10] Critical attitude affects a formation of a new idea, but also influences acceptance and rejection of something presented as normal. The majority, through acceptance or rejection, decides if what is presented as normal will be accepted as generally normal.

(crowd), or even the majority. Then society, in the role of a quantitative factor, can influence an individual who has not accepted the idea to accept it. Here, society is the "agent" of interpersonal influence, and person, by accepting the form of normality, accelerates the process of its implementation in society. In such a need for change two basic types of adaptation can be distinguished: *active passivity* and *passive activity*. Active passivity is expressed in the unconditional acceptance of something that is presented as a "new form of the modern", not because it is presented as such, but because of the absence of independent critical thinking and attitude (self-initiated uncritical determination to be part of the majority). Another one, passive activity, is adaptation through not expressing critical thinking due to conscious avoidance of possible unwanted consequences (determination to be part of the majority extorted by an external factor). Accordingly, in this need for change, traces of uncreative self-initiative and traces of unexpressed creativity[11] can be noticed.

After all, the fact that a human in circumstances is the cause, and that the normal is the consequence, imposes itself. Through its needs, society adjusts the normal to itself, and circumstances can affect the form of need to the extent that society begins to adjust to circumstances. Society's inconsistency in responding to changes causes a crisis, the resolution of which reduces the possibility of a significant transformation of the normal. If the problem is solved more thoroughly, then the normal will transform less. Not resolving the crisis puts the society in position to accept the circumstances either as normal, that is, to go through a significant transformation of the normal, or to accept the change as the abnormality. The increasing intensity of the abnormality conditions the increasing presence of feeling the crisis. So, the crisis is the result of not solving the problem, but also of not harmonized adaptation to the form of change.

The way society understands and accepts the significance of change affects its positivity or negativity for that society. The positivity and negativity of a need, and thus the normality of a person, depends on the assessment of society. If a person's need is within the boundaries of the acceptable needs of society, then it is accepted as generally normal. Accordingly, if one's normality is within the boundaries of the consensus of majority diversities, then it is accepted as normal. The instability of norm and deviation is in fact the product of the variability of society's assessment. The variability of their evaluation indicates the variability of the normal and the abnormal. Here it can be concluded that it is more precise to use the term "new form of the normal" than "new normal", because the transformation of the normal is a continuous process, and the normal a moment (now) in that process.

Conclusion

Human perception obeys to the platform of the physical senses and in accordance with these limits one forms a notion of physical reality. Non-checking, neglecting, insufficient analysis and uncritical attitude (or critical attitude without courage to be expressed), give the incorrect the possibility to be generally accepted as correct, or as "it should be". Consequently, the correctness of what is unconditionally accepted as normal is called into question. The normal covers different concepts that often do not match – the usual (including average) and the correct (including good). The generally accepted norm primarily depends on the quantitative factor, which is not a guarantee of its correctness.

Human is a being within the norm, but also a being outside the norm. A person with a certain dysfunction is often labeled as negatively not normal, but micro-level analysis reveals that such a person reacts to dysfunction as expected. Perhaps it is more correct to claim that dysfunction is not normal, in terms of that it is not the standard of the majority, but that a

[11] Unexpressed creativity is caused by "silent" or "loud" extortion. One does not express own opinion because a different opinion is implicitly or explicitly expected.

person is normal in their reaction to it. The imprecision of classification into normal and abnormal is a product of generalization based on what is noticed and observed, and not based on the completeness of the whole.

The variability of a person's understanding, need and assessment, but also the circumstances, affect the transformation of the normal. Normality and abnormality are interrelated. They are simply one whole. The increasing absence of one increases the presence of the other, and the notion of one does not exist without the notion of the other. The general norm is a law whose boundaries depend on the needs of the society. The social being is prone to harmonize its opinions and attitudes to the majority due to the need to remain a harmonious part of that society. In order to be generally accepted, the normal of an individual does not have to be precise or correct, but it has to be in accordance with the majority. For this reason, if we say that someone is talking behind our backs while talking to our faces, the question is whether what we said, although more precise than the usual expression, will be understood as normal.

References

Alexander, P. (1973), "Normality", *Philosophy*, 48 (184), 137-151.

Allport, G. W. (1958), "Personality: Normal and abnormal", *The Sociological Review*, 6 (2), 167-180.

Anderson, L. (2017), *Deviance: Social Constructions and Blurred Boundaries*, University of California Press, Oakland, California.

Asch, S. E. (1956), "Studies of Independence and Conformity: I. A Minority of One Against a Unanimous Majority", *Psychological Monographs: General and Applied*, 70 (9), 1-70.

Becker, H. S. (1966), *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*, The Free Press, Collier-Macmillan Limited, New York, London.

Blackburn, S. (2005), *The Oxford Dictionary of Philosophy*, 2nd ed., Oxford University Press, Oxford.

Canguilhem, G. (1978), *On the Normal and the Pathological*, translated by Carolyn R. Fawcett with editorial collaboration of Robert S. Cohen, D. Reidel Publishing Company, Dordrecht, Holland.

Cryle, P. and Stephens, E. (2017), *Normality: A Critical Genealogy*, The University of Chicago Press, Chicago.

Durkheim, E. (1962), *The Rules of Sociological Method*, 8th edition translated by Sarah A. Solovay and John H. Mueller, edited by George E. G. Catlin, The Free Press of Glencoe Glencoe, IL.

Foucault, M. (1977), *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, translated by Alan Sheridan, Pantheon Books, New York.

Glare, P. G. W. et al. (eds.) (1968), *Oxford Latin Dictionary*, Oxford at the Clarendon Press, Oxford.

Hacking, I. (2005), *The Taming of Chance*, Cambridge University Press, Cambridge.

Hanumanthaiya, K. (1968), "The Goals of Administrative Reforms", in *Personnel Administration – The Need for Change, Report of the Conference held during March 5-9, 1968*, Indian Institute of Public Administration, New Delhi, 60-65.

Heckert, A. and Heckert, D. M. (2002), "A New Typology of Deviance: Integrating Normative and Reactivist Definitions of Deviance", *Deviant Behavior*, 23 (5), 449-479.

Heckert, D. M. (1989), "The Relativity of Positive Deviance: The Case of the French Impressionists", *Deviant Behavior*, 10 (2), 131-144.

Horwitz, A. V. (2016), *What's Normal? Reconciling Biology and Culture*, Oxford University Press, New York.

Laing, R. D. (1967), *The Politics of Experience*, Pantheon Books, New York.

Lemert, E. M. (1951), *Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior*, McGraw-Hill Book Company, Inc., New York.

Lewis, Ch. T. and Short, Ch. (1879), *Harpers' Latin Dictionary: A New Latin Dictionary Founded on the Translation of Freund's Latin-German Lexicon*, edited by E. A. Andrews, LLD, American Book Company, At the Clarendon Press, New York, Oxford.

Maslow, A. H. (1954), *Motivation and Personality*, Harper & Row, Publishers, New York.

Procter, P. (ed.) (1995), *Cambridge International Dictionary of English*, Cambridge University Press, Cambridge.

Sherif, M. (1936), *The Psychology of Social Norms*, Harper & Brothers Publishers, New York.

Soniewicka, M. (2015), "Norm", in Robert Audi (ed.), *The Cambridge Dictionary of Philosophy*, 3rd ed., Cambridge University Press, Cambridge.

Tannenbaum, F. (1963), *Crime and the Community*, Columbia University Press, New York.

Литература

Alexander, P. Normality // Philosophy. 1973. Vol. 48. No. 184. Pp. 137-151.

Allport, G. W. Personality: Normal and abnormal // The Sociological Review. 1958. Vol. 6. No. 2. Pp. 167-180.

Anderson, L. Deviance: Social Constructions and Blurred Boundaries. Oakland, California: University of California Press, 2017. 496 p.

Asch, S. E. Studies of Independence and Conformity: I. A Minority of One Against a Unanimous Majority // Psychological Monographs: General and Applied, 1956. Vol. 70. No. 9. Pp. 1-70.

Becker, H. S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York: The Free Press; London: Collier-Macmillan Limited, 1966. 179 p.

Blackburn, S. The Oxford Dictionary of Philosophy, 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2005. 407 p.

Cambridge International Dictionary of English / Paul Procter (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1773 p.

Canguilhem, G. On the Normal and the Pathological / Transl. by C.R. Fawcett; R.S. Cohen (ed). Dordrecht, Holland: D. Reidel Publishing Company, 1978. 230 p.

Cryle, P., Stephens, E. Normality: A Critical Genealogy. Chicago: The University of Chicago Press, 2017. 464 p.

Durkheim, E. The Rules of Sociological Method. 8th ed. / Transl. by S.A. Solovay and J. H. Mueller; G. E. G. Catlin (ed.). Glencoe, IL: The Free Press of Glencoe, 1962. ix, 146 p.

Foucault, M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison / Transl. from the French by A. Sheridan. London: Penguin Books (Lane), 1977. 333 p.

Hacking, I. The Taming of Chance. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 264 p.

Hanumanthaiya, K. The Goals of Administrative Reforms // Personnel Administration – The Need for Change (Report of the Conference held during March 5-9, 1968). New Delhi: Indian Institute of Public Administration, 1968. Pp. 60-65.

Harpers' Latin Dictionary: A new Latin dictionary founded on the translation of Freund's Latin-German lexicon / Ed. by E.A. Andrews, LL.D. New York: American Book Company; Oxford: At the Clarendon Press, 1879.

Heckert, A., Heckert, D. M. A New Typology of Deviance: Integrating Normative and Reactivist Definitions of Deviance // Deviant Behavior. 2002. Vol. 23. No. 5. Pp. 449-479.

Heckert, D. M. The Relativity of Positive Deviance: The Case of the French Impressionists // Deviant Behavior. 1989. Vol. 10. No. 2. Pp. 131-144.

Horwitz, A. V. What's Normal? Reconciling Biology and Culture. New York: Oxford University Press, 2016. 288 p.

Laing, R. D. The Politics of Experience. New York: Pantheon Books, 1967. 190 p.

Lemert, E. M. Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior. New York: McGraw-Hill Book Company, Inc., 1951. 459 p.

Maslow, A. H. Motivation and Personality. New York: Harper & Row, Publishers, 1954. 411 p.

Oxford Latin Dictionary / Glare, P. G. W., et al. (eds.). Oxford: At the Clarendon Press, 1968. XXIII, 2126 p.

Sherif, M. The Psychology of Social Norms. New York: Harper & Brothers Publishers, 1936. 209 p.

Soniewicka, M. Norm // The Cambridge Dictionary of Philosophy. 3rd ed. / Robert Audi (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. Pp. 728.

Tannenbaum, F. Crime and the Community. New York: Columbia University Press, 1963. 487 p.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

ABOUT THE AUTHOR:

Vojislav Stojanović, Assistance Lecturer at the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; *vstojanovich_26@yahoo.com*

ОБ АВТОРЕ:

Стоянович Войислав, ассистент кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *vstojanovich_26@yahoo.com*

УДК 1.17 **DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-12**

Ивашина Р. А.

Понятие насилия в социально-политической философии Аристотеля

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *ivashina@bsu.edu.ru*

Аннотация. Насилие – одно из социально-политических явлений, которое, несмотря на все демократические усилия политиков, так и не удается преодолеть. В итоге человечество вынуждено искать баланс между насилием и ненасилием. С одной стороны, насилие необходимо для поддержания правопорядка, но, с другой, оно нуждается в нормировании и регламентации. Со времени зарождения античной философии как основы европейской культуры многие ее представители предлагали свои идеи лучшего устройства жизни социума. Одним из ярких примеров являются социально-политические идеи Аристотеля. Он во многом определил ход развития дальнейших социально-политических идей в истории Европы и мира. Задачей исследования является анализ и систематизация взглядов Аристотеля на насилие. Проводится рассмотрение различных сторон жизни человека на предмет наличия в них насилия. В своих произведениях Аристотель разбирает многие социально-политические аспекты в жизни социума. Все они очень разнообразны, и Аристотель подробно разбирает каждый аспект и регламентирует степень допустимости каждого вида насилия, или запрета.

Ключевые слова: насилие; философия насилия; закон; справедливость; принуждение; наказание

Для цитирования: Ивашина Р. А. Понятие насилия в социально-политической философии Аристотеля // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 152-157. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-12

R. A. Ivashina

The concept of violence in Aristotle's social and political philosophy

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *ivashina@bsu.edu.ru*

Abstract. Violence, despite all the democratic efforts of politicians, has not been overcome. As a result, humanity was forced to find a balance between violence and nonviolence. On the one hand, violence is necessary to maintain law and order, but on the other it needs to be normalized and regulated. Since the emergence of ancient philosophy, as the basis of European culture, many of its representatives have offered their ideas for a better way of life of society. One of the striking examples is the sociopolitical ideas of the great ancient philosopher Aristotle. He largely determined the course of development of further socio-political ideas in the history of Europe and the world. For this reason, the task of the study is to analyze and systematize Aristotle's views on violence. The main method of research is analysis. In his works, Aristotle

examines many socio-political aspects in the life of society. They are all very diverse, but Aristotle makes a detailed analysis and regulation on the degree of permissibility of the use of each type of violence, or prohibition.

Key words: violence; philosophy of violence; law; justice; coercion; punishment

For citation: Ivashina R. A. (2022), "The concept of violence in Aristotle's social and political philosophy", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 152-157, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-12

Введение

Философия Аристотеля несмотря на отдаленность во времени не теряет актуальности и в наши дни. В своих трудах Аристотель аккумулирует всю науку своей эпохи, что еще в древности оценили не только европейцы, но и другие цивилизации. В эпоху Аристотеля Греция переживала политический кризис, поэтому политические идеи мыслителя являются попыткой найти выход из этого кризиса (см.: Лосев, 2000: 24). В наше время тема насилия стала еще более острой, и для понимания первопричин современного насилия обращение к философии Аристотеля является актуальным. В понимании смысла насилия мы придерживаемся здесь этической концепции А.А. Гусейнова, в которой насилие есть подчинение одной воли другой и имеет следующие основные формы: а) некое реальное превосходство в состоянии воли (типичный случай – патерналистская власть, власть отца); б) предварительный взаимный договор (типичный случай – власть закона и законных правителей); в) собственно насилие (типичный случай – власть оккупанта, завоевателя, насильника) (см.: Гусейнов, 1994: 35-41).

Основная часть

Аристотель понимает насилие как определенное ограничение воли, физиологии и внешней свободы человека и применение насилия в различных его вариациях считает необходимым. Первым вариантом такого рода насилия можно назвать ограничения, вызываемые вследствие физиологического влечения, и связанные с этим трудности. Средством борьбы с проявлением насилия Аристотель считает разум: «закон разума, который противится тому, к чему влечет его страсть» (Аристотель, 1984а: 348).

Из первого варианта вытекает второй вариант насилия – это ограничения, связанные с подчинением разуму и знаниям. Аристотель указывает на подчинение высшему воплощению рациональности, или мировому разуму, при определении поступков. Поведение в соответствии с нормами этики как бы освящается божеством. В отличие от божества человеку мешают делать разумный выбор животная и растительная душа. Они проявляют насилие над человеком, склоняя его удовлетворять низшие потребности (см.: Грачев, 2018: 372). Разум и этика являются средством освобождения от подчинения животной и растительной душам. Воспитание и приоритет разума позволяют человеку освободиться от насилия низших потребностей, а также приблизиться к божеству (см.: Грачев, 2018: 375). Один из исследователей творчества Аристотеля в XIX веке, профессор богословия И.Н. Корсунский писал, комментируя древнегреческого философа, что Бог заложил в человеке стремление к правильным поступкам и сопротивление безнравственности (см.: Корсунский, 2015: 52-53). Эту теологически-онтологическую предрасположенность к определенной форме поведения можно рассмотреть как попытку насилия над свободой выбора. Получается, разум ведет человека к счастью через насилие над свободой человека – разум диктует шаблоны поведения (см.: Бронзов, 2011: 22).

Третий вариант насилия находим в иерархии семейных отношений: господин –

раб, муж – жена, отец – дети. Отсюда следует, что семейные отношения имеют три вида: господские, супружеские и родительские. Господские отношения относятся к рабам. Власть хозяина дома относится к жене и детям (супружеские и родительские отношения). Жена и дети должны подчиняться мужчине (см.: Чичерин, 2016: 34). Аристотель прямо пишет об иерархии между полами: «Мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» (Аристотель, 1984c: 383). Неравноправие между полами вполне в традиции эпохи Аристотеля (см.: Чанышев, 1981: 356), который обосновывает данную иерархию внутренними природными свойствами: «Мужчина по своей природе более призван к руководительству, чем женщина» (Аристотель, 1984c: 398), а также необходимостью блага: «Либо благо подвластных, либо совместно благо обеих сторон, и по сути дела, благо подвластных» (Аристотель, 1984c: 456). С одной стороны, подчинение в семье есть насилие, но с другой – это ради блага жены и детей.

Аристотель отмечает, что каждый человек нуждается в общении; его жизнь без общения невозможна, и это делает его сильно зависимым от социума: «Человек есть существо общественное <…> Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению» (Аристотель, 1984c: 379). Аристотель уверен, что никакие земные блага не могут заменить человеку потребность в общении. Одиночество противоестественно, соответственно, эта психологическая потребность вызывает определенное насилие над человеком (см.: Грачев, 2018: 388). Отсутствие общения приводит к насилию: «Тот, кто… живет вне государства, либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; <…> такой человек по своей природе только и жаждет войны» (Аристотель, 1984c: 378-379).

Разбирая специфику демократической формы управления государством, Аристотель отмечает, что справедливость и правильное воспитание в полной мере не могут избавить общество от насилия, потому насилие необходимо применять в качестве вынужденной меры: «Большинство, скорее, послушны принуждению, нежели рассуждению, а взысканию – скорее, нежели прекрасному» (Аристотель, 1984b: 283-284). В продолжение темы демократии Аристотель говорит о способах социального уравнивания с использованием насилия. Он не исключает применение физического насилия для изъятия материальных ценностей у богатых и передачи их бедным (см.: Арним, 2007: 108).

Говоря о прекрасном и доставляющем человеку удовольствие, Аристотель снова приходит к теме насилия. По его мнению, стремление получать удовольствие становится зависимостью и таким образом проявляет над человеком насилие: «Кто, воздерживаясь от телесных удовольствий, этим и доволен, тот благоразумен, а кто тяготится – распущен, так же как тот, кто с радостью противостоит опасностям» (Аристотель, 1984b: 81). Причем стремления к удовольствиям могут привести к значительным последствиям: «Порывы ярости, любовные влечения и некоторые [другие] из таких [страстей] весьма заметно влияют на тело, а у некоторых вызывают даже помешательство» (Аристотель, 1984b: 81). Процесс накопления денег и стремление к богатству также вызывает определенное насилие над человеком.

Такой вид насилия, как военные действия, по мнению Аристотеля, вполне допустим, но они должны происходить на территории другого государства с целью приобретений (см.: Асмус, 2005: 280). Внутри государства война допустима лишь с целью принуждения людей, которые отказываются подчиняться законам государства, так как подчинение властям есть основа жизни в полисе, подобно семейным отношениям, где дети подчиняются родителям (см.: Лебедев, 2008: 173). Для обеспечения правосудия и подчинения властям в полисе существует военное сословие (см.: Асмус, 2005:

292). Внутри самого сословия военных дисциплина строится также на принуждении: «И кто назначает [воинов] в передовые отряды…: ведь все они принуждают» (Аристотель, 1984b: 112).

Разбирая политику Аристотеля, Б. Рассел выделял описание Аристотелем методов тирана, который для сохранения и удержания власти по отношению ко всему населению использует все варианты насилия (Рассел, 2017: 257). В противном случае он может власть потерять, потому тирания в понимании Аристотеля есть сплошное насилие: «“подрезывать” всех чем-либо выдающихся людей, убирать прочь с дороги всех отличающихся свободным образом мыслей, не дозволять сисситий, товариществ, воспитания и ничего другого... нужно, чтобы все люди, пребывающие в городе, постоянно были на виду…: тогда им очень трудно будет скрывать то, чем они занимаются; да и, находясь постоянно на положении рабов, они привыкнут быть смирными <...>. Все подобного рода предприятия рассчитаны на одно и то же: отсутствие у подданных свободного времени и бедность их <…>. Тиран склонен также вести войны, чтобы подданные не имели свободного времени и постоянно нуждались в предводителе» (Аристотель, 1984b: 173).

Б.Н. Чичерин, разбирая политические взгляды Аристотеля, подчеркивал: «Воспитание составляет первое основание совершенного государства» (см.: Чичерин, 2016: 43). По замечанию А.Ф. Лосева, в государстве Аристотеля «воспитывает человека само общество» (Лосев, 2000: 642). Правовед и философ П.И. Новгородцев при характеристике специфики политических идей Аристотеля отмечал: «Идея совершенной гармонии человеческого общества в своем осуществлении неизбежно превратится в принудительную задержку личного развития, в вынужденный режим внешнего согласия» (см.: Новгородцев, 2011: 30). Обобщая эти замечания, можно сделать промежуточный вывод о роли воспитания у Аристотеля. Воспитание необходимо для недопустимости революции в государстве. Реализуется воспитание путем пропаганды, что является насилием над свободой мысли человека.

Несмотря на развитие Аристотелем идей демократии и условий для более благополучной жизни общества, он считал допустимым и необходимым использование труда рабов. Рабство для него, как и для его времени в целом, было нормой. Обосновывает он свою позицию по отношению к рабству естественным разделением людей по этническому признаку. «Людьми, самою природою предназначенными быть рабами, Аристотель признает варваров <…> по природе раб и варвар – одно и то же» (см.: Чичерин, 2016: 31-32). В понимании Аристотеля, одни народы могут жить только в условиях деспотизма, другие в условиях царской власти, а третьи, к которым он относит греков, могут жить в условиях свободы (см.: Чанышев, 1981: 357), потому порабощение, то есть насилие греков по отношению к варварам, вполне обосновано: «Прилично властвовать над варварами грекам» (Аристотель, 1984c: 377). Аристотель варваров называет самыми худшими из людей, потому варвар и раб это одно и то же: «Варвар и раб по природе своей понятия тождественные» (Аристотель, 1984c: 377). Варварам, по его мнению, необходимо быть рабами: «Одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо» (Аристотель, 1984c: 384). А.Ф. Лосев и А.А. Тахо-Годи отмечали, что Аристотель считает варваров «ненастоящими людьми», понимая под этим «лишеность человеческого достоинства» и сравнивая их с животными (см.: Лосев, Тахо-Годи, 2014: 156). Исходя из такого хода мысли, варварам быть рабами в государстве является правильным социальным устройством (см.: Арним, 2007: 284). Необходимо отметить, что в течение жизни Аристотеля его отношение к рабству не изменилось, он был и остался тверд в убеждениях о необходимости рабства в государстве, а с ним и наличия такой формы насилия, как рабство. Исходя из

негативного отношения к рабам как неполноценным людям, над которыми необходимо властвовать, Аристотель обосновывает необходимость ведения войн с варварскими народами, а значит, насилия в самой крайней форме своего проявления, потому что во время войны происходит массовая гибель людей.

Заключение

В заключение можно сделать вывод о понимании насилия в социально-политической философии Аристотеля, которая во многом явилась реакцией на социально-политический кризис времени Аристотеля.

Можно выделить несколько видов насилия.

Первый: материальное насилие, в котором наличие богатства определенным образом создает человеку ограничения.

Второй: опытно-рациональное насилие – это различные жизненные неудачи, которые, с одной стороны, представляют собой психологическое и материальное насилие, но в то же время учат рациональным поступкам.

Третий: потребительски-физиологическое насилие – это различные не жизненно важные желания человека, такие как обычное стремление к удовольствию, физиологические желания и страсти. Все они если и не являются насилием, то создают некоторый психологический дискомфорт у человека.

Четвертый вид: коммуникативное насилие – связано с выделяемой Аристотелем потребностью каждого человека в общении. Человек нуждается в общении, а лишение общения приводит к психологическому насилию.

Пятый вид: семейно-бытовое насилие. Как в семье, так и в социуме существует иерархия, которая предполагает определенное подчинение, а подчинение предполагает насилие.

Шестой: воспитательное насилие. По мнению Аристотеля, в обществе необходимо воспитывать определенную систему ценностей. Потому воспитание в государстве должно быть в обязательном порядке, а это является насилием над социально-политическим и аксиологическим мировоззрением человека.

Седьмой: государственное насилие. Жизнь людей в государстве, причем различных форм правления, предполагает подчинение, которое основано на насилии.

Восьмой вид: рабовладельческое насилие. К нему относится обоснование необходимости использования труда рабов. Этот труд основан на постоянном насилии одних людей по отношению к другим.

Девятый вид: военное насилие. Аристотель считает необходимым ведение военных действий по отношению к другим народам. Этот вид можно назвать крайней формой насилия.

Таким образом, несмотря на большой вклад Аристотеля в развитие демократии и свободы человека, он не отрицает насилие и считает необходимым его применение. Перечисленные выше виды насилия указывают на полный охват всех сторон жизни человека, за исключением религиозных убеждений.

Литература

Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. С. 296-374. (a)

Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. С. 54-293. (b)

Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. С. 376-644. (c)

Арним, Г. История античной философии. 2-е изд. / пер. с нем. и предисл. С.И. Поварнина. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.

Асмус, В.Ф. Античная философия. 3-е изд. М.: Высшая школа, 2005. 408 с.

Бронзов, А.А. Учение Аристотеля о нравственности. 2-е изд. М.: КРАСАНД, 2011. 152 с.

Грачев, М.В. Античная философия религии: От зарождения до Аристотеля. М.: ЛЕНАНД, 2018. 400 с.

Гусейнов, А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 35–41.

Корсунский, И.Н. Учение Аристотеля и его перипатетической школы о Боге. Изд. стереотип. М.: Либроком, 2015. 200 с.

Лебедев, А.В. Аристотель // Античная философия: энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 164-175.

Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 880 с.

Лосев, А.Ф., Тахо-Годи, А.А. Аристотель: В поисках смысла. М.: Молодая гвардия, 2014. 296 с.

Новгородцев, П.И. Политические идеалы Древнего и Нового мира. 2-е изд. М.: КРАСАНД, 2011. 2016 с.

Рассел, Б. История западной философии / пер. с англ. М.: АСТ, 2017. 1024 с.

Чанышев, А.Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос. фак. и отделений ун-тов. М.: Высшая школа, 1981. 374 с.

Чичерин, Б.Н. Политические мыслители: От Древнего мира до эпохи Возрождения. Изд. стереотип. М.: Либроком, 2016. 222 с.

References

Aristotel' (1984a), “Big Ethics”, *Sochineniya v 4 tomakh. Tom 4* [Aristotle. Works: In 4 volumes. Vol. 4], in A. I. Dovatur (ed.), Mysl', Moscow, USSR, 296-374 (in Russ.).

Aristotel' (1984b), “Nikomakh's Ethics”, *Sochineniya v 4 tomakh. Tom 4* [Aristotle. Works: In 4 volumes. Vol. 4], in A. I. Dovatur (ed.), Mysl', Moscow, USSR, 54-293 (in Russ.).

Aristotel' (1984c), “Politics”, *Sochineniya v 4 tomakh. Tom 4* [Aristotle. Works: In 4 volumes. Vol. 4], in A. I. Dovatur (ed.), Mysl', Moscow, USSR, 376-644 (in Russ.).

Arnim, G. (2007), *Istoriya antichnoy filosofii* [The History of ancient philosophy], LKI Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Asmus, V. F. (2005), *Antichnaya filosofiya* [Ancient philosophy], Vysshaya shkola, Moscow, Russia (in Russ.).

Bronzov, A. A. (2011), *Uchenie Aristotelya o nravstvennosti* [Aristotle's Doctrine of morality], KRASAND, Moscow, Russia (in Russ.).

Chanyshev, A. N. (1981), *Kurs lektsiy po drevney filosofii* [Course of lectures on ancient philosophy], Vysshaya shkola, Moscow, USSR (in Russ.).

Chicherin, B. N. (2016), *Politicheskie mysliteli: Ot Drevnego mira do epokhi Vozrozhdeniya* [Political Thinkers: From the Ancient World to the Renaissance], Stereotype, Librokom, Moscow, Russia (in Russ.).

Grachev, M. V. (2018), *Antichnaya filosofiya religii: Ot zarozhdeniya do Aristotelya* [Ancient philosophy of religion: From the origin to Aristotle], LENAND, Moscow, Russia (in Russ.).

Guseinov, A. A. (1994) “Concepts of violence and nonviolence”, *Voprosy filosofii*, 6, 35-41 (in Russ.).

Korsunsky, I. N. (2015), *Uchenie Aristotelya i ego peripateticheskoy shkoly o Boge* [The teachings of Aristotle and his peripatetic school about God], Librokom, Moscow, Russia (in Russ.).

Lebedev, A. V. (2008), “Aristotle”, *Antichnaya filosofiya: entsiklopedicheskiy slovar* [Ancient philosophy: an encyclopedic dictionary], Progress-Tradicija, Moscow, Russia, 164-175 (in Russ.).

Losev, A. F. (2000), *Istoriya antichnoy estetiki. Aristotel i pozdniaya klassika* [History of ancient aesthetics. Aristotle and the Late Classics], Folio, Kharkiv, Ukraine (in Russ.).

Losev, A. F. and Takhoe-Godi, A. A. (2014), *Aristotel': V poiskakh smysla* [Aristotle: In search of meaning], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Novgorodtsev, P. I. (2016), *Politicheskie idealy Drevnego i Novogo mira* [Political ideals of the Ancient and New World], KRASAND, Moscow, Russia (in Russ.).

Russell, B. (2017), *Istoriya zapadnoy filosofii* [History of Western Philosophy], AST Publishing, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Ивашина Роман Анатольевич, старший преподаватель кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *ivashina@bsu.edu.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Roman A. Ivashina, Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *ivashina@bsu.edu.ru*

УДК 261.4 **DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-13**

Рудавина Т. А.

Христианские аксиологические основания современных внутрисемейных отношений в условиях глобализации

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *rudatan@yandex.ru*

Аннотация. Целью статьи является выдвижение и обоснование тезиса о том, что обращение к христианской аксиологии приобретает особую актуальность в деле сохранения традиционного понимания семейно-брачных отношений, что, с позиции православной теологии, имеет важные последствия для будущего страны. В работе делается акцент на антихристианской направленности глобализации, ее деструктивном влиянии на институт семьи, а также на положительном влиянии христианской аксиологии на внутрисемейные отношения. В итоге утверждается созидательное воздействие евангельских ценностей на внутрисемейные взаимоотношения, на эмоциональные и поведенческие особенности человека. Делается вывод о том, что отход от евангельских установок ведет к разрушению духовного единства и семьи, деструктуризации межличностных отношений, что является опасным для целостности и устойчивости российского социума, а потому необходимо опираться на христианское вероучение, евангельские принципы.

Ключевые слова: христианская аксиология; евангельские ценности; христианская семья; глобализация

Для цитирования: Рудавина Т. А. Христианские аксиологические основания современных внутрисемейных отношений в условиях глобализации // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 158-167. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-13

T. A. Rudavina

Christian axiological foundations of modern intra-family relationships in the context of globalization

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *rudatan@yandex.ru*

Abstract. The aim of the article is to put forward and substantiate the thesis that today globalization, political processes, global migration flows, the leveling of national cultures, the complexity of interethnic relations cause crisis phenomena in the spiritual and moral sphere, which leads to the transformation of the family institution. In this regard, the thesis is put forward that the appeal to Christian axiology becomes particularly relevant in preserving the traditional understanding of family and marriage relations, which, from the perspective of Orthodox theology, has important implications for the future of the country. The paper focuses on the anti-Christian orientation of

globalization and its destructive influence on the institution of the family and the formation of young people, as well as on the positive influence of Christian axiology on intrafamily relationships. As a result, the constructive influence of Gospel values on intrafamily relationships and on the emotional and behavioral features of a person is asserted. The conclusion is made, that a departure from the Gospel attitudes leads to the destruction of spiritual bindings, the death of the family institution, the destructuring of interpersonal relations, which is dangerous to the integrity and stability of Russian society. Therefore, it is necessary to rely on the Christian faith, the Gospel principles, and the strengthening of church-state relations in the protection and strengthening the family institution.

Keywords: Christian axiology; evangelical values; Christian family; globalization

For citation: Rudavina T. A. (2022), "Christian axiological foundations of modern intra-family relationships in the context of globalization", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 158-167, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-13

В настоящее время, в век глобализации, молодое поколение испытывает грандиозное информационное давление и, в силу неокрепшего сознания и нахождения в поисках истины, нередко оказывается в сложной ситуации, когда не может сделать правильный выбор. Глобализация принесла с собой изменения в сфере понимания человека и гендерной политики (сексуальную революцию, феминизм, ЛГБТ и др.), смену аксиологической, мировоззренческой парадигмы и констант мышления, трансформацию в этической сфере, смену культурных, нравственных ценностей и ориентиров (см.: Липич, 2017: 150), формирование качественно иных межличностных отношений на фоне роста культа комфорта и потребительства.

Быстрое развитие био-нанотехнологий, исследования в области искусственного интеллекта привели к тому, что в настоящее время происходит формирование нового образа человека с иным, нехристианским, мировосприятием, самоощущением, с иной ценностной шкалой. Если в соответствии с христианской аксиологией и антропологией, человек имеет в себе образ и подобие Бога-Творца, а человеческое тело смертно, и душа после смерти тела переходит в иное состояние, то согласно, например, современным трансгуманистическим идеям, человеческое состояние является изменяемым, и посредством современных технологий человек может стать бессмертным и модернизировать, трансформировать себя, свое сознание, свое тело. Так, NBIC (N – нано; B – био; I – инфо; C – когно, т. е. нанотехнология, биотехника, информатика, наука, их взаимовлияние[1]) ведет работы по модификации биологии человеческого тела, созданию искусственного интеллекта и новых систем роботов, углублению знаний, касающихся устройства человеческого мозга. Путем синтеза этих четырех направлений научной сферы планируется создать «нового человека»: наносущество, техносущество, трансчеловека, постчеловека. Речь идет о так называемом «новом гуманизме», неорелигии «для новой пост-человеческой формации будущего социума на Земле» (Рудавина, 2021: 170).

Такой подход противоречит христианскому мировоззрению и диаметрально противоположен христианской антропологии, взгляду на человека и на смерть, транс-

[1] Феномен NBIC-конвергенции: Реальность и ожидания // Официальный сайт Российского Трансгуманистического Движения [Электронный ресурс]. URL: http://transhumanism-russia.ru/content/view/498/ (дата обращения: 22.03.2022).

формирует духовно-нравственные ориентиры, преобразует понимание личности и действительность в целом, изменяя при этом христианское понимание семейно-брачных взаимоотношений. Учитывая то, что семья является ячейкой социума, в которой, прежде всего, закладываются духовно-нравственные ориентиры, базовые для человека ценности, «прочная семья выступает условием стабильности, как в обществе, так и в духовно-нравственном состоянии личности» (Липич, 2020: 8), можно сказать, что такой трансгуманистический, глобалистский подход к человеку отрицательно скажется на институте семьи, межличностных и внутрисемейных отношениях. Если же будет разрушен институт семьи – будет искажен и демонтирован фундамент благополучия и стабильности общества.

Сегодня все чаще можно услышать, что семья как институт себя изживает, что нужно развиваться и не зацикливаться на старых устоях, что нетрадиционные межполовые отношения равнозначны традиционным и имеют право быть. СМИ пестрят рекламой и пропагандой таких взаимоотношений, которые противоречат христианскому мировидению, а потому христианство всячески дискредитируется. Внутрисемейные отношения перестают восприниматься как проявление духовного единства, искренней любви, которая предполагает жертвенность, и перерождаются на наших глазах в эгоистическое удовлетворение в браке собственных потребностей.

Все эти процессы оказывают деструктивное воздействие на сознание и мировосприятие детей, молодежи. А ведь молодое поколение – это основной движущий пласт социума. В связи с этим для сохранения традиционного понимания семейно-брачных, внутрисемейных отношений, для сохранения целостности и духовной безопасности страны, для эффективного решения проблем российского социума необходимо делать упор на привитие созидательной духовности детям, раскрывать православное вероучение, христианскую аксиологию, направленную на духовное совершенствование человека, гармонизацию его внутреннего состояния.

Как отмечает член бюро Всемирного русского народного собора С.А. Анисимова, в настоящее время часть взрослого российского населения не понимает важность семьи в деле воспитания целостной, гармоничной личности, некоторые российские семьи «не осознают себя социальным институтом, в котором закладываются основы духовно-нравственного воспитания»[2]. Сегодня наблюдается некоторое падение в сфере нравственности, уход от созидательных евангельских принципов и, как следствие, утрата любви и взаимоуважения. Это является детерминантой снижения способности человека строить семейные отношения на основе христианской аксиологии. С начала XXI в., как отмечает Т.С. Пронина, процессы глобализации и интеграции, столкновения культур вызывают кризисные явления в сфере семьи (см.: Пронина, 2015: 130). Об этом же говорит и А.Б. Федулова, которая обозначает серьезные и вызывающие тревогу изменения «семейных ценностей практически во всех брачно-семейных сферах» (Федулова, 2003: 45).

Семья, в традиционном ее понимании, является той сферой, которая помогает человеку интегрироваться в социум, в отечественную культурную традицию. Мир ценностей, утвердившихся в семье, непосредственным образом оказывает влияние на сферу ценностных ориентаций ребенка, который в будущем станет взрослым полноценным членом общества. И благополучие этого общества в целом находится в зависимости от ценностных установок отдельно взятого человека, а потому весьма

[2] Духовно-нравственное воспитание молодежи: путь в будущее. 2018 г. // Сайт Международной общественной организации «Всемирный Русский Народный Собор» [Электронный ресурс]. URL: https://vrns.ru/news/dukhovno-nravstvennoe-vospitanie-molodezhi-put-v-budushchee/ (дата обращения: 10.01.2022).

важно то, какие ценности прививаются человеку в семье. В связи с этим особую значимость приобретает согласованность личностных интересов индивидуума и интересов социума для гармоничного, созидательного развития общества.

Глобализационные ценности противостоят традиционным христианским ценностям и принципам построения семьи и внутрисемейных отношений. Так, Г.А. Ельникова обращает внимание на то, что современные феминистические движения в рамках глобализационных процессов выступают против традиционного, т. е. христианского, взгляда на внутрисемейные отношения и «заменяют патриархальную семью семьей нового типа – свободным браком и новой общностью равноправных людей» (Ельникова, 2003: 13). Наблюдаются тенденции искоренить саму систему патриархальных отношений, семья все чаще объявляется пережитком прошлого. Все чаще стали появляться семьи на правах сожительства, пышным цветом расцветают всевозможные ЛГБТ-движения, пугающим становится рост разврата и педофилии[3]. В СМИ появляются сюжеты, в которых оправдываются и приравниваются к браку гомосексуальные связи, продвигаются идеи о преимуществе малодетной семьи, о достаточности иметь в семье одного ребенка. Распространенной формой отношений становятся так называемые «партнерские отношения» без взаимных обязательств. В результате в молодежной среде появилось движение «чайлдфри». Для приверженцев этой идеологии «отказ от вечеринок и спонтанных поездок за границу – слишком высокая плата за материнство»[4]. Многие современные молодые люди не желают быть ответственными за семью, за детей, предпочитают внебрачные сожительства. Итак, процесс вымирания нации постепенно превращается в реальность, а, как нам показывает история человечества, «когда вымирает одна цивилизация, ее место тут же занимает другая. И мы не застрахованы от подобного финала» (Морозова, 2009).

Между тем, следует отметить, что пока, несмотря ни на что, в России большинство жителей считает, что институт семьи играет важную роль в жизни общества и государства[5], в деле воспитания и развития детей, молодого поколения, в развитии социума. Именно в семье закладываются основы ценностных ориентаций, приобретаются азы знаний о мире и формируются модели поведения в нем, способы интеграции в социум. Семья – это та среда, которая будет влиять на протяжении всей жизни человека на принятие им решений, на его поведение в обществе, на отношение к окружающему миру, природе, людям. В основе христианских семейно-брачных отношений лежат понятия верности, искренности, взаимопомощи, а возникающие трудности в семейной жизни (и их преодоление) являются составляющей семейной жизни, которая способствует духовному росту членов семьи. Святитель Иоанн Златоуст говорит о том, что если члены семьи живут в согласии, единодушии и любви «и соединены узами добродетели, там посреди Христос» (Иоанн Златоуст, 2006а: 770). Христианские ценностные ориентиры «делают человека в счастье скромным, в несчастье – твердым и великодушным, образуя его в истинного гражданина, подготовленного как к земной, так и к вечной жизни» (Фролышева).

[3] В России выросло число половых преступлений против детей // РИА Новости. 29.05.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20200529/1572152411.html (дата обращения: 10.01.2022).

[4] Движение «чайлдфри» – «свободные от детей» – набирает обороты в России и Европе // ТВ. Первый канал. Новости. 28.09.2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2014-09-28/34043-dvizhenie_chayldfri_svobodnye_ot_detey_nabiraet_oboroty_v_rossii_i_evrope (дата обращения: 10.01.2022).

[5] ВЦИОМ выяснил отношение россиян к браку и семье // РИА Новости. 08.07.2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20210708/brak-1740461421.html (дата обращения: 10.01.2022).

В соответствии с православным вероучением, человек состоит из тела и души, а потому ребенку необходимо дать не только физическое, но и духовное воспитание, чтобы он не вырос бездуховным рабом плоти и своих страстей. Епископ Александр (Милеант) отмечает, что христианское воспитание направлено на то, чтобы дать ребенку духовный вектор развития, духовный фундамент, чтобы он мог устоять перед разными житейскими соблазнами (см.: Александр (Милеант), 2015). Иоанн Златоуст обращает внимание родителей на то, что они должны думать прежде всего о духовном состоянии детей, о богатстве их души, о глубине сердца, воспитывать в них благочестие и добродетели, а не «думать о том, как бы сделать детей богатыми» (см.: Иоанн Златоуст, 2006b: 717).

Разрушительная модель воспитания и дальнейшего поведения основывается, по рассуждению свт. Тихона Задонского, на самолюбии, неимении любви к Богу и ближним, на корыстолюбии, тщеславии и гордыне. Для такого человека на первом месте всегда его потребности, его желания, и ему не интересно, как и чем живут окружающие его люди, каковы потребности у них, а потому он раздражителен в отношении немощей других людей, но при этом весьма лоялен к своим слабостям; другие люди для него – лишь способ, объект для удовлетворения своих потребностей (см.: Тихон Задонский, 1994a: 261). Свт. Тихон убежден, что формирование четких и ясных понятий о евангельских ценностях, принципах, формирование христианского отношения к миру, придание христианской направленности волевым силам, научение человека самоконтролю, самокритичности, самоанализу, соотношению своих мыслей и поступков с Заповедями Божьими составляет суть процесса воспитания (и самовоспитания) личности (Тихон Задонский, 1994b: 362).

Внутрисемейные отношения, основанные на евангельских принципах любви и заботы, уважения и жертвенности, терпения и умения прощать, тактичности и великодушия, определяют созидательную духовную атмосферу, задают контекст взаимоотношений мужа и жены, а также родителей и детей. Именно в семье у человека формируются ценности, представления о добре, зле, любви, дружбе, о долге и порядочности, здесь он приобщается к оценкам жизненных явлений, точкам зрения, убеждениям. Семья – это люди, объединенные родовыми связями, это «малая церковь», единство любящих друг друга людей, скрепленное искренней, чистой и живой верой в Бога, это собрание (со-братья), духовная общность совместно живущих людей, со-трудничество, синергия, единство во множестве (церковный принцип соборности). В соответствии с христианскими вероучением и аксиологией, брак есть свободное соединение двух личностей разного пола, это благодатный союз мужчины и женщины, когда два становятся «одна плоть» (см.: Мф. 19:5-6; Еф. 5:31). Апостол Павел говорит о сакральности брака, о его таинственности (см.: Еф. 5:32), указывая тем самым на великое его значение для человечества.

Как отмечает исследователь философии советского времени Ю.В. Пущаев, современные идеологии либерализма отрицают «практически все традиционные социально-политические институты – вплоть до семьи или половой принадлежности. Семья и иные формы социальности считаются ими чисто договорными явлениями <...> семья мешает процветанию либерализма, ведь традиционная семья является базой и школой нравственных, культурных и духовных ценностей, имеет основу не в эгоизме, а в жертвенной любви ради ближнего; либерализм видит идеалом человека-потребителя, эгоиста, без пола и возраста, с запросами на уровне инстинктов (полового и потребления), без семьи» (Пущаев). С позиции православной теологии, разрушение внутрисемейных отношений, разрыв с родными и близкими людьми, отрыв от семейных традиций и ценностей, искажение института семьи ведут к утрате исторической

памяти, разрыву поколений, атомизации и эмансипации личности, замыканию человека в самом себе, утрату духовного фундамента.

Следует сказать о том, что семья может выступать не только как положительный, созидательный фактор в развитии личности, но и как деструктивный, разрушительный фактор, если духовность и нравственность в ней находятся на низком уровне, если один из родителей не осознает свое место и роль в семье, не осознает свое влияние на других членов семьи и воспринимает их лишь как способ удовлетворить свои потребности. В таком случае семья наносит огромный вред в воспитании детей (см.: Кураженкова, 2015: 1, 2).

Таким образом, традиционный для русского самосознания взгляд на семейно-брачные отношения, на воспитание молодого поколения связан непосредственно с христианским мировоззрением, аксиологическая система которого лежит в основе создания семьи и базируется на таких понятиях, как любовь, которая мотивирует человека на жертвенное служение, и иерархия, которая является «основанием устойчивости ценностных отношений» (Трунина, 2016: 28). Семья для большинства россиян является главной средой воспитания и формирования личности. Ее влияние намного превышает влияние школы, сверстников, улицы (хотя, справедливости ради, не стоит недооценивать их воздействие). Внутрисемейные отношения – это основа, фундамент жизни человека, а потому многие современные либеральные течения, политические партии, социальные группы, особенно прозападного направления, стремятся исказить взгляд на семью и брачные отношения, нивелировать христианский взгляд на институт семьи и межполовые отношения, навязывая молодому поколению антихристианские ценностные ориентиры и настаивая на отходе от христианской аксиологии, выдвигая на первый план приоритет личных, индивидуалистических интересов над общественными (когда «Я» становится выше «Мы»), прививая молодежи потребительский взгляд на мир, негативное отношение к родителям, к их традициям и опыту.

Здесь необходимо сказать о том, что в западных обществах уже давно продвигаются антихристианские принципы и идеи относительно семейно-брачных отношений и межполовых связей. Западные религиозные объединения христианского направления стали рукополагать открытых гомосексуалистов, лесбиянок, совершают таинство венчания над ними, подгоняя библейскую картину мира под свое мировоззрение, под свои страсти. Так, в частности, еще в 1977 году англиканский епископ Нью-Йорка Пол Мур совершил рукоположение открытой гомосексуалистки в священники[6]. Также англиканский епископ Д. Спонг в своей книге «Спасая Библию от фундаментализма» дерзко заявляет о гомосексуальности апостола Павла (Ливцов, 2015: 419). С 2011 г. в Великобритании под девизом “Goodbye, mother and father!” и в рамках защиты прав геев слова «отец» и «мать» в документах на оформление паспорта заменены словами «родитель № 1» и «родитель № 2»[7]. В законодательстве Нидерландов сказано: «Брак может быть заключен двумя представителями одного или противоположного полов»[8]. Такие же права были признаны за однополыми парами в иных странах (например, в Испании, Швеции и др.) (см.: Дергунова, 2011). Теперь обладать ребенком в этих странах может

[6] https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.083a1214-6326eac3-20ccda32-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Paul_Moore_Jr.

[7] Goodbye, mother and father! Now Parent 1 and Parent 2 appear on PC passport form // Daily Mail [Электронный ресурс]. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-2044491/PC-passport-Goodbye-mother-father-Now-Parent-1-2-appear-form.html (дата обращения: 13.01.2022).

[8] О регистрации супружеских отношений в Нидерландах [Электронный ресурс]. URL: https://netherlands.mid.ru/vaznaa-informacia?cn=11 (дата обращения: 16.01.2022).

каждый, т. е. ребенок стал объектом, предметом удовлетворения потребностей, что для большинства россиян пока неприемлемо. В 2013 г. во Франции также узаконены однополые брачные отношения, и такие пары могут усыновлять детей[9]. Во многих школах, детских садах слова «мальчик» и «девочка», определяющие пол, заменены на нейтральные слова «друзья», «дети»[10]. В том же году Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) призвала страны «установить отношения диалога и доверия с ЛГБТ-сообществами также посредством участия в гей-парадах <...> и воздержаться от гомофобских и трансфобских речей и публично осудить их»[11].

Все это противоречит христианским принципам и свидетельствует об отходе западного мира от библейского мировоззрения. Ведь Библия недвусмысленно и ясно говорит об отношении полов, о семейно-брачных отношениях и воспитании детей. Как замечает митрополит Иларион (Алфеев), Церковь признает влечение к лицам своего пола в качестве недуга, греховного влечения, а потому она категорически против того, «чтобы греховное поведение было объявлено нормой» (Иларион (Алфеев), 2013). С позиции православного богословия, полная свобода в сфере интимных отношений, межполовых связей ведет к тому, что душа порабощается плотью, человек подчиняется животным инстинктам, превращаясь в бездумное, безответственное, безнравственное животное.

В России в 2013 г. был принят законопроект «О пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», который нацелен на то, чтобы обезопасить, защитить детей, молодежь от пропаганды нетрадиционных, развращающих половых связей, поддержать баланс в обществе, т. к. западный, либеральный, внебиблейский подход к семье, браку, к воспитанию детей, межполовым отношениям вызывает у большей части россиян, воспитанных на христианских ценностях, святоотеческом наследии, серьезные опасения и отторжения, а потому этой антихристианской идеологии в России противостоит пока большая часть населения.

Следует отметить, что ПАСЕ сразу отреагировала осуждением данного законопроекта и позиции России. Законодательная система многих западных стран сегодня нацелена на разрушение традиционной семьи в христианском понимании, поскольку в такой семье человек обретает твердую духовную, мировоззренческую основу. Как отмечает иерей Александр Каневский, разрушение института семьи «протекает исключительно в русле глобального процесса формирования единого общемирового секулярного государства» (Каневский, 2013), который напрямую связан с дехристианизацией общества, особенно молодежи, еще не окрепшей духовно и сознательно.

В заключение необходимо сказать о том, что в настоящее время признаки кризисного состояния института семьи во всем мире налицо, причем с преобладанием его в западных странах, где семейные ценности больше всего подверглись серьезным изменениям и трансформации в результате отхода от христианской аксиологической системы и искажения библейских принципов в сфере семейных и межполовых отношений, что существенно влияет на межличностные отношения в целом. В мировом сообществе становятся нормой добрачные и внебрачные сексуальные отношения, авторитет родителей нивелируется, их опыт вы-

[9] Закон об однополых браках во Франции вступил в силу // РИА Новости. 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20130518/938034835.html (дата обращения: 10.01.2022).

[10] См.: Представитель РПЦ: легализация нетрадиционных семей – модная утопия // РИА Новости. 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/interview/20130705/947796599.html (дата обращения: 10.01.2022).

[11] Коммюнике представительства Русской Православной Церкви при Совете Европы по итогам летней сессии ПАСЕ 2013 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3078791.html (дата обращения: 10.01.2022).

смеивается, разрушаются родовые, семейные связи, что приводит к трансформации, деструктивному искажению отношений между всеми членами семьи и отрицательно сказывается на внутреннем состоянии детей. Потребность в деторождении отходит на второй план.

Несмотря на это, в России значимость семьи в целом пока неоспорима, семья все еще остается важнейшей фундаментальной ценностью в жизни российского общества, воспитанного на христианских принципах и культуре. Христианская аксиология повышает уровень ценностной шкалы человека, а также уровень сопереживания, сострадания другим людям. От того, что ребенок получил в детстве, как говорит свт. Тихон Задонский, зависит вся его жизнь и жизнь его рода: «Чему обучен ребенок будет в детстве, того до смерти и будет держаться» (Тихон Задонский, 1994а: 120). Человек, имеющий четкие христианские ценностные и смыслообразующие жизненные ориентиры, способен противостоять секулярной, деструктивной идеологии либерализма, а потому в сфере воспитания и образования молодого поколения необходимо опираться на христианское вероучение, евангельские принципы, на святоотеческое наследие.

Литература

Александр (Милеант), еп. Религиозное воспитание детей // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/deti/religioznoe-vospitanie-detej#n1 (дата обращения: 10.01.2022).

Дергунова, В. Право однополых пар на усыновление детей // Закон.ру. 10.10.2011 [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2011/10/10/pravo_odnopolyx_par_na_usynovlenie_detej (дата обращения: 10.01.2022).

Ельникова, Г.А. Становление и развитие феминизма в России: к истории вопроса // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 12. С. 1-15.

Иларион (Алфеев), митр. Семья, христианство, общество: православный взгляд // Patriarchia.ru, 13 ноября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3365819.html (дата обращения: 10.01.2022).

Иоанн Златоуст, свт. Восемь слов на Книгу Бытия. Слово 7 // Полное собрание творений: В 12 т. Т. 4. Кн. 2. М.: Изд-во Сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2006. С. 760-770. (a)

Иоанн Златоуст, свт. Слово о воспитании детей // Полное собрание творений в 12 т. Т. 12. Кн. 2. М.: Изд-во Сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2006. С. 717-725. (b)

Каневский, А., иер. Церковь и семья в условиях построения однополярного глобального мира // Русская народная линия. 13.11.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2013/11/14/cerkov_i_semya_v_usloviyah_postroeniya_odnopolyarnogo_globalnogo_mira/ (дата обращения: 29.03.2022).

Кураженкова, Н.С. Семья как главный институт воспитания // Мир науки. 2015. № 3. Т. 3. С. 1-7 [Электронный ресурс]. URL: https://mir-nauki.com/PDF/22PDMN315.pdf (дата обращения: 29.03.2022).

Ливцов, В.А. Экуменическое движение и Русская Православная Церковь в контексте государственной конфессиональной политики России с середины XIX в. по начало XXI в. Орел: ОФ РАНХиГС, 2015. 550 с.

Липич, Т.И, Липич, В.В., Борисов, С.Н. «Семья – это колыбель, в которой воспитываются дети, в которой оттачиваются человеческие отношения» (патриарх Кирилл) // Евангелие в контексте современной культуры: Сб. науч. ст. VIII Междунар. науч.-практич. конференции, г. Белгород, 15 мая 2020 г. / под ред. Т.И. Липич, С.М. Дергалева, С.Н. Борисова. Белгород: ИД «Белгород»; НИУ «БелГУ», 2020. С. 8-11.

Липич, Т.И., Дмитрийчук, А.Ю. Семья в философско-культурологическом осмыслении // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2017. № 10 (259). Вып. 40. С. 146-150.

Морозова, Е.А. Гармония в семье и браке. Семья глазами православного психолога // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/semya/garmonija-v-seme-i-brake-semja-glazami-pravoslavnogo-psihologa-morozova/ (дата обращения: 10.01.2022).

Пронина, Т.С. Религия как источник культурной идентичности в современной России // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 1. С. 130-139.

Пущаев, Ю.В. Либерализм // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/liberalizm (дата обращения: 10.01.2022).

Рудавина, Т.А. Анализ трансгуманизма с позиции православной теологии // Труды Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2021. Вып. XIII. С. 166-182.

Тихон Задонский, свт. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского: В 5 т. Т. 2. М.: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. 359 с. (a)

Тихон Задонский, свт. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского: В 5 т. Т. 3. М.: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. 420 с. (b)

Трунина, О.К. Традиционные семейные ценности православной культуры в воспитании младших школьников // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2016. Вып. 1 (40). С. 27-37.

Федулова, А.Б. Семья и семейные ценности: философско-аксиологический анализ: Дис. … канд. философ. наук: 09.00.11 – Социальная философия. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2003. 255 с.

Фролышева, Л.А. Православное воспитание в семье – основа личностного становления ребенка // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/deti/pravoslavnoe-vospitanie-v-seme-osnova-lichnostnogo-stanovleniya-rebjonka (дата обращения: 12.01.2022).

References

Aleksandr (Mileant), bishop (2015), “Religious education for children”, *Azbuka very* [Online], available at: https://azbyka.ru/deti/religioznoe-vospitanie-detej#n1 (Accessed 10 January 2022) (in Russ.).

Dergunova, V. (2011), “The right of same-sex couples to adopt children”, *Zakon.ru*, 10 October [Online], available at: https://zakon.ru/blog/2011/10/10/pravo_odnopolyx_par_na_usynovlenie_detej (Accessed 10 January 2022) (in Russ.).

Elnikova, G. A. (2003), “The Emergence and Development of Feminism in Russia: A Historical Perspective”, *Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasus region. Social Sciences*, 12, 1-15 (in Russ.).

Fedulova, A. B. (2003), *“Family and Family Values: A Philosophical and Axiological Analysis”*, Ph.D. Thesis in Social Philosophy, Lomonosov Pomor State University, Arkhangelsk, Russia (in Russ.).

Frolysheva, L. A. (2022), “Orthodox upbringing in the family – the basis of personal formation of the child”, *Azbuka very* [Online], available at: https://azbyka.ru/deti/pravoslavnoe-vospitanie-v-seme-osnova-lichnostnogo-stanovleniya-rebjonka (Accessed 12 January 2022) (in Russ.).

Ilarion (Alfeev), metropolitan (2013), “Family, Christianity, and Society: An Orthodox Perspective”, *Patriarchia.ru*, 13 November [Online], available at: http://www.patriarchia.ru/db/text/3365819.html (Accessed 10 January 2022) (in Russ.).

John Chrysostom, the saint, (2006b), “A word about parenting”, *Polnoe sobranie tvorenij: V 12 t. Vol. 12. Ch. 2* [The Complete Works: In 12 vol. Vol. 12. P. 2], Sestrichestvo vo imya svt. Ignatiya Stavropol'skogo Publishing House, Moscow, Russia, 717-725 (in Russ.).

John Chrysostom, the saint, (2006a), “Eight words on the book of Genesis. The seventh word”, *Polnoe sobranie tvorenij: V 12 t. Vol. 4. Ch. 2* [The Complete Works: In 12 vol. Vol. 4. P. 2], Sestrichestvo vo imya svt. Ignatiya Stavropol'skogo Publishing house, Moscow, Russia, 760-770 (in Russ.).

Kanevsky, A., ier. (2013), *Tserkov' i sem'ya v usloviyakh postroeniya odnopolyarnogo global'nogo mira* [Church and Family in a Unipolar Global World] [Online], available at: https://ruskline.ru/analitika/2013/11/14/cerkov_i_semya_v_usloviyah_postroeniya_odnopolyarnogo_globalnogo_mira/ (Accessed 29 March 2022) (in Russ.).

Kurazhenkova, N. S. (2015), “The family as the main institution of upbringing”, *World of Science*, 3 (3), 1-7 [Online], available at: https://mir-nauki.com/PDF/22PDMN315.pdf (Accessed 29 March 2022) (in Russ.).

Lipich, T. I., Lipich, V. V. and Borisov, S. N. (2020), “‘The family is the cradle in which children are raised and in which human relationships are honed’ (Patriarch Kirill)”, *Evangelie v kontekste sovremennoj kul'tury: Sb. nauch. st. VIII Mezhdunar. nauch.-praktich. konferencii,*

g. Belgorod, 15 maya 2020 g. [The Gospel in the Context of Contemporary Culture: Collection of Scientific Articles of the VIII International Scientific and Practical Conference, Belgorod, May 15, 2020], in Lipich, T. I., Dergalev, S. M., Borisov, S. N. (eds.), Belgorod Publishing House, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, 8-11 (in Russ.).

Lipich, T. I. and Dmitriychuk, A. Yu. (2017), "The Family in Philosophical and Cultural Reflection", *Bulletin of Belgorod State University*, 10 (40), 146-150 (in Russ.).

Livtsov, V. A. (2015), *Ekumenicheskoe dvizhenie i Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v kontekste gosudarstvennoj konfessional'noj politiki Rossii s serediny XIX v. po nachalo XXI v.* [The Ecumenical Movement and the Russian Orthodox Church in the Context of Russia's State Confessional Policy from the Middle of the 19th Century to the Beginning of the 21st Century], Orlovsky filial Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby, Orel, Russia (in Russ.).

Morozova, E. A. (2009), *Garmoniya v sem'ye i brake. Sem'ya glazami pravoslavnogo psikhologa* [Harmony in the family and marriage. The family through the eyes of an Orthodox psychologist] [Online], available at: https://azbyka.ru/semya/garmonija-v-seme-i-brake-semja-glazami-pravoslavnogo-psihologa-morozova/ (Accessed 10 January 2022) (in Russ.).

Pronina, T. S. (2015), "Religion as a Source of Cultural Identity in Modern Russia", *Tambov University Review. Series: Humanities*, 1 (157), 130-139 (in Russ.).

Pushchaev, Yu. V. (2022), "Liberalism", *Azbuka very* [Online], available at: https://azbyka.ru/liberalizm (Accessed 10 January 2022) (in Russ.).

Rudavina, T. A. (2021), "An Analysis of Transhumanism from the Perspective of Orthodox Theology", *Trudy Belgorodskoy Pravoslavnoy Dukhovnoy seminarii (s missionerskoy napravlennost'yu)* [Works of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary orientation)], XIII, 166-182 (in Russ.).

Tikhon Zadonsky, st. (1994a), *Tvoreniya izhe vo svyatykh otsa nashego Tikhona Zadonskogo*: V 5 t. Vol. 2 [The Works of Our Father Tikhon of Zadonskiy: In 5 vol. Vol. 2], Svyato-Uspenskiy Pskovo-Pecherskiy monastyr', Moscow, Russia (in Russ.).

Tikhon Zadonsky, st. (1994b), *Tvoreniya izhe vo svyatykh otsa nashego Tikhona Zadonskogo*: V 5 t. Vol. 3 [The Works of Our Father Tikhon of Zadonskiy: In 5 vol. Vol. 3], Svyato-Uspenskiy Pskovo-Pecherskiy monastyr', Moscow, Russia (in Russ.).

Trunina, O. K. (2016), "Traditional family values of Orthodox culture in the education of younger students", *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*, 1 (40), 27-37 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Рудавина Татьяна Анатольевна, магистрант кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; член епархиального отдела по взаимодействиям Церкви с обществом и СМИ (Губкинская епархия, Белгородская митрополия); *rudatan@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Tatiana A. Rudavina, Master's Degree Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University,85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; Member of the Diocesan Department for Interaction between the Church, Society and the Media (Gubkin Diocese, Belgorod Metropolis), *rudatan@yandex.ru*

УДК 271.2, 241 **DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-14**

Ермолович В. В.

Богословская традиция борьбы староверов-поморцев с инновациями в христианстве и ересью: опыт Белгородской старообрядческой общины

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *ermolov.v2021@mail.ru*

Аннотация. В статье проведен краткий анализ опыта борьбы староверов-поморцев с инновациями в христианстве, в основе которого лежит святоотеческий подход к противостоянию ереси. Показано, что секты и новые религиозные движения имеют типологическое сходство с доктринами более древних ересей. Обоснована необходимость совместного противостояния старообрядцев и Русской Православной Церкви Московского Патриархата (РПЦ МП) угрозам глобализации через восстановление основ религиозного воспитания и семейную церковь.

Ключевые слова: инновации; ересь; секта; новое религиозное движение; святоотеческий подход; старообрядцы; глобализация; семейная церковь

Для цитирования: Ермолович В.В. Богословская традиция борьбы староверов-поморцев с инновациями в христианстве и ересью: опыт Белгородской старообрядческой общины // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 168-174. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-14

V. V. Ermolovich

The Theological tradition of the struggle of Old Believers against innovations in Christianity and heresy: experience of Belgorod Old Believers community

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; *ermolov.v2021@mail.ru*

Abstract. The article gives a brief analysis of the experience of Old Believers-Pomorians in fighting against innovation in Christianity, which is based on the saintly and patristic approach to heresy. It is shown that sects and new religious movements have typological similarities with the doctrines of older heresies. The author substantiates the need for Old Believers and the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate (ROC MP) to jointly confront the threats of globalization through the restoration of the foundations of religious education and the family church.

Key words: innovation; heresy; sect; new religious movement; sacred fatherly approach; Old Believers; globalization; family church

For citation: Ermolovich V. V. (2022), “The Theological tradition of the struggle of Old Believers against innovations in Christianity and heresy: experience of Belgorod

Old Believers community", *Research Result. Social Studies and Humanities,* 8 (3), 168-174, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-14

После Смутного времени 1605–1612 годов государство Российское находилось на грани краха. Произошла девальвация ключевых христианских ценностей, а сама жизнь человеческая перестала восприниматься как нечто святое, Богом данное. Однако уже в 1620-х годах, после заключения мира с Польшей и возвращения Патриарха Филарета, который стал, по сути, идеологом преображения России и соправителем своего сына, царя Федора Михайловича, страна стала подниматься с колен. Именно в этот период возрождения государства и встречается впервые, в 1626 году, упоминание в писцовых книгах о деревне Кошлаково, во многом определившей становление и развитие старообрядчества на территории Святого Белогорья. Сюда стали активно ссылать стрельцов с семьями, противников церковных реформ Патриарха Никона. В 1666 году в Кошлаково переселилась большая семья староверов Тараса Москалева в надежде избежать репрессий. И сам Тарас с целью предотвращения опасных расспросов был зачислен в стрельцы под фамилией Тарасов. Именно семья Тарасовых и приехавшие чуть позже Михайловы и Лагутины стали основой старообрядческого клана. После отмены Петром Первым в 1716 году 12 статей царевны Софьи в отношении старообрядцев и поддержки им Выговского общежительства старообрядческая жизнь в Белогорье стала активно развиваться. Огромную роль в этом сыграли последователи братьев Денисовых, в частности, схиинок Даниил, иноки Герасим и Герман. В конце 1750-х годов при императрице Елизавете ими был основан первый поморский монастырь в городе Чугуеве Белгородской губернии. Вскоре вслед за этим, после указа 1762 года императрицы Екатерины Великой об освоении малозаселенных земель – Кошлаковский и Крапивенский поморские монастыри в Курской губернии стали духовными центрами Старой Веры в регионе на долгие годы. В 1907 году в селе Кошлаково был освящен Храм Святителя Николая Угодника, который стал местом проведения в 1927 году знаменитого Собора христиан поморского согласия, на котором присутствовало более 200 представителей старообрядческих обществ со всей России (Ермолович, 2021b: 192-193).

В 2001 году инициативной группой в составе Тарасова Ивана Николаевича, Тарасова Ефима Ивановича, Перекрестовой Татьяны Борисовны, Цыганковой Прасковьи Григорьевны, Царевой Анны Владимировны была официально зарегистрирована Белгородская старообрядческая община Древлеправославной Поморской Церкви. В мае 2006 года духовным наставником Белгородской общины был избран Тарасов Александр Егорович (10 лет Белгородской…, 2011: 1-4). Белгородская община староверов-поморцев старается внести свой посильный вклад в противостояние угрозам глобализации, прежде всего конкретными делами и посредством построения семейной церкви среди прихожан, интеграцией старообрядцев в современное общество. Сущность старообрядчества не в церковных обрядах, хотя их спасительная сила не вызывает сомнений. Старообрядчество – это прежде всего образ жизни и мировоззрение человека в соответствии с заповеданным нам наследием Старой Веры. Именно сохранению, а порой и восстановлению традиционного образа жизни прихожан в чистоте дел, слов и помыслов уделяет ключевое внимание Белгородская община староверов-поморцев (Ермолович, 2021b: 197).

Со времен раннего христианства и до конца Нового времени (до середины – конца XIX в.) инновации (нововведения) в христианстве активно исполняли разного рода ереси. Ереси отходили от официального учения церкви, от Евангелия, уходили от христианства и превращались обычно в секты. Отход от христианства был связан с

конфликтом с официальной церковью, а антропология и сотериология еретиков продолжала находиться в христианской парадигме (Лункин, 2009: 340). Основой для появления течений, которые отходили от христианства, но оставались верными многим его основным принципам и идеологемам, стал прежде всего протестантизм, который впоследствии породил тысячи направлений и групп, однако большая их часть развивалась в рамках протестантской этики и логики церковного развития (Карташев, 1991: 287). Меньшая часть превратилась в новые религиозные движения (НРД), которые принципиально отличаются от традиционного исторического христианства. Заманчивой стороной любого сектантского неохристианского учения всегда была и остается вера в мнимое воображаемое спасение и благополучную жизнь без всякого подвига – труда во славу Божию. Святые Отцы такое состояние характеризовали как «прелесть» (Куликов, 2008: 3-8; Питанов). Таким образом, сектанты хотят или подменить собою православие, или ассимилировать христианство. Эта методология противостояния Церкви известна Ей давно. Впервые Церковь встретилась с такой опасностью в борьбе с гностицизмом. Другими словами, заблуждения современных сектантов имеют типологическое сходство с доктринами более древних ересей.

Доктрины современных сект воплотили в себя предшествующие идеи и не представляют собою неизвестные Церкви учения. У сект, подобно Преданию Церкви, существует свое еретическое предание. Хотя в нем не всегда прослеживается историческая преемственность, но часто существует типологическое сходство их идей, которые в большинстве сект восходят ко времени возникновения Церкви. Поэтому для определения характерных признаков сектантства приемлемы выработанные Церковью признаки отличия истины от заблуждения (Сидоров, 2011: 343). Идеология целого ряда НРД, тесно связанных с христианским миропониманием и вероучением, основывается на переосмыслении и развитии христианских идей в самых неожиданных направлениях. При этом в подавляющем большинстве случаев НРД противопоставляет себя христианству либо критикует его (Лункин, 2009: 341).

Развитие религиозной свободы личности от церковного авторитета иерархии, а частично и от авторитета Священного Писания в его буквальном понимании путем использования различных аллегорических истолкований, неприемлемо для сторонников истинной православной веры, поэтому старообрядчество в принципе сохраняет признание учительной власти духовенства; не приемлет «свободного исследования» Библии, сохраняя признание святоотеческих толкований ее текстов и опираясь на них.

Молельня (Храм) всегда была центром жизни верующих людей. Жизнь староверов связана с молельней – от рождения и до смерти (Лавренов, 2021: 111). Принадлежность к старообрядчеству обязывает верующего к организации всей своей жизни по религиозным правилам, к регулярному участию в продолжительных богослужениях, к соблюдению многочисленных ограничений в быту. Бытовой консерватизм старообрядчества основывается на религиозном традиционализме. Именно он обусловил сохранение в старообрядчестве русских национальных традиций. Представление о целостности человеческого бытия, неразделимой связи между материальным и идеальным началами, особенно в отношениях между человеком и Богом, в религиозном культе; о нераздельности между церковным и светским – всё должно быть воцерковлено, вся жизнь устроена на религиозных основах. Отсюда происходит неприятие старообрядчеством идеи нерелигиозной «светской» жизни (Шахов, 2000: 267).

Ревнители старой веры, являясь приверженцами традиционного византийско-русского богословия и концепции «воссоздания Святой Руси», полагают, что для противодействия деструктивному влиянию неохристианских НРД необходимо провести «воцерковление» россиян, в частности,

через повышение роли религиозного образования в современном обществе. И в этом вопросе нельзя идти на поводу у идеологов построения социально фрагментированного секуляризованного общества, которые так любят прикрываться принципами свободы совести и религиозной свободы граждан (Миловидов, 1979: 56; Балагушкин, 1996: 95). В последние годы лидеры детрадиционализации и религиозной свободы усиливают пропаганду религиозной нетерпимости в стране. Верующих традиционных конфессий они сплошь и рядом пытаются опорочить и именуют «земными прислужниками сатаны», а россиян пытаются запугать «нашествием всеереси» и якобы творящимся в стране «бесовским шабашем». Цель подобных заявлений – подорвать доминирующее положение православия [Осипова, 2021: 276].

Отношение старообрядцев к неохристианским НРД основано, прежде всего, на святоотеческом опыте борьбы с ересью. В этом вопросе у старообрядцев нет противоречий с официальной позицией Русской Православной Церкви. Патриарх Кирилл охарактеризовал сектантство как «очень болезненное явление»: «В сектантской деятельности есть отрицание истории, есть отрицание религиозного опыта других, есть попытка монополизировать религиозный фактор и подчинить его недекларируемым целям. В России это всегда направлено против Русской Церкви. Я не встречал ни одного сектанта, безразличного или доброжелательного по отношению к Русской Церкви». Патриарх подчеркнул, что «религиозный экстремизм – а речь идет об экстремизме – конечно, должен быть ограничен законодательно» (Кирилл (Гундяев), Патриарх).

Проблемы отношений старообрядческих религиозных организаций с государством, возникающие в ходе обеспечения конституционного равенства конфессий, возвращения церковного имущества, в связи с принятием Закона «О свободе вероисповеданий и о религиозных объединениях» для старообрядчества вызваны тем, что, будучи мировоззренчески одной из традиционных конфессий, старообрядчество в то же время находится в состоянии религиозного антагонизма с Московским Патриархатом. Сегодня староверы открыты для общения с официальной властью и РПЦ МП, однако есть принципы, которыми староверы никогда не пожертвуют, – чистотой Веры, которая является основой всей жизни (Поморские ответы, 2016: 226). По отношению к неохристианским НРД стороны занимают солидарную позицию, поскольку сторонники Старой Веры конфессионально рассматривают себя как подлинную Российскую Православную Церковь и придерживаются в этом вопросе, как и новообрядцы, исключительно авторитетного мнения Святых Отцов. Староверы полагают, что любые инновации (нововведения) в христианстве недопустимы и являются ересью.

В новейшее время на старообрядчестве, на старообрядческом мировоззрении существенно сказывается общая тенденция к снижению уровня религиозности в обществе. Сегодня наряду с борьбой с сектантством перед старообрядцами и всем православным сообществом стоит гораздо более трудный вызов – вызов глобализации (Андрей (Марченко), 2018). Поэтому актуальность противостояния деструктивному влиянию новых религиозных организаций, с опорой, прежде всего, на святоотеческий опыт борьбы с ересью, будет только усиливаться. И противостоять этой негативной тенденции возможно только совместными действиями всех традиционных христианских конфессий. Прежде всего здесь речь может идти о духовном единстве всех христиан в рамках малых семейных церквей, «ибо где двое или трое собраны во Имя Мое, там и Я посреди них» (Мф. 18:20) (Ермолович, 2021а: 202). Как отмечалось в Итоговой резолюции Всемирного старообрядческого форума, проходившего в Москве в 2018 году, «старообрядцы настороженно воспринимают информационную и духовную глобализацию, следствием которой становится пропаганда греха» (Всемирный старообрядческий…, 2018: 256-259).

Сейчас главная тенденция развития старообрядчества изменилась и состоит в том, что оно перестает быть чисто сельским и крестьянским; старообрядчество интегрировано в городскую жизнь. Но его модернизация должна проходить на базе Старой Веры, а не современных нововведений, чтобы сохранить чистоту традиционных ценностей. В старообрядческой среде все еще непоколебимы традиционные семейные ценности, но общинная жизнь по заповедям Старой Веры в лучшем случае превратилась в так называемую приходскую жизнь (Поморские ответы, 2016: 47-48). И сегодня, несмотря на разногласия, перед всеми христианами России, обществом и государством стоит несоизмеримо более важный вызов, чем межконфессиональные разногласия, – вызов сохранения христианской цивилизации как таковой. И прежде всего глобальной атаке подвергается сама суть христианства: семья и община.

Литература

10 лет Белгородской старообрядческой общине / под ред. А.Е. Тарасова. Белгород: Константа, 2011. 30 с.

Андрей (Марченко), протоирей. Ближайшие задачи Старообрядчества и проблемы его самоидентификации в эпоху глобализма // Всемирный старообрядческий форум: Материалы Международной конференции, Москва, 1-2 октября 2018 г. М.: Культурно-паломнический центр им. протопопа Аввакума, Третий Рим, 2018. С. 43-50.

Арсенина, О.В. Проблема религиозной идентичности и религиозности в старообрядческом социуме: Дис… канд. философских наук. Архангельск: Поморский ГУ, 2006. 204 с.

Балагушкин, Е.Г. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 90-100.

Всемирный старообрядческий форум: Материалы международной конференции, Москва, 1-2 октября 2018 г. М.: Культурно-паломнический центр им. протопопа Аввакума, Третий Рим, 2018. 264 с.

Ермолович, В.В. (Василий Ермолов). Путь к Истине и Старой Вере. Белгород: Белгородская. обл. тип., 2021. 212 с. (a)

Ермолович, В.В. Религиозно-историческая идентичность Белгородской общины староверов поморцев // Третьи Ковылинские Преображенские чтения (Москва, 28 октября 2021 г.): Сб. материалов. М.: Культурно-паломнический центр им. Протопопа Аввакума, 2021. С. 192-197. (b)

Карташев, А.В. Очерки по истории Русской Церкви: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. 704 с.

Кирилл (Гундяев), Патриарх. В сектантстве всегда есть пафос отрицания своей истории и культуры [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/726813.html (дата обращения: 26.04.2022).

Куликов, И. Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: Справочник. М.: Паломник, 2008. 386 с.

Лавренов, А.Н. К староверам, потерявшим страх Божий // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2018 год. СПб.: Изд-во ДПЦ, 2021. С. 111-115.

Лункин, Р.В. Новые религиозные движения в России: христианство и постхристианство в зеркале новых богов и пророков // Двадцать лет религиозной свободы в России: Сб. ст. М.: РОССПЭН: Московский центр Карнеги, 2009. С. 329-394.

Миловидов, В.Ф. Современное старообрядчество. М.: Мысль, 1979. 126 с.

Осипова, В.В. Нетрадиционные движения в общественно-политической жизни России 1990–2015 гг.: Дис. … кандидата исторических наук. М.: МГУ им. Ломоносова, 2021. 326 с.

Питанов, В.Ю. Духовный опыт, как источник истины // Православный миссионерский апологетический центр «Ставрос». [Электронный ресурс]. URL: http://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/pitanov_duhovniy_opit.pdf (дата обращения: 25.04.2022).

Поморские ответы: В 2 кн. Кн. 2: Переложение на современный русский язык. М.: Кринница, 2016. 406 с.

Сидоров, А.И. Святоотеческое наследие и церковные древности. Т. 1. Святые отцы в истории Православной Церкви. М.: Сибирская Благозвонница, 2011. 432 с.

Шахов, М.О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и отношение к обществу: Дис... доктора философских наук. М.: РАГС при Президенте РФ, 2000. 377 с.

References

Andrey (Marchenko), archpriest (2018), "The immediate tasks of the Old Believers and the problems of their self-identification in the era of globalism", *Vsemirny staroobryadcheskiy forum: Materialy Mezhdunarodnoy konferencii, Moskva, 1-2 oktyabrya 2018 g.* [World Old Believers Forum: Proceedings of the International Conference, Moscow, October 1-2, 2018], Publishing House of Protopop Avvakum Cultural and Pilgrimage Center; Tretiy Rim, Moscow, Russia, 43-50 (in Russ.).

Arsenina, O. V. (2006), "The problem of religious identity and religiosity in the Old Believer society", Ph. D. Thesis, Pomorsky State University Publishing House, Arkhangel'sk, Russia (in Russ.).

Balagushkin, E. G. (1996), "New religions as a socio-cultural and ideological phenomenon", *Social sciences and contemporary world*, 2, 90-100 (in Russ.).

Ermolovich, V. V. (2021b), "Religious and historical identity of the Belgorod community of Old Believers of Pomorians", *Tret'i Kovylinskie Preobrazhenskie chteniya (Moskva, 28 oktyabrya 2021 g.)* [Materials of The Third Kovylinsky Preobrazhensky Readings (Moscow, October 28, 2021)], Publishing House of Protopop Avvakum Cultural and Pilgrimage Center, Moscow, Russia, 192-197 (in Russ.).

Ermolovich, V. V. (Vasiliy Ermolov) (2021a), *Put' k Istine i Staroy Vere* [The Path to the Truth and the Old Faith], Belgorod Regional Printing House, Belgorod, Russia (in Russ.).

Kartashev, A. V. (1991), *Ocherki po istorii Russkoj Tserkvi: V 2 t. T. 1* [Essays on the History of the Russian Church: In 2 vols. Vol. 1], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Kirill (Gundyaev), Patriarkh. *V sektantstve vsegda est' pafos otricaniya svoey istorii i kul'tury* [Sectarianism always has the pathos of denying its history and culture] [Online], available at: http://www.patriarchia.ru/db/text/726813.html (Accessed 26 April 2022) (in Russ.).

Kulikov, I. (2008), *Novye religioznye organizacii Rossii destruktivnogo i okkul'tnogo kharaktera: Spravochnik* [New religious organizations of destructive and occult nature in Russia: Reference book], Palomnik, Moscow, Russia (in Russ.).

Lavrenov, A. N. (2021), "To the Old Believers who have lost the fear of God", *Kalendar' Drevlepravoslavnoy Pomorskoy Tserkvi na 2018 god* [Calendar of the Ancient Orthodox Church of Pomorie for 2018], Publishing House of the Ancient Orthodox Church of Pomorie, St. Petersburg, Russia, 111-115 (in Russ.).

Lunkin, R. V. (2009), "New Religious Movements in Russia: Christianity and post-Christianity in the mirror of the new gods and prophets", in: *Dvadtsat' let religioznoy svobody v Rossii* [Twenty years of religious freedom in Russia], ROSSPEN: Carnegie Moscow Center, Moscow, Russia, 329-394 (in Russ.).

Milovidov, V. F. (1979), *Sovremennoe staroobryadchestvo* [Contemporary Old Believers], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Osipova, V. V. (2021), "Non-traditional Movements in the Socio-political life of Russia 1990–2015", Ph.D. Thesis, Lomonosov Moscow State University Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Pitanov, V. Ju. *Dukhovny opyt, kak istochnik istiny* [Spiritual experience as a source of truth] [Online], available at: http://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/pitanov_duhovniy_opit.pdf (Accessed 25 April 2022) (in Russ.).

Pomorskie otvety: V 2 kn. Kn. 2: Perelozhenie na sovremennyj russkiy yazyk (2016) [Pomorian answers: In 2 books. Book 2: Translation into modern Russian], Krinnitsa, Moscow, Russia (in Russ.).

Shakhov, M. O. (2000), "Old Believers' Worldview: Religious and philosophical foundations and attitude to society", Ph.D. Thesis, Publishing House of the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia (in Russ.).

Sidorov, A. I. (2011), *Svyatootecheskoe nasledie i tserkovnye drevnosti. T. 1. Svjatye ottsy v istorii Pravoslavnoy Tserkvi* [Patristic heritage and Church antiquities. Vol. 1. Holy Fathers in the history of the Orthodox Church], Sibirskaja Blagozvonnitsa, Moscow, Russia (in Russ.).

Tarasov, A. E. (ed.) *10 let Belgorodskoy staroobryadcheskoy obschine* (2011) [10 years of the Belgorod Old Believers community], Konstanta, Belgorod, Russia (in Russ.).

Vsemirny staroobryadcheskiy forum: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, Moskva, 1-2 oktyabrya 2018 g. (2018) [World Old Believers Forum: Proceedings of the International Conference, Moscow, October 1-2, 2018], Publishing House of Archpriest Avvakum Cultural and Pilgrimage Center; Tretiy Rim, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Ермолович Вячеслав Васильевич, магистрант кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *ermolov.v2021@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Vyacheslav V. Ermolovich, Master's Student of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; *ermolov.v2021@mail.ru*

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-15

Bai Jie

Research on Russian translation strategies of 2021 Network buzzwords from the perspective of cross-cultural communication

Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, 4 Universitetskaya St., Tashkent, 100174, Uzbekistan;
Jining Normal University, 59 Gongnong St., Ulanqab City, 012000, Inner Mongolia Autonomous Region, China; *719350925@qq.com*

Abstract. The development of Internet technology has given birth to network buzzwords expressing meanings in specific network media. Such language forms have increasingly appeared, reflecting a country's popular culture to a certain extent, besides, which has become a prism reflecting the country's social development. In order to improve the effect of cross-cultural communication, better serve cross-cultural communication, and translate network buzzwords vividly and appropriately, translators must adopt appropriate translation strategies based on the timeliness, entertainment, and simplicity of online buzzwords, furthermore, accurately and authentically translate Chinese Internet buzzwords on the premise of retaining the local cultural characteristics, thereby promoting in-depth communication of Chinese and Russian network culture. The goal of this paper is to analyze the origin and dissemination of Internet buzzwords from the perspective of cross-cultural communication, to define the concept of Internet buzzwords, to explore its origin, to analyze its phenotypic characteristics, and to try to find translation strategies for Chinese Internet buzzwords. This paper draws the following conclusions: The generation of Chinese Internet buzzwords has profound cultural roots, and it relies on new network media in the process of dissemination. In order to make cross-cultural communication more effective, in the process of translating Chinese online buzzwords, appropriate translation strategies should be flexibly selected according to the specific context and semantics.

Key words: cross-cultural; network buzzwords; translation strategy; communication

For citation: Bai Jie (2022), “Research on Russian translation strategies of 2021 Network buzzwords from the perspective of cross-cultural communication”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 175-183, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-15

Бай Цзе

Исследование стратегий перевода модных интернет-словечек на русский язык в 2021 году с точки зрения межкультурной коммуникации

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, ул. Университетская, д. 4, г. Ташкент, 100174, Узбекистан;
Цзининский педагогический университет, ул. Гуннун, д. 59, г. Уланчаб, 012000, Внутренняя Монголия, Китайская Народная Республика; *719350925@qq.com*

Аннотация. Развитие интернет-технологий привело к появлению интернет-словечек, которые выражаются в специфической сетевой среде. Все чаще появляются

такие языковые формы, которые в определенной степени отражают народную культуру страны, кроме того, они стали призмой, преломляющей социальное развитие страны. Для того чтобы повысить эффективность межкультурной коммуникации, лучше обслуживать межкультурные обмены и ярко и уместно переводить модные слова Интернета, переводчики должны использовать соответствующие стратегии перевода, основанные на своевременности, развлекательности и простоте модных слов Интернета, чтобы точно и достоверно переводить китайские шумовые слова Интернета, сохраняя при этом местные культурные особенности. Это будет способствовать лучшему общению между китайской и российской онлайн-культурами. Целью данной статьи является анализ происхождения и распространения модных слов Интернета с точки зрения межкультурной коммуникации, определение концепции модных слов Интернета, анализ некоторых их фенотипических характеристик и попытка определить стратегии перевода для китайских модных слов Интернета. В этой статье сделаны следующие выводы: генерация китайских модных слов Интернета имеет глубокие культурные корни и в процессе распространения опирается на новые сетевые средства массовой информации. Чтобы сделать межкультурную коммуникацию более эффективной, в процессе перевода китайских онлайновых модных словечек следует гибко выбирать соответствующие стратегии перевода в соответствии с конкретным контекстом и семантикой.

Ключевые слова: межкультурный; модные слова Интернета; стратегии перевода; коммуникация

Для цитирования: Бай Цзе. Исследование стратегий перевода на русский язык модных интернет-словечек 2021 года с точки зрения межкультурной коммуникации // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 175-183, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-15

Introduction

Language is the most important tool of human communication, and it changes with the development of human society. With the emergence of the Internet, mankind has entered the network age. The medium of human communication has also changed. The Internet has also become an important platform for communication. In 2021, China Internet Network Information Center (CNNIC) released the Statistical Report on The Development of Internet in China. It pointed out that by June 2021, the scale of Internet users in China had reached 1.011 billion, and the scale of mobile Internet users in China had reached 1.007 billion[1]. The impact of the Internet on communication has been remarkable. Network buzzwords are the product of the rapid development of the Internet era. It not only meets the diverse needs of communication, but also adapts to the needs of social development and transformation, and becomes a mirror reflecting the characteristics of The Times.

Cross-cultural communication enables people with different cultural concepts and symbolic systems to interact, and the Internet makes such communication more convenient. At the same time, the emergence of network buzzwords has put forward new tasks and directions for understanding and translation (Tao, 2017; Wang Sha, Xiao Jiugen, 2020; Jing Luo, 2021; Zhou Yan, 2021 and others).

Methods

In order to investigate Internet

[1] The 48th Statistical Report on Internet Development in China. China Internet Network Information Center. August 2021. URL: https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202111/P020211119394556095096.pdf

buzzwords more carefully, the following research methods are adopted in this paper:

1. Observing and collecting buzzwords on Internet, and then analyzing buzzwords from the perspective of cross-cultural communication.

2. Analyzing the origin and performance characteristics of Internet buzzwords to explore suitable translation strategies.

The main content

1. Reasons for the formation and communication of network buzzwords

The causes of network buzzwords are multifaceted, including social factors and network users' own factors. As a network language, network buzzwords are developed with the emergence and development of the Internet to meet the needs of the Internet era. At the same time, in the virtual network, citizens need to use the corresponding virtual symbol system to realize the intention of communication, and network buzzwords are an important tool for the realization of this process.

First of all, the development and popularity of the Internet is the most important factor for the emergence of network buzzwords. Gadamer has asserted that the twenty first century is the first era in which technology plays a decisive role and begins to expand technological knowledge from the control of natural power to the control of social life. (Gadamer, 1988: 63) The network is a virtual space outside the reality supported by digital technology. With the continuous development of science and technology, the Internet has become the main channel for people around the world to communicate. The Internet is changing people's lives all the time, and also shaping the form of human groups. Netizen is the group produced under this background.

China officially joined the Internet in 1994, and in the 21st century, people's lives have been changed. In online communities or social media, many Chinese netizens like to use English words, letters, or Chinese-English hybrids to communicate ideas, which is also the result of language contact on the Internet.

Secondly, the social, economic and political situation is also a prerequisite for the emergence of network buzzwords. One of the fundamental characteristics of language is its sociality. China's reform and opening up provided historical conditions for the emergence of network language. The reform and opening-up policy, which began in the late 1970s, has enabled China to reach out to the world and the Chinese people to understand the world. While promoting economic development, reform and opening up have strengthened exchanges and contacts with other countries. All kinds of new things and ideas have emerged, creating a good environment for cultural vitality.

In the process, a large number of new words were coined. And with the Internet access of millions of households, network buzzwords also began to be known by more netizens and widely spread. For example, "3Q" is widely used among Internet buzzwords, referring to Thank you. "88" is the harmonics of the English word "ByeBye". "666" means a good game or awesome. And every year, new buzzwords emerge and become the catchphrase of netizens. We'll elaborate on the internet buzzwords for 2021 below.

Thirdly, the rise and development of network buzzwords are also the psychological reflection of network users in virtual space. At present, Internet users are mainly young people with a certain level of education, who are innovative and eager to be different. Driven by such social psychology, they are encouraged to pursue the visual effect of "defamiliarization" in expression. More importantly, they have a strong ability to control the direction of social trends and look forward to the emergence of new things, creating fashionable and trendy symbols to express their emotions. In addition to the psychology of seeking new things, the use of Internet buzzwords also reflects the users' psychology of identification and catharsis. Through the use of Internet buzzwords, they mark their identity and seek spiritual affiliation. In turn, they vent their emotions and relieve pressure within the group. (Song Ziran, Wang Yong, Li Jinlai, 2021: 57, 61, 68, 69).

The development of language is a dynamic development process. Network

buzzwords are a new language variant produced under the background of network, and they are an important means of communication for netizens, which reflects the dynamic development of society. Any change in social life, even the smallest change, will be more or less reflected in language, mainly in vocabulary, for language is the most important means of communication by which social life is carried out. (Chen Yuan, 2000: 230)

II. The concept and origin of network buzzwords

From the perspective of sociolinguistics, network buzzwords are not only a linguistic phenomenon, belonging to the category of network language, but also a social phenomenon. As a symbol of social change, language change is rooted in social change. Social change is the source and motive force of language change, and language change reflects and reacts on social change. W. Right, a famous American linguist, believes that language, as a social phenomenon, will unambiguously change with the changes of social life and change with the pace of social life (Su Xinchun, 2006: 17).

According to the viewpoint of Chinese scholar Wang Shiyong, network buzzwords are the most active language symbols with fermentation function and special meaning that are mainly used spontaneously by netizens in the network field within a certain period of time and often have an impact on social reality (Wang Shiyong, 2014: 189).

Through the above definition we can see that network catchword is first exist within a certain period or stage, with the aid of network media communication, its creator is Internet users, it is widely used and widely spread, it in words, numbers, letters and symbols as the main carrier, was born in a participatory and openness of Internet chat rooms, online communities, blogs, is the network language in the most active and netizens agreed expression.

In order to present the characteristics of network buzzwords more clearly, we analyze the top 10 Chinese Network buzzwords in 2021 with the corpus from The Top 10 Network Words in 2021 released by National Language Resources Monitoring and Research Center in December 2021. *觉醒年代*, *YYDS*, *双减*,*破防*, *元宇宙*, *绝绝子*, *躺平*, *伤害性不高，侮辱性极强*, *我看不懂，但我大受震撼* and *强国有我*. Please look at the table below:

Table

Top 10 Chinese Internet Buzzwords of 2021

Таблица

10 самых модных китайских слов в Интернете в 2021 году

Internet Buzzwords[1]	**English Translation**	**Russian Translation**
觉醒年代	The Age of awakening	Эпоха пробуждения
YYDS	eternal God；the greatest of all time	вечный Бог； величайший всех времён
双减	double reduction; “double reduction” policy	двойное сокращение; политика "двойного сокращения"
破防	Emotional; overwhelm	Эмоциональный； подавляюще
元宇宙	Metaverse	Метаверс
绝绝子	Showstopper; breathtaking; extremely bad	Захватывающее зрелище; Крайне плохо
躺平	couch potato	домосед

[1] https://www.maigoo.com/news/609348.html

伤害性不高，侮辱性极强	It is not so much damaging as it is humiliating	Это не столько вредит, сколько унижает
我看不懂，但我大受震撼	I didn't get it, i was just in awe	Я не понял, я был просто в восторге
强国有我	The powerful country has me	У могущественной страны есть я

From the analysis of sources, there are mainly the following categories:

1. Current affairs policies

双减 is a new network buzzword brought by current affairs policies. "Double reduction" refers to the policy of the Ministry of Education in 2021 to further reduce the homework burden and off-campus training burden of students in compulsory education. ***强国有我*** originated from the solemn oath made by young students in the celebration of the centenary of the founding of the Party in Tian'anmen Square.

2. Cultural products

The term ***觉醒年代*** comes from the TV series "The Age of Awakening", which traces the birth and founding of the Communist Party of China. It has been well received by audiences and has become a hot topic of discussion. ***元宇宙*** , a science fiction concept from the novel Avalanche, is still an evolving concept. The buzzword ***我看不懂，但我大受震撼*** comes from the comment of a film and television work by famous director Ang Lee in the 2013 documentary "Disturbing Bergman".

3. Spontaneous creation of networks

YYDS basically originated from network broadcast, and has been continuously used by netizens. The application scenarios are expanding. It can not only be used to praise people, but also countries, institutions and organizations, and then extended to events, affairs, things, etc., all can become gods[1]. During the 2021 Tokyo Olympic Games, Chinese athletes fought hard, with outstanding performances in shooting, diving, weightlifting, table tennis and other events, winning the whole network's "*YYDS*" cheers. The buzzword ***破防***, derived from the FTG term "Guard Break", refers to breaking an enemy's defensive state or reserve of defensive slots[2]. *伤害性不高，侮辱性极强*comes from an online video. The word ***绝绝子*** became popular in an online show, where some fans used ***绝绝子*** to cheer on contestants, which indicates that it is great. The buzzword ***躺平*** first originated from a post by a posting user.

Language is the most important communicative tool in human society. It comes from society and changes with the development of society. Vocabulary is the most productive part of language change. The emergence of neologisms is the embodiment of adapting to the development of social culture in language. Network buzzwords are the inevitable result of social development and reflect the multicultural and diverse social psychology of the present society.

Ⅲ*. The expression characteristics of network buzzwords*

In the network age, the network culture is changing rapidly. Network buzzwords exist in the network society, and are inevitably changing with the development of network communication technology. At the same time, influenced by the semantic transmission of language symbols, they have unique performance characteristics.

1. The timeliness

[1] https://baike.so.com/doc/29778359-31329684.html
[2] https://zhuanlan.zhihu.com/p/440919137

Network buzzwords are often generated based on social events or hot issues, which aptly reflect the changes of social life and times, and are a mirror of the development of times. Netizens show great enthusiasm and concern for social events, creating and spreading some words that reflect the characteristics of The Times. As the product of a specific period, network buzzwords reflect the state of public psychology and social development at that time. For example, the Internet buzzwords *觉醒年代*, *双减* and *强国有我* mentioned above all epitomize the important events of 2021.

2. Entertaining

Neil Postman has made a systematic analysis in the book *Entertainment to Death*. He believes that a new media is the extension and expansion of the old media, and mass media has entered an entertainment era. The discourses of the entertainment age are characterized by the abandonment of logic, rationality and order (Postman, 2015). As a new medium, the network naturally embodies this entertainment more obviously. For example, "*YYDS*" is the Chinese phrase "eternal god" four words pinyin initials combination, this letter collage away from Chinese grammar norms, there is a convenient social communication language, as if the game code, has a strong entertainment; *绝绝子* is popular in network programs, which means "excellent" or "terrible", and is used to praise or ridicule. In terms of composition, it is different from typical Chinese word-formation rules and has an obvious tendency of gamification.

3. Simplicity

破防, *双减*, *躺平* and "YYDS" are all popular words containing short sentences or several words in Chinese. In particular, the "double reduction", originally intended to further reduce the burden of homework and off-campus training for students in compulsory education, is simpler and easier to remember after being compressed. The simplicity of such network buzzwords is closely related to their special way of communication. In an era of rapid information development, people prefer to use simple and easy-to-understand language to express their inner thoughts, and simple buzzwords can be more easily used and disseminated by the public.

It can be seen that network buzzwords are free and full of banter. While liberating language, they are also far away from grammar rules. This is what Bakhtin called the carnival. (Xia Zhongxian, 1994: 81) The network buzzwords of carnival are close to social life, refract social phenomena and reflect social dynamics, which can meet the psychological needs of most people and help to vent emotions. And the simple, easy-to-understand form of the language makes the language itself more economical and practical.

IV. Russian translation strategies of Chinese Network buzzwords in cross-cultural communication

Cross-cultural communication is a discipline established by Edward Hall, an American cultural anthropologist, in the 1950s, which is also called intercultural communication. Cross-cultural communication aims to study the methods and approaches for people from different cultural backgrounds to cross cultural barriers and communicate effectively.

In today's world, the process of globalization is constantly advancing. Through the Internet as a carrier, cross-cultural communication realizes the interconnection and mutual learning between different national cultures. The media expands the flow of culture and the place where culture exists. In particular, the network media differs from the previous media such as printing, telegraph, telephone, and television. It possesses a more direct communication method than traditional media, and moreover, realizes the immediacy of interpersonal communication, with the process more convenient and faster, which provides a wider stage for multicultural exchanges.

In cross-cultural communication, languages of different cultures influence the cross-cultural expression and understanding of languages, while translation plays the role of cultural communication and dissemination. Translation, as an intermediary of cross-cultural communication, has the dual nature of

culture and communication. Therefore, the process of translation, namely the dialogue between cultures, is the transmission of culture and the cross-cultural communication occurring in the process of interlingual communication.

Shen Suru believes that translation is a cross-language and cross-cultural communication, which is to fully and effectively convey the content expressed by a sender with a certain cultural background in a certain language (text) to the recipient with another cultural background (Shen Suru, 1998: 156).

In order to avoid the problems in the process of cross-cultural communication, especially translation errors caused by the differences between Chinese and Western cultural and language structures, translators need to adopt certain translation strategies and skills to correctly deal with the cultural elements in translation, so as to make cross-cultural communication more effective.

1. Literal translation

Literal translation is to tell the meaning of the original text intuitively and accurately, without any distortion or arbitrary addition or deletion, and retain the meaning and style of Chinese. For example, in Table 1, *觉醒年代 (the age of awakening)*, *双减 (double reduction)*, *我看不懂，但我深受震撼 (I didn't get it, I was just in awe)* and *强国有我 (The powerful country has me)* all belong to literal translation. Such network buzzwords often have equivalent meanings in Russian and Chinese with simple literal meanings, which are suitable for direct translation.

2. Free translation

Free translation is the expression of the meaning of the text naturally and fluently, without strict adherence to the original word form or original grammatical structure. Its complete meaning can be embodied through the use of rhetoric. Some network buzzwords with strong cultural color are difficult to be directly translated into Russian. For example, in the table above, the translation of popular words such as *绝绝子* and *伤害性不高，侮辱性极* will be widely distant from the meaning of these Internet buzzwords if translated according to the literal meaning of Chinese characters. The literal meaning should be abandoned and the meaning should be expressed in a form suitable for the Russian audience. Simultaneously, it is necessary to determine the Russian words according to the meaning of Chinese and the context of speech in order to avoid the semantic loss and meaning deviation caused by literal translation. For example, the word *绝绝子* has two meanings, one for praise, said extremely good, and the other for irony, said extremely bad. At this time, it is necessary for the translator to determine the choice of Russian words according to the specific context of use.

3. Interpretation

When there is no corresponding equivalent for the words of the source language in the target language, resulting in a cultural gap, we can abandon the rhetorical devices and expression forms of the original text and adopt an explanatory method to translate the original text. Such as *躺平*, *破防*, "*YYDS*" and other Internet buzzwords, can draw on the method of interpretation, so that the Russian audience can understand these network environment of the variation of Chinese.

There are many kinds of Chinese network buzzwords with different forms, and other processing methods will be adopted, such as zero translation method and transliteration method. For some Chinese Internet buzzwords it is difficult to find equivalent words in Russian, and it is not easy to explain them clearly, so in such cases it is better to choose the zero translation method. Transliteration is also common. This strategy emphasizes language functions by using phonemes as a unit in translation, similar to the pronunciation of the source language. Such as "tofu", "kung fu", "feng shui", "tai chi" and other Chinese culture-loaded words, using transliteration method, has been widely known to the Russian public. This translation method is generally used only for proper nouns such as names of people and places or for words referring to specific things. Given the absence of such words in 2021 internet buzzwords, we will not analyse them here.

Conclusion

Language and culture are interdependent. The generation of network buzzwords is the reflection of reality under the help of network media, which enriches the Chinese vocabulary and enhances the effect of people's daily communication to a certain extent. Chinese network buzzwords originate from their deep cultural roots. In cross-cultural communication, it is necessary to combine their surface meaning and deep connotation for translation. Edward Hall believes that there is no simple reflection, imitation or one-to-one proportionality between language and the real world (Hall, 2013). Translation, as a cultural practice, expresses the source language through the target language and makes things appear again. Therefore, in order to make cross-cultural communication more effective, appropriate translation strategies should be flexibly selected according to the specific context and semantics in the translation of Chinese network catchwords. Translators should not stick to one translation method, and can combine several translation strategies as appropriate to achieve better translation results.

References

Chen Yuan (2000), *Sociolinguistics*, Commercial Press, Beijing, China (in Chinese).

Gadamer (1988), *Rationality in the Age of Science*, transl. by Xue Hua etc., International Culture Publishing Company, Beijing, China (in Chinese).

Hall, S. (2013), *Representation: Cultural Representation and Significance Practice*, transl. by Xu Liang and Lu Xinghua: Commercial Press, Beijing, China (in Chinese).

Jing Luo (2021), "A Study on "Internet Buzzwords" as Popular Culture: Characteristics, Existing Problems and Suggestions" in: *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, *vol. 638, Proceedings of the 2021 International Conference on Public Art and Human Development (ICPAHD 2021),* 740-743. https://dx.doi.org/10.2991/assehr.k.220110.142

Postman, N (2015), *Amusing Ourselves to Death*, transl. by ZhangYan, China CITIC Press, Beijing. China (in Chinese).

Shen Suru (1998), *On Xin Da Ya*, Commercial Press, Beijing, China (in Chinese).

Song Ziran, Wang Yong, Li Jinlai (2021), *Research on the social value of contemporary buzzwords*, China Social Sciences Press, Beijing, China (in Chinese).

Su Xinchun (2006), *Cultural Linguistics Course*, Foreign Language Teaching and Research Press, Beijing, China (in Chinese).

Tao, Y. N. (2017), "An investigation into Chinese Internet Neologisms", *Canadian Social Science*, 13 (12), 65-70, DOI:10.3968/10023. Available at: http://www.cscanada.net/index.php/css/article/view/10023

Wang Sha, Xiao Jiugen (2020), "The Analysis of Network Expressions Under the Positive Energy Ecology of Real Society", *Humanities and Social Sciences,* 8 (3), 100-103.

Wang Shiyong (2014), "The concept and characteristics of Internet buzzwords", *Exploration*, (4), 186–192 (in Chinese).

Xia Zhongxian (1994), "Bakhtin's Theory of Carnival Poetics". *Journal of Beijing Normal University (Social Science Edition)*, (5), 74-82 (in Chinese).

Zhou Yan (2021), *Chinese Internet Buzzwords. Research on Network Languages in Internet Group Communication*, Routledge Tailor & Francis Group. 134 p.

Литература

Jing Luo. A Study on "Internet Buzzwords" as Popular Culture: Characteristics, Existing Problems and Suggestions // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 638. Proceedings of the 2021 International Conference on Public Art and Human Development (ICPAHD 2021). Pp. 740-743. https://dx.doi.org/10.2991/assehr.k.220110.142

Tao, Y. N. An investigation into Chinese Internet Neologisms // Canadian Social Science. 2017. Vol. 13. No. 12. Pp. 65-70. DOI:10.3968/10023. Available at: http://www.cscanada.net/index.php/css/article/view/10023

Wang Sha, Xiao Jiugen. The Analysis of Network Expressions Under the Positive Energy Ecology of Real Society // Humanities and Social Sciences. Vol. 8. Issue 3. May 2020. Pp. 100-103.

Zhou Yan. Chinese Internet Buzzwords. Research on Network Languages in Internet Group Communication. Routledge Tailor & Francis Group, 2021. 134 p.

[德]伽达默尔.科学时代的理性.薛华等译. 北京：国际文化出版公司，1988:63.

宋子然，王勇，李金来. 当代流行语的社会价值研究. 北京：中国社会科学出版社，2021:57,61,68,69

陈原.社会语言学.北京：商务印书馆，2000:230

苏新春. 文化语言学教程. 北京： 外语教学与研究出版社，2006：17

王仕勇. 网络流行语概念及特征辨析. 探索，2014（4）：186-192. (189)

[美]尼尔·波兹曼 . 娱乐至死 . 章艳译. 北京：中信出版社，2015：10, 30,68,97

夏忠宪. 巴赫金狂欢化诗学理论. 北京师范大学学报（社会科学版），1994 (5): 74一82.（81）

沈苏儒. 论信达雅. 北京：商务印书馆.1998：156

[英]斯图尔特·霍尔著，徐亮、陆兴华译. 表征： 文化表征与意指实践.北京：商务印书馆， 2013：24,25,30

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

ABOUT THE AUTHOR:

Bai Jie, PhD Applicant of the Department of Translation Theory and Comparative Linguistics, Faculty of Foreign Philology, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, 4 Universitetskaya St., Tashkent, 100174, Uzbekistan; Lecturer of Russian Language and Literature, The Foreign Language College, Jining Normal University, 59 Gongnong St., Ulanqab City, 012000, Inner Mongolia Autonomous Region, China; *719350925@qq.com*

ОБ АВТОРЕ:

Бай Цзе, соискатель кафедры теории перевода и сравнительного языкознания, факультет зарубежной филологии, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, ул. Университетская, д. 4, г. Ташкент, 100174, Узбекистан; преподаватель русского языка и литературы института иностранных языков, Цзининский педагогический университет, ул. Гуннун, д. 59, г. Уланчаб, 012000, Внутренняя Монголия, Китайская Народная Республика; *719350925@qq.com*